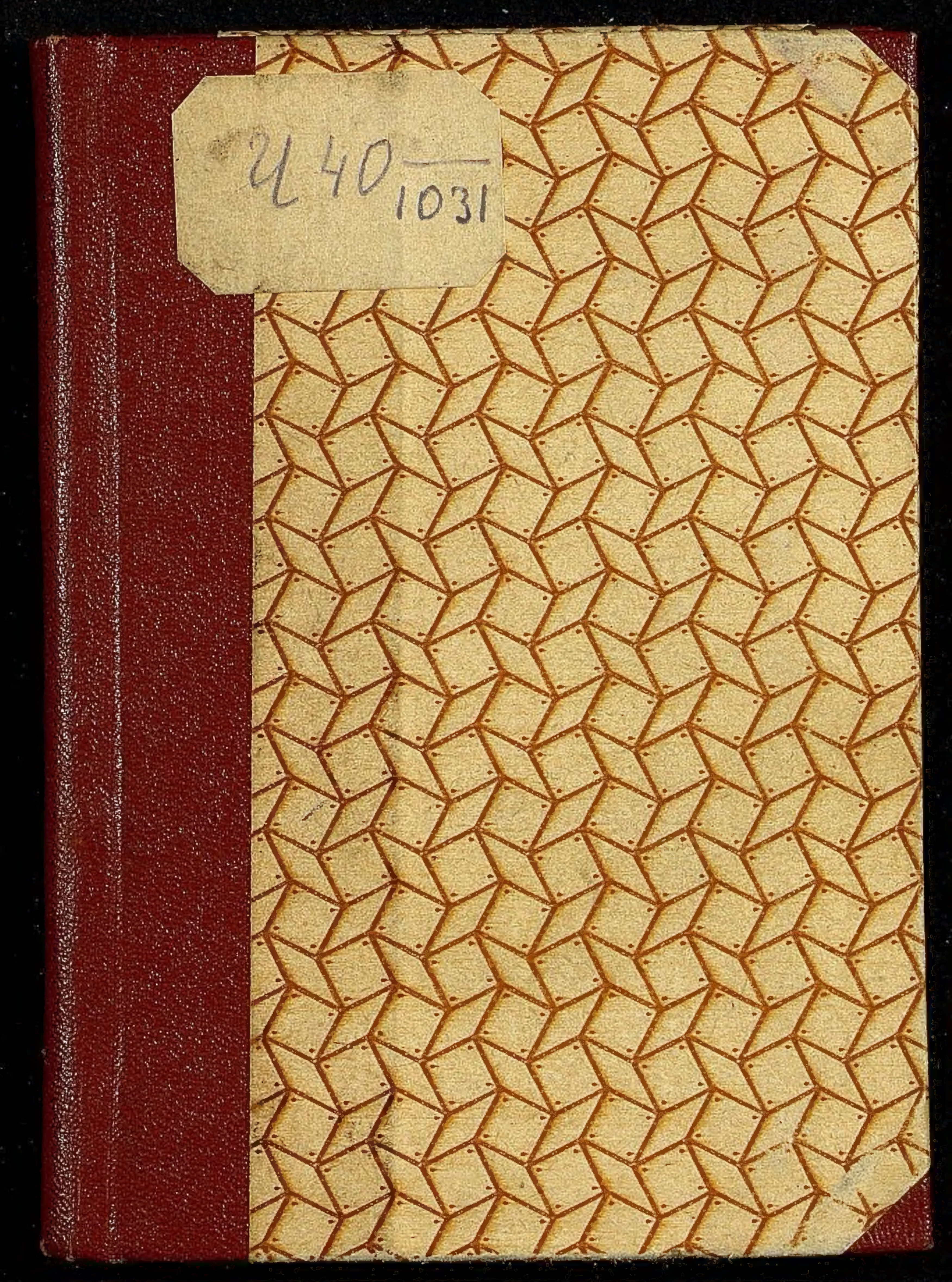
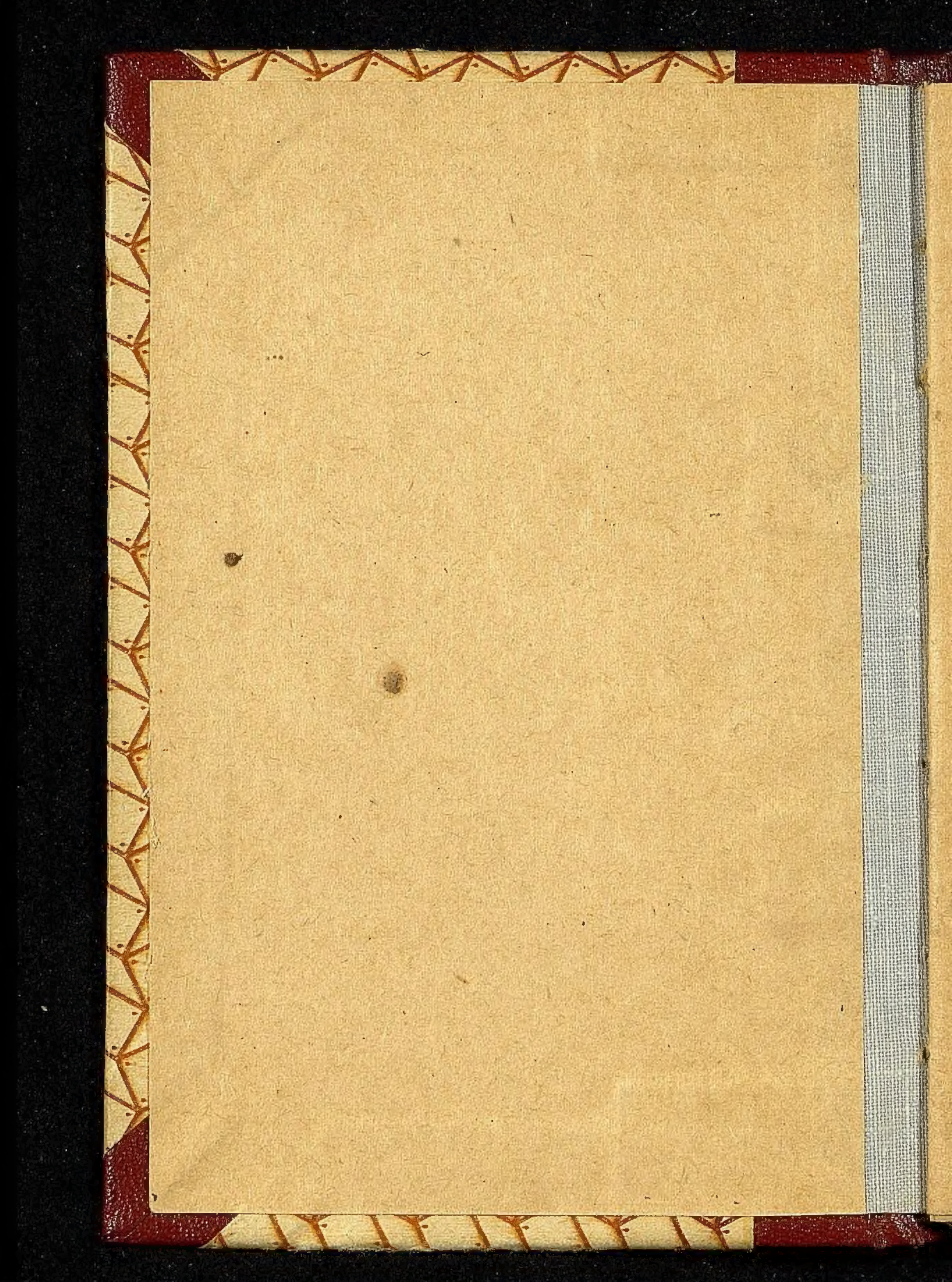
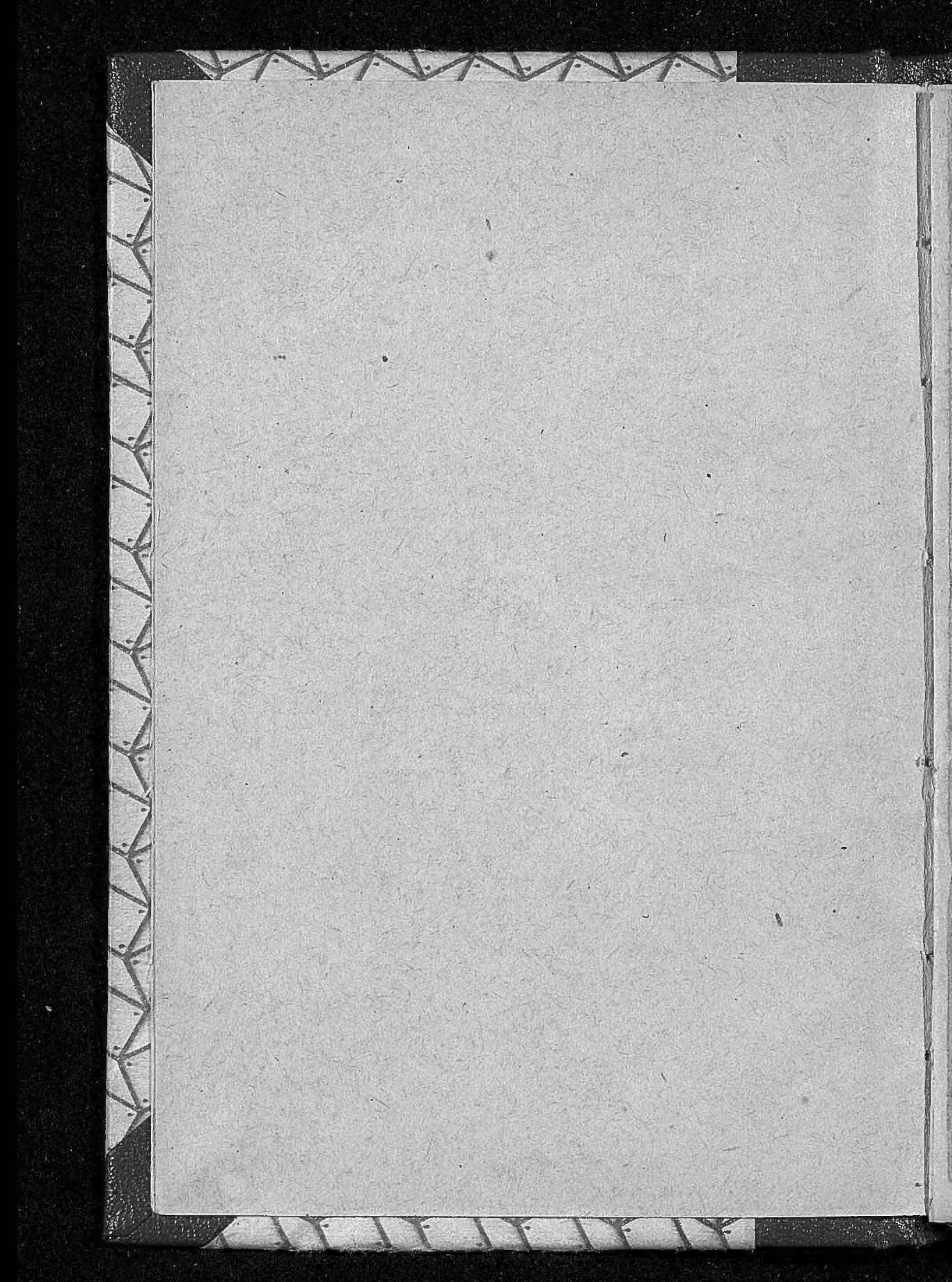

И 40
1031

№ 670-671. 20 к.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

В. И. Пичета

СМУТНОЕ ВРЕМЯ въ Московскомъ государствѣ

Причины, ходъ и слѣдствія смуты

Историческій очеркъ.

Книгоиздательство
„ПОЛЬЗА"
В. АНТИКЪ и К°.
МОСКВА.

Универсальная библiотека.—Цѣна номера 10 коп.

Отдѣлъ русской литературы.

501. **Толстой**. Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ и работникъ.
502. **Толстой**. Крейцерова соната.
503. **Толстой**. Власть тьмы.
504. **Толстой**. Плоды просвѣщенія.
505. **Толстой**. Корней Васильевъ и др.
506-507. **Къ волѣ**. Крѣпостное право въ народной поэзіи. Сборникъ. Составилъ **Н. Л. Бродскій**.
508-509. **Рабство и воля**. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литерат. Сборникъ. Составили **И. Розановъ и Н. Сидоровъ**.
510. **Толстой**. Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ и др. разсказы.
511. **Толстой**. Первый винокуръ и др.
512. **Гоголь**. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. I.
513. **Гоголь**. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Ч. II.
514. **Карамзинъ**. Бѣдная Лиза, Наталья боярская дочь, Марѳа Посадница.
515-516. **Аксаковъ**. Семейная хроника.
517. **Толстой**. Чѣмъ люди живы и др.
518. **Пушкинъ**. Капитанская дочка. Исторія села Горюхина.
519. **Пушкинъ**. Повѣсти Бѣлкина. Дубровскій.
520. **Пушкинъ**. Пиковая дама. Арапъ Петра В. Египетскія ночи. Отрывки.
521-524. **Толстой**. Воскресенie.
525-526. **Бѣлинскій**. Статьи о Пушкинѣ. I—IV.
527-529. **Бѣлинскій**. Статьи о Пушкинѣ. V—XI.
530-531. **Лермонтовъ**. Кн. Лиговская. Герой нашего времени.
532. **Лермонтовъ**. Вадимъ.
533. **Толстой**. Три смерти. Поликушка.
534-536. **Аксаковъ**. Дѣтскіе годы Багрова-внука.
537. **Воейковъ**. Домъ сумасшедшихъ.
538. **Фонвизинъ**. Бригадиръ. Недоросль.
539. **Гоголь**. Миргородъ. Ч. I.
540. **Гоголь**. Миргородъ. Ч. II.
541-543. **Квитка-Основъяненко**. Панъ Халявскій.
544-545. **Аксаковъ**. Воспоминанія.
546. **Толстой**. Для дѣтей. Кн. I. Кавказскій плѣнникъ и др.
547. **Толстой**. Для дѣтей. Кн. II. Басни, былины и др.
548. **Сологубъ**. Отрокъ Линъ и
549. **Толстой**. Живой трупъ и др
550. **Сологубъ**. Маленькій человѣ
551. **Никитинъ**. Дневн. семинари
552. **Никитинъ**. Кулакъ.
553. **Никитинъ**. Избранныя сти творенія и біографія.
554. **Гоголь**. Портретъ. Носъ. Шине
555. **Гоголь**. Невскій проспектъ. писки сумасшедшаго. Римъ. Жиз
556-557. **Добролюбовъ**. Темное ц ство.
558. **Добролюбовъ**. Что такое Об мовщина? Когда же придетъ стоящій день?
559. **Думы и пѣсни**. Сборникъ с хотвореній новыхъ поэтовъ. ставила **Анс. Чеботаревска**
560-561. **Никитинъ**. Стихотворен
562-563. **Ломоносовъ**. Избранн сочиненія и біографія.
564. **Добролюбовъ**. Лучъ свѣта темномъ царствѣ.
565-567. **Загоскинъ**. Рославлевъ
568-569. **Погорѣльскій**. Монастыр
570. **Жуковскій**. Наль и Дамаян
571. **Жуковскій**. Рустемъ и Зора
572. **Слово о полку Игоревѣ**.
573. **Маркъ Кропивницкій**. Пошло и др. разсказы.
574. **Пѣсни каторги**. Собр. В. Г тевельдъ.
575-577. **Нарѣжный**. Бурсакъ.
578. **Богдановичъ**. Душенька.
579. **Ленскій**. Левъ Гурычъ Син кинъ.
580. **Мей**. Царская невѣста.
581. **Мей**. Псковитянка.
582-583. **Отечественная война** русской поэзіи. Состав **Н. Бродскій и Н. Сидоровъ**
584. **Гусевъ-Оренбургскій**. Ка танъ Кукъ и др. разсказы.
585. **Ковальскій**. Жизнь—мгнове и др. разсказы.
586. **Сологубъ**. Опечаленная не ста и др.
587. **Толстой**. Отецъ Сергій. Дьяво
588-589. **Комическая опера XV вѣка**: Аблесимовъ, Княжни Плавильщиковъ.
590. **Андреевъ**. Разсказъ о се повѣшенныхъ.

В. И. ПИЧЕТА

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

въ Московскомъ государствѣ

Причины, ходъ и слѣдствія Смуты

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „ПОЛЬЗА"
В. Антикъ и К⁰.

МОСКВА.—1913.
Типогр. и цинкогр. Т/Д „МЫСЛЬ". Петровка, 17.

I.

Московское государство во второй половинѣ XVI вѣка.

1. Борьба за самодержавіе при Грозномъ.

Къ началу XVI вѣка исчезли послѣдніе остатки раздробленности сѣверо-восточной Руси. Хозяйственная политика московскихъ государей увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. У феодаловъ-князей были отняты суверенныя права, и московскій князь очутился верховнымъ сюзереномъ всей русской земли. Однако во вновь образовавшемся національномъ государствѣ сохранилось не мало пережитковъ феодальной старины. Они давали себя чувствовать на каждомъ шагу, и отъ нихъ надо было отдѣлаться во что бы то ни стало. Вѣдь благодаря сохранившейся феодальной традиціи московскій великій князь, которому служили потомки великихъ и малыхъ феодаловъ-князей, не столько напоминалъ собою «единодержавнаго монарха», сколько феодальнаго сюзерена, подъ рукой котораго въ строго-іерархическомъ порядкѣ расположились представители родового землевладѣнія. Лишившись суверенной власти въ своихъ феодахъ, феодалы-князья и ихъ по-

томки сохранили ихъ за собою на правахъ родовыхъ вотчинъ и продолжали сохранять всѣ традиціи феодальнаго уклада. Стараясь окружить внѣшнимъ ореоломъ свое вліяніе и значеніе, такіе феодалы имѣли свой дворъ, выходили на войну во главѣ собственнаго войска «послуживцевъ» и крѣпко держались за свои феодальные иммунитеты, благодаря которымъ въ ихъ рукахъ оставалось право суда надъ населеніемъ и сборъ съ него дани-налоговъ. Всѣ эти феодальные пережитки однако находились въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствительнымъ положеніемъ московскаго князя, какъ національнаго государя. Это обстоятельство и было замѣчено,—и притомъ довольно рано—московскими государями. Усвоивъ изъ феодальной старины представленіе о безпредѣльной и ни съ кѣмъ не раздѣляемой власти въ своей вотчинѣ, московскій князь перенесъ его въ понятіе власти московскихъ государей, для которыхъ государство представлялось по старому только вотчиной. Однако политическая дѣйствительность XVI вѣка рѣзко расходилась съ этой созданной московскими государями теоріей власти. Это противорѣчіе и заставило ихъ направить всѣ усилія на ниспроверженіе остатковъ феодальной старины и на согласованіе политической дѣйствительности съ теоріей царской власти. Однако борьба за «абсолютную» власть была очень длительна, потребовала и большого умѣнья, и напряженія силъ, пока въ концѣ-концовъ не увѣнчалась успѣхомъ, и послѣдніе остатки феодальной старины не были уничтожены сильной рукой московскихъ государей.

Борьба за торжество «абсолютной власти»

раньше всего коснулась провинціальнаго управленія, въ организаціи котораго больше всего сохранилось феодальныхъ пережитковъ.

Обыкновенно послѣ присоединенія къ Москвѣ какого-нибудь феода-удѣла туда посылался намѣстникъ въ качествѣ представителя княжеской власти. Впослѣдствіи, когда стало крѣпнуть новое административное дѣленіе удѣловъ на уѣзды, а уѣздовъ на волости, въ города съ уѣздами посылались намѣстники, а въ волости — волостели. Сплошь и рядомъ первыми намѣстниками были прежніе удѣльные князья. Въ такомъ случаѣ эта власть передавалась по наслѣдству. Бывало иногда, что и простые, нетитулованные намѣстники передавали свои должности по наслѣдству, но эта преемственность власти всегда зависѣла отъ усмотрѣнія князя. Въ нормальныхъ случаяхъ намѣстничество и волостельство давалось на нѣсколько лѣтъ, и назначеніе на эти должности являлось скорѣе наградой за службу, чѣмъ средствомъ проведенія опредѣленной центральной политики. Намѣстники и волотсели не получали никакого жалованья. Они кормились за счетъ населенія. При кратковременности кормленія любой изъ агентовъ власти старался покормиться какъ можно сытнѣе, и не удивительно, что повсюду раздавались жалобы на дѣйствія намѣстниковъ. Неудобство такой организаціи провинціальнаго управленія стало сознаваться и велико-княжеской властью, которая, не прикасаясь пока къ самому институту намѣстничества, пыталась защитить населеніе отъ злоупотребленій властью со стороны правительственныхъ агентовъ. Съ этой цѣлью велико-княжеской

властью издавались такъ называемыя намѣстничьи уставныя грамоты. Задача ихъ—опредѣлить болѣе точно матеріальныя отношенія намѣстниковъ и волостелей къ населенію. Прежде всего грамота опредѣляла понятіе «кормъ». Онъ состоялъ изъ добровольныхъ натуральныхъ приношеній при въѣздѣ административнаго агента и таксированныхъ поборовъ на Рождество, Пасху и Петровъ день. Въ пользу администраціи шли торговыя и судебныя пошлины. Выводная куница—особая брачная пошлина—также поступала въ распоряженіе администраціи. Уставныя грамоты опредѣляли и количество тѣхъ «тіуновъ» и «доводчиковъ», которыхъ правительственный агентъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи, и, кромѣ того, размѣры того вознагражденія, которое они получали за свой трудъ со стороны населенія. Такимъ образомъ уставныя грамоты были первымъ шагомъ къ осуществленію государственныхъ задачъ въ устройствѣ провинціальнаго управленія. Съ опубликованіемъ Судебника 1497 г., намѣстники стали дѣлиться на «намѣстниковъ» съ «боярскимъ судомъ» и безъ таковаго. Первые рѣшали безъ доклада всѣ уголовныя дѣла и кромѣ того, всѣ дѣла по холопству. Изъ компетенціи вторыхъ были изъяты дѣла по холопству, а уголовныя дѣла переносились на докладъ въ Москву. Юрисдикція намѣстниковъ и волостелей распространялась далеко не на все населеніе. Отъ нея были освобождены всѣ лица, владѣвшія льготными судебными жаловаными грамотами.

Въ общемъ, всѣ эти правительственныя мѣропріятія внесли сравнительно мало новаго въ

устройство провинціальнаго управленія. Да и самая организація попрежнему отличалась аристократическимъ характеромъ, необходимость измѣненія котораго уже съ нѣкоторыхъ поръ стала сознаваться московскими государями.

И организація центральнаго управленія тоже отличалась аристократизмомъ и не могла быстро удовлетворять возникавшимъ потребностямъ и нуждамъ государства. Московскій князь обыкновенно, управлялъ страной совмѣстно съ Боярской Думой, мало-по-малу превратившейся въ главный органъ центральнаго управленія, которому приходилось разрѣшать сложные вопросы внутренней и внѣшней политики. По составу она попрежнему осталась аристократичной, но право посѣщенія засѣданія Думы соединялось теперь съ титулами «боярина» и «окольничьяго», дававшимися, правда, лишь первостепенной знати. Поэтому и новый составъ Боярскій Думы сохранилъ свои прежніе аристократическія привычки и смотрѣлъ на свое участіе въ «Думѣ», какъ на прирожденное право, а не какъ на милость государя. Боярская Дума являлась защитницей интересовъ родовитой знати, зорко слѣдила за всѣми перипетіями княжеской политики и являлась живымъ примѣромъ «феодализаціи» государственной власти. Конечно, борьба государей за неограниченную власть съ остатками феодальной старины должна была такъ или иначе коснуться и Боярской Думы.

Московскіе государи, ставъ «національными» государями, довольно рано усвоили — правда, нѣсколько теоретически — сущность неограниченной самодержавной власти. Такъ же рано почувствовали они невозможность осуществле-

нія ея во всей полнотѣ при существованіи пережитковъ феодальной старины. Однако, ни Иванъ III, ни его сынъ Василій III не рѣшались прямо вступить съ ними въ рѣшительную борьбу, хотя и не скрывали своего къ нимъ отношенія. Это удалось только Ивану Грозному. Конечно, главная причина этого заключается не въ личномъ настроеніи московскаго царя и не въ его недовольствѣ боярами, хотя, несомнѣнно, что дѣтскія впечатлѣнія оставили въ его душѣ весьма горькій осадокъ и укрѣпили его ненависть къ боярамъ, какъ главнымъ виновникамъ того, что царская власть въ своихъ дѣйствіяхъ была далеко не «самодержавна». На путь борьбы съ «феодализаціей» власти толкали Грознаго не воспоминанія дѣтства и не одно только раздраженное и оскорбленное самолюбіе, а недовольство общества создавшимися политическими отношеніями и новый взглядъ на власть, благодаря которому государь является защитникомъ и блюстителемъ народныхъ интересовъ. Вотъ основныя причины полнаго крушенія остатковъ феодальной старины. Несомнѣнно, самъ Грозный обладалъ крупными талантами государственнаго дѣятеля и, если ему не удалось, какъ Людовику XI, столь рѣшительно, хотя и не менѣе жестоко, разгромить остатки феодальной эпохи, то, конечно, этому значительно помѣшала та страстность характера, которая вообще была присуща Грозному. Общественныя же группы имѣли полное основаніе желать укрѣпленія «самодержавной власти». Церковь боялась за свои имущества, на которыя съ немалой завистью посматривало боярство. Поддерживая неограниченную власть и укрѣ-

пляя ее своимъ авторитетомъ, церковь хотѣла остаться собственницей своихъ земельныхъ богатствъ, не замѣчая однако того, что рано или поздно окрѣпнувшій абсолютизмъ не допуститъ существованія исключительныхъ привилегій церкви. Постепенно образовавшійся военно-служилый классъ имѣлъ всѣ основанія быть недовольнымъ существовавшими политическими отношеніями, благодаря которымъ его политическое положеніе не соотвѣтствовало его фактическому значенію въ государствѣ. Только съ разрушеніемъ пережитковъ старины и укрѣпленіемъ самодержавной власти московскаго государства можно было надѣяться на существенныя перемѣны въ его положеніи. Къ этому же стремился и сформировавшійся съ конца XV в. торгово-промышленный классъ. Царившій въ странѣ произволъ, конечно, сильно задерживалъ увеличившійся товаро-обмѣнъ, да и произволъ провинціальной администраціи по отношенію къ торгово-промышленному классу дѣйствовалъ въ томъ же направленіи.

Поэтому торгово-промышленный классъ въ укрѣпленіи власти московскихъ государей видѣлъ единственное средство для уничтоженія тѣхъ препятствій, которыя сильно тормозили торговыя операціи и парализовали хозяйственную дѣятельность торгово-промышленнаго класса.

Царствованіе Грознаго началось съ торжества самой безудержной феодальной реакціи. Боярство себя ни въ чемъ не стѣсняло, словно желая удовлетворить себя за приниженное политическое состояніе при предшественникахъ Грознаго. Но боярство эпохи дѣтства Грознаго не

сумѣло проникнуться сословнымъ самосознаніемъ и закрѣпить за собой формальнымъ актомъ право на постоянное участіе въ правленіи государствомъ. Наоборотъ, обострившаяся партійная борьба между боярскими фамиліями и постоянныя злоупотребленія боярской олигархіи ослабляли вліяніе боярства и вызывали въ то же время «слезы и рыданіе, и вопль многъ по всей русской землѣ». Среди полнѣйшаго разлада, охватившаго боярскіе круги, сталъ управлять государствомъ молодой Иванъ. Его участіе въ управленіи государствомъ началось довольно рано. Онъ могъ воочію лично убѣдиться въ царившемъ повсюду произволѣ и разсмотрѣть отношеніе бояръ какъ между собою, такъ и по отношенію къ нему. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній у молодого царя создалось представленіе о захватѣ власти со стороны боярства, а тщательное знакомство съ церковно-исторической литературой того времени укрѣпило его въ этой мысли и дало ему возможность составить себѣ новое представленіе о характерѣ государственной власти, ея задачахъ и цѣляхъ. Въ 1543 г. Иванъ заявилъ боярамъ о своемъ желаніи самостоятельно управлять государствомъ, при чемъ рѣзко ихъ порицалъ за ихъ беззаконные поступки. Въ 1547 г. Иванъ принялъ царскій титулъ. Все это указывало на усиленную работу политической мысли молодого государя. Московскій пожаръ 12 апрѣля 1547 г. и связанныя съ нимъ волненія еще больше укрѣпили царя въ необходимости самому приняться за управленіе государствомъ и поскорѣе осуществить взлелѣянный имъ въ молодости политическій идеалъ. Принявшись за самостоятельное управленіе государствомъ, Иванъ обнаружилъ стремленіе опереть-

ся на иные общественные круги. Для этой цѣли онъ окружилъ себя такъ называемой «избранной радой». Въ нее вошли священникъ Сильвестръ, ложничій Адашевъ—люди незнатнаго происхожденія, пресвитеръ Андрей Протопоповъ, бывшій троицкій игуменъ Артемій, князь Курбскій, митрополитъ Макарій. Большинство изъ нихъ не входило въ составъ Боярской Думы и готово было осуществить идеалъ неограниченной власти, взлелѣянный Грознымъ. Съ другой стороны, нежеланіе пока разрывать отношенія съ боярствомъ заставило Грознаго принять въ число своихъ ближайшихъ совѣтниковъ и представителей аристократіи, такъ что составъ «рады» получился очень пестрый. Во всякомъ случаѣ это была первая попытка Грознаго порвать офиціально съ Боярской Думой и построить управленіе государствомъ на нѣсколько иныхъ принципахъ. Трудно сказать, какое вліяніе оказывала «рада» на Грознаго. Впослѣдствіи Грозный обвинялъ участниковъ ея, Сильвестра и Адашева, въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ, въ раздачѣ помѣстій и вотчинъ, въ захватѣ власти. Но это—обвиненія позднѣйшаго характера, и къ нимъ слѣдуетъ относиться съ извѣстной осторожностью. Во всякомъ случаѣ при помощи «избранной рады» были начаты реформы, положившія начало систематическимъ мѣропріятіямъ правительства, направленнымъ противъ феодальныхъ пережитковъ. Необходимость радикальныхъ преобразованій отчетливо сознавалась правительствомъ. Опубликованіе новаго Судебника, рядъ вопросовъ церковно-государственнаго характера, поднятыхъ Грознымъ на Стоглавомъ Соборѣ, говорили о реформаціонномъ настроеніи правительства.

Реформы прежде всего коснулись провинціальнаго управленія. Были отмѣнены должности намѣстниковъ и волостелей; ихъ функціи перешли въ руки губныхъ и земскихъ учрежденій. Населеніе неоднократно жаловалось на «засиліе» со стороны намѣстниковъ и волостелей, которые преслѣдовали только свои личные интересы, между тѣмъ какъ грабежи и разбои усиливались. Правительство приняло во вниманіе жалобы населенія и ввело такъ называемыя «губныя грамоты», благодаря которымъ изъ компетенціи провинціальной администраціи отбирались преслѣдованіе разбойниковъ и судъ надъ ними съ правомъ предавать ихъ смертной казни. Губныя грамоты стали выдаваться съ 1538 года и къ серединѣ XVI вѣка стали повсемѣстнымъ явленіемъ, за исключеніемъ сѣверныхъ городовъ. Сначала дарованіе «губной грамоты» являлось льготой населенію, но впослѣдствіи губныя учрежденія вводились повсюду, если даже само населеніе и не просило объ этомъ. Сначала были введены отдѣльные губные старосты въ городахъ и волостяхъ, а затѣмъ на весь уѣздъ устанавливается одно губное вѣдомство. Населеніе территоріальнаго округа выбирало «губного старосту» изъ среды дворянъ или дѣтей боярскихъ. Кромѣ того, изъ среды тяглаго населенія избирались «старосты, десятскіе, дьяки». Всѣ вмѣстѣ они составляли «губную избу», вѣдавшую разбойныя дѣла. Вводя «губную реформу», правительство возложило на выборщиковъ отвѣтственность за дѣйствіе своихъ избранниковъ. Губная реформа въ общемъ была встрѣчена населеніемъ въ высшей степени сочувственно, и во многомъ она содѣйствовала уничтоженію аристократическаго элемента въ управленіи государствомъ, хотя,

конечно, Боярская Дума, вводившая эти учрежденія, не имѣла этого въ виду. Окончательный же ударъ аристократическому принципу въ управленіи былъ нанесенъ введеніемъ земскихъ учрежденій. Это была грандіозная попытка связать населеніе провинціи непосредственно съ центромъ и путемъ предоставленія населенію нѣкоторой самостоятельности укрѣпить значеніе центральной власти, сильно подорванное областной самостоятельностью намѣстниковъ. Начало введенія земскихъ учрежденій было положено челобитьями населенія объ избавленіи его отъ намѣстниковъ. Правительство въ отвѣтъ на «челобитья» выдавало населенію уставную земскую грамоту, согласно которой отмѣнялось намѣстничье управленіе и вводились земскія учрежденія. Сначала отмѣна намѣстничьяго управленія являлась только привиллегіей той или другой мѣстности, за что населеніе должно было уплачивать правительству откупную сумму. Древнѣйшія уставныя грамоты относятся къ 1551 году. Въ 1555 году земская реформа была проведена, кажется, повсемѣстно, за исключеніемъ пограничныхъ городовъ. Опубликованіе уставной «земской грамоты» вело къ отмѣнѣ намѣстничьяго управленія. Населенію предоставлялось право выбирать своихъ излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ изъ городскихъ и уѣздныхъ людей съ предоставленіемъ имъ всѣхъ намѣстничьихъ функцій, но зато избиратели были отвѣтственны за дѣйствія своихъ избранниковъ и были связаны круговой порукой. Кромѣ того, населеніе вносило въ казну особый «оброкъ» «за намѣстничьи и за волостные, и за праветчиковы доходы, и за присудъ, и за ихъ пошлинныхъ людей». Реформа намѣстничьяго

управленія, несомнѣнно, усилила значеніе власти, ставшей теперь въ непосредственныя отношенія къ населенію, а круговая порука обезпечивала правительству правильное отправленіе правосудія и сборъ прямыхъ налоговъ. Реформу Грознаго, конечно, нельзя назвать «введеніемъ земскаго самоуправленія». Это только передача функцій единоличнаго органа коллективному цѣлому, связанному въ своихъ дѣйствіяхъ предписаніями центральнаго правительства. Реформа Грознаго, это—своеобразная коллективная централизація, уничтожившая аристократическое начало провинціальнаго управленія. Это и было началомъ разгрома аристократическихъ элементовъ общества. Это—первый шагъ къ осуществленію идеала самодержавной монархіи.

Самодержавіе росло и выдвигало на первую очередь необходимость реформы центральныхъ учрежденій. Старые правительственные пріемы уже не достигали своей цѣли; когда Москва изъ удѣла выросла въ московское государство, когда сильно усложнились общія задачи внутренней и внѣшней политики, вполнѣ выяснилась скудость того административнаго аппарата, съ помощью котораго московскіе удѣльные князья удовлетворяли свои правительственныя заботы. Съ превращеніемъ московскаго удѣльнаго князя въ представители интересовъ всей великорусской народности, прежде всего, конечно, долженъ былъ измѣниться составъ того правительственнаго совѣта, совмѣстно съ которымъ московскій удѣльный князь велъ свое незамысловатое вотчинное хозяйство. Правительственный совѣтъ удѣльной эпохи состоялъ изъ управителей от-

дѣльныхъ отраслей дворцоваго хозяйства или дворцовой администраціи, назывались они «боярами», и раньше всѣ были совѣтниками князя по хозяйственнымъ дѣламъ. Съ образованіемъ московскаго государства существеннымъ образомъ измѣнился составъ княжеской думы. Въ составъ ея вошли, помимо московскаго боярства, представители княжескихъ фамилій, потерявшихъ свои суверенныя права, но зато сохранившихъ большія родовыя владѣнія съ правомъ суда, сбора податей, предводительства населеніемъ во время войны. Благодаря новымъ членамъ, титулованной рати боярской, дума превращается изъ хозяйственно-правительственнаго совѣта въ аристократическое учрежденіе, члены котораго имѣли опредѣленный взглядъ на свои отношенія къ государю и открыто заявляли о своемъ желаніи управлять государствомъ совмѣстно съ московскимъ государемъ, не замѣчая однако противорѣчія между своими правительственными аппетитами и своимъ дѣйствительнымъ положеніемъ въ государствѣ, на правахъ «невольныхъ слугъ». Впрочемъ, это противорѣчіе было скоро замѣчено московскимъ княземъ, стремившимся въ управленіи государствомъ обходиться безъ помощи притязательныхъ аристократическихъ совѣтниковъ. Иванъ III и Василій III сплошь и рядомъ рѣшали дѣла «самъ третей у постели», прибѣгая къ совѣту «худородыхъ» дѣльцовъ, точныхъ исполнителей великокняжеской воли, и вызывая безсильную злобу среди наиболѣе чуткихъ членовъ Боярской Думы, чувствовавшихъ приближеніе момента полнаго крушенія всякаго рода аристократическихъ притязаній. Обходясь иногда безъ Думы, ни Иванъ III, ни его сынъ однако не из-

менами состава аристократической коллегіи. Только съ конца XV и начала XVI вѣка стали проникать въ Думу представители неаристократическихъ фамилій. Не будучи сильно представлены въ Думѣ, они, конечно, не измѣнили общаго тона Боярской Думы, но самое ихъ появленіе уже опредѣленно обнаруживало намѣреніе правительства видѣть въ Боярской Думѣ не аристократическій совѣтъ съ нѣсколько запоздалыми притязаніями на власть, а учрежденіе, которое, состоя изъ опытныхъ дѣльцовъ, дѣйствительно помогало бы своему государю въ осуществленіи его воли. Этимъ и объясняется введеніе въ Думу «думныхъ дьяковъ», людей, завѣдывавшихъ весьма важными отраслями въ дѣлѣ государственнаго управленія. Такая демократизація Боярской Думы, съ одной стороны, медленное превращеніе ея въ правительственный органъ самого государя—съ другой не встрѣтили никакой оппозиціи среди бояръ-княжатъ. Засѣдая въ Боярской Думѣ и громко заявляя о своемъ желаніи управлять государствомъ совмѣстно съ княземъ, они не сумѣли однако образовать сильную, политически-единую группу, которая диктовала бы свои требованія московскимъ государямъ и подчинила бы ихъ своей волѣ и своимъ намѣреніямъ. Относясь съ подозрѣніемъ другъ къ другу, будучи заняты разборомъ крайне сложныхъ мѣстническихъ счетовъ, бояре-княжата представляли собой въ политическомъ отношеніи настолько слабую величину, что никакъ не могли затормозить дѣйствій власти московскихъ государей, явно клонившихся къ ихъ невыгодѣ. Слабость бояръ-княжатъ особенно почувствовалъ Грозный. Недаромъ онъ мощной рукой создавалъ

мѣстническіе споры и, не мѣшая боярамъ тратить время на сложное вычисленіе родовыхъ генеалогій и служебныхъ назначеній, незамѣтно укрѣплялъ свою позицію самодержавнаго государя.

Параллельно росту московскаго государства появлялись и новыя центральныя управленія. Въ удѣльную эпоху можно было вполнѣ обходиться и безъ нихъ. Управленіе удѣломъ было не сложно, и все сводилось къ порученію тому или другому боярину завѣдывать какой-нибудь отраслью управленія или хозяйства. Съ образованіемъ московскаго государства итти по тому же пути было невозможно. Слишкомъ сложны и разносторонни стали задачи управленія страной. Одно лицо не могло управиться съ порученнымъ ему дѣломъ. Необходимы были помощники, которые вѣдали бы канцелярію и архивъ. Благодаря этому личное порученіе превращалось въ учрежденіе—приказъ, и «центръ тяжести переходилъ съ лицъ на дѣло», какъ это правильно подмѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей. Переходъ отъ лица къ учрежденію совершался очень медленнымъ темпомъ, и только къ половинѣ XVI вѣка приказная практика достигла значительнаго развитія. Ставя во главѣ приказовъ людей не знатнаго происхожденія, московскій государь въ ихъ лицѣ находилъ вѣрныхъ и дѣльныхъ слугъ, готовыхъ исполнять его волю и поддерживать его авторитетъ. Обязанные своимъ положеніемъ только «волѣ» государя, они привыкали цѣнить только ее и видѣть только въ ней опору своего положенія въ странѣ. Пріобрѣтая въ лицѣ этихъ выслужившихся дѣльцовъ вѣрныхъ помощниковъ, московскій государь имѣлъ

полную возможность централизовать управленіе и распространить ея дѣйствіе на всю страну, благодаря чему усиливались авторитетъ и власть московскаго государя и отступала на задній планъ Боярская Дума. Среди приказовъ XVI вѣка особенно выдѣлились «Посольскій приказъ», вѣдавшій всѣ дѣла по сношеніямъ съ иностранными государствами, «Разрядный приказъ», вѣдавшій служилое сословіе, «Разбойный приказъ», въ вѣдѣніи котораго находились уголовныя дѣла и т. д. Всего приказовъ было около сорока. Ихъ количественный ростъ всецѣло зависѣлъ отъ нароставшихъ нуждъ правительства. Обыкновенно во главѣ «большихъ приказовъ» находились «бояре и окольничіе», во главѣ же второстепенныхъ приказовъ—землевладѣльцы незнатнаго происхожденія. Но фактическимъ начальникомъ въ приказѣ былъ «дьякъ». Онъ—душа приказа, онъ завѣдуетъ его канцеляріей. Набившій себѣ руку въ рѣшеніи разнаго рода дѣлъ, онъ диктуетъ начальникамъ приказовъ свои резолюціи, тѣмъ болѣе, что послѣдніе часто смѣнялись и долго не засиживались на посту начальника того или другого приказа. Правительство, учитывая практическую сноровку дьяковъ, и ввело нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Думу въ качествѣ докладчиковъ по дѣламъ своего приказа, но съ совѣщательнымъ голосомъ. Впослѣдствіи они получили званіе «думныхъ дворянъ» или даже «окольничихъ», благодаря чему неродовитый человѣкъ становился рядомъ со знатью, съ той лишь разницей, что его политическій вѣсъ значилъ больше, чѣмъ вліяніе аристократіи. Кромѣ того, самый принципъ возвышенія по волѣ государя неродовитаго человѣка находился въ полномъ противорѣчіи съ ари-

стократическими традиціями бояръ-княжатъ, съ убѣжденіемъ, что «отечество» государь не воленъ жаловать, тогда какъ выслужившіеся приказные дѣльцы проводили мысль совершенно противоположнаго характера: «Государь, какъ Богъ, и малаго чинитъ великимъ».

Приказная система нанесла большой ударъ политическому вліянію боярства. Она обезсилила, но не разбила его. Зато учрежденіемъ такъ называемой «опричнины» Грозный нанесъ ей ударъ такой страшной силы, отъ котораго она не могла никогда оправиться и который окончательно лишилъ аристократію ея политическихъ притязаній.

Конфликтъ московскаго государя съ боярствомъ изъ-за притязаній послѣдняго все болѣе и болѣе обострялся къ половинѣ XVI вѣка. Чувствовалось, что обѣ стороны готовы вступить въ рѣшительное сраженіе изъ-за власти и вліянія. Московскаго государя давила аристократія съ ея политическими требованіями. Проникнутый идеаломъ абсолютизма, Грозный хотѣлъ въ дѣйствительности его осуществить, но для этой цѣли нужно было сломить бояръ. Вѣрнымъ орудіемъ борьбы съ ними и явилась знаменитая «опричнина». Внѣшняя ея исторія хорошо извѣстна, и мы не будемъ ея снова повторять. Долгое время историки не понимали истиннаго смысла опричнины. Одни считали опричнину учрежденіемъ, смысла котораго не понимали ни тотъ, кто отъ нея страдалъ, ни тотъ, кто ее учреждалъ. Другіе объясняли нелѣпое раздѣленіе государства на двѣ части исключительно разстроеннымъ воображеніемъ Грознаго, желавшаго отдѣлаться отъ ненадежнаго на его взглядъ бояр-

скаго правительственнаго класса. Впрочемъ, попадались въ литературѣ и иныя мнѣнія. Лица, ихъ высказывавшія, видѣли въ этомъ правительственномъ актѣ не работу больного воображенія царя, а сознательное дѣйствіе, направленное противъ политическихъ притязаній княжеской аристократіи. Извѣстному историку С. Ф. Платонову путемъ тщательнаго изученія архивнаго матеріала удалось доказать, что опричнина—не плодъ разстроеннаго царскаго воображенія, а орудіе для нанесенія послѣдняго удара политическимъ притязаніямъ княжатъ. Имъ же было подмѣчено, что отобраніе вотчинъ въ опричнину производилось по извѣстному плану, главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились родовыя вотчины бояръ-княжатъ. Земли, отобранныя въ опричнину, отдавались другимъ землевладѣльцамъ, а собственники ихъ могли хлопотать о надѣленіи землей въ другихъ частяхъ государства. Такая перетасовка земельной собственности, исходившая изъ принципа абсолютной власти, нашедшей полное выраженіе въ опричнинѣ, имѣла огромное вліяніе на экономическое и политическое положеніе княжеской аристократіи. Конфискація земель подорвала экономическую мощь потомковъ удѣльныхъ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнила ихъ политическое значеніе: съ отобраніемъ земель въ казну изъ вотчинъ прерывались нити, связывавшія населеніе съ землевладѣльцемъ-княземъ, который, получая земли въ другомъ мѣстѣ и съ соизволенія верховной власти, терялъ привилегіи, сохранившіяся, какъ пережитокъ феодально-удѣльной системы. Благодаря такой ломкѣ вотчиннаго землевладѣнія исчезала раздробленность власти. Правда, въ опричнину

были отобраны и иные города и волости, но при переписке ихъ на царя обыкновенно принимали во вниманіе экономическое развитіе города и его значеніе, какъ хозяйственнаго центра. Такъ, благодаря опричнинѣ совершался процессъ обособленія княжатъ отъ населенія, а вмѣстѣ съ этимъ аристократическія притязанія боярства превращались въ воспоминанія прошлаго. Въ опричнинѣ не было мѣстничества, не было Боярской Думы. Царь всѣ дѣла рѣшалъ съ ближайшими совѣтниками. Правда, въ «земщинѣ» оставалась Боярская Дума, но ея вліяніе распространялось только на половину государства, да и этой частью она управляла «съ доклада» государю. Къ тому же появленіе во второй половинѣ XVI вѣка земскихъ соборовъ можно разсматривать, какъ попытку приблизить къ престолу широкіе слои служилой массы. Конечно, новое учрежденіе должно было подорвать значеніе Боярской Думы, такъ какъ многіе вопросы первостепенной важности стали разсматриваться на земскихъ соборахъ. Сбитая съ позиціи и экономически разоренная феодально-удѣльная аристократія не могла оказать никакого сопротивленія царскому произволу, но зато затаила въ своей душѣ ненависть къ неограниченной власти московскихъ государей. Да и для политическаго міровоззрѣнія боярства времена Грознаго не прошли безслѣдно, а политика его преемниковъ только укрѣпила ихъ въ той мысли, что необходимо юридически оформить свои отношенія къ верховной власти,—что и опредѣлило поведеніе аристократіи во время смуты.

2. Народное хозяйство въ XVI в.

Московское государство къ концу XVI вѣка состояло изъ цѣлаго ряда земель, существенно отличавшихся другъ отъ друга какъ почвенными, такъ и климатическими особенностями. Съ этой стороны изслѣдователи народнаго хозяйства въ XVI вѣкѣ дѣлили все государство на нѣсколько областей. Прежде всего—Замосковный край, территорія стараго Московскаго и Владимірскаго княжествъ, мѣстность, въ которой населеніе почти исключительно занималось земледѣліемъ, и гдѣ къ серединѣ XVI вѣка пустило весьма глубокіе корни частное — духовное и свѣтское землевладѣніе. Изученіе писцовыхъ книгъ показало преобладаніе на этой территоріи именно монастырскаго землевладѣнія. Такъ, можно считать, что въ Московскомъ уѣздѣ въ рукахъ монастырей находилось до 44% всей пахотной земли, около 39%—въ рукахъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, а остальная земля—въ рукахъ чернаго и дворцоваго крестьянства. Къ Замосковному краю съ юго-востока примыкали такъ называемые «Рязанскіе города», составлявшіе территорію прежняго Рязанскаго княжества. На этой территоріи земельное распредѣленіе напоминало собою Московскій уѣздъ. Къ западу отъ нихъ шли «Украинскіе города», за чертой которыхъ начиналось «дикое поле». Еще дальше къ западу, между верхней Окой и ея притоками, находились такъ называемые «Заоцкіе города», имѣвшіе огромное значеніе, какъ военные центры, такъ какъ опасность нашествія съ юга еще не исчезла въ XVI вѣкѣ. По верховьямъ Днѣпра и Западной Двины были рас-

положены города «отъ Литовской Украины», мало-по-малу терявшіе свое прежнее значеніе военныхъ центровъ, по мѣрѣ того какъ исчезла боязнь вражескаго нашествія съ Запада. Къ юго-востоку отъ нихъ лежали сѣверскіе города, а къ сѣверу отъ нихъ города «отъ нѣмецкой Украины»: Новгородъ и Псковъ со своими пригородами. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ землевладѣніе носило иной характеръ, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ. Здѣсь не было крупнаго вотчиннаго и монастырскаго землевладѣнія. Здѣсь—царство мелкаго землевладѣнія, по преимуществу военно-служилаго, развитіе котораго, конечно, объяснялось предпринятыми правительствомъ мѣрами по оборонѣ страны. Наконецъ, бывшія сѣверныя владѣнія Новгорода—съ Вяткою, Пермью и Подвиньемъ— составляли Поморье,—край, богатый лѣсами, мѣстность, въ которой почти не было служилаго землевладѣнія, территорію, на которой правильное земледѣліе было немыслимо по климатическимъ условіямъ, и гдѣ населеніе широко эксплоатировало природныя богатства края. Наконецъ, города по средней и нижней Волгѣ, на мѣстахъ прежнихъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, составляли группу Понизовыхъ городовъ, для сокращенія называвшихся «низомъ». Это была мѣстность съ богатыми почвенными условіями, съ обиліемъ разнаго рода промысловыхъ угодій, издавна притягивавшая къ себѣ и крестьянина и крупнаго вотчинника, безразлично,—духовнаго или свѣтскаго.

Къ первой половинѣ XVI вѣка во всѣхъ этихъ областяхъ безраздѣльно царило натуральное хозяйство. Каждое изъ хозяйствъ представляло собою замкнутую въ экономическомъ отно-

шеніи единицу, самостоятельно удовлетворявшую свои нужды и потребности. Такой натурально-хозяйственный укладъ не исключалъ возможности большаго или меньшаго развитія внутренней торговли по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Но этотъ обмѣнъ нисколько не измѣнилъ общаго тона хозяйственнаго уклада страны. Въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладало сельское хозяйство, даже на крупныхъ вотчинахъ велось мелкое хозяйство при полномъ почти отсутствіи собственной барской запашки. Земля вся находилась въ рукахъ арендаторовъ, обязанныхъ вносить собственнику земли опредѣленную арендную плату, которая обыкновенно вносилась натуральными продуктами,—лучшій показатель неразвитости экономическихъ отношеній и отсутствія рынка для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Такой же примитивной по своей организаціи была обрабатывающая промышленность. Разбросанные по деревнямъ кустари и ремесленники приготовляли свои нехитрые фабрикаты—орудія труда, утварь, одежду и сбывали ихъ на мѣстныхъ рынкахъ. Впрочемъ, большая часть населенія почти все необходимое для себя и своего хозяйства дѣлала собственными руками. Благодаря примитивнымъ экономическимъ отношеніямъ въ странѣ почти не было денегъ, и онѣ стоили дорого. Бывшая налицо монета ушла въ орду, а прилива новаго металла почти не замѣчалось.

Въ половинѣ XVI вѣка начинаютъ ломаться старыя хозяйственныя отношенія. Постепенно усиливается внутренній и внѣшній товаро-обмѣнъ, страна опять вступаетъ въ торговыя сношенія съ западомъ. Съ открытіемъ Америки, когда Ганзейскій торговый путь потерялъ свое

прежнее значеніе, пала внѣшняя торговля Новгорода, независимо отъ политики Ивана III и его сына. Въ 1553 году картина мѣняется. Московское государство вступаетъ въ торговыя сношенія съ европейскимъ рынкомъ, съ англичанами, черезъ Бѣлое море. Благодаря этому стало усиливаться торговое значеніе Архангельска. Вся дорога отъ Москвы по направленію къ Архангельску покрылась цѣпью большихъ и малыхъ городовъ, какъ-то: Вологда, Ярославль, Холмогоры. Поставщиками продуктовъ являлись мѣстности центральной полосы, на которой и возникали большія и малыя торжища, куда населеніе привозило свои продукты на продажу, откуда они направлялись въ Москву, а изъ нея по зимней дорогѣ—къ Архангельску. Развитіе внутренняго товаро-обмѣна зависѣло не только отъ появленія большой емкости внѣшняго рынка, — стали возникать сельскохозяйственные рынки для удовлетворенія потребностей самого населенія. Въ этомъ отношеніи большимъ рынкомъ являлась Новгородско-Псковская земля, гдѣ населеніе перешло къ культурѣ техническихъ растеній, разсчитанныхъ на сбытъ. Не мало образовалось такихъ рынковъ въ Поморьѣ и сѣверной части Замосковья. Благодаря этому область сельско-хозяйственной культуры подвинулась немного къ югу и юго-востоку, въ полосу богатѣйшаго чернозема, который до сихъ поръ лежалъ безъ обработки или подвергался хищнической эксплуатаціи. Благодаря этимъ условіямъ создавался большой внутренній рынокъ. Съ развитіемъ заграничной торговли въ страну пришло не мало денегъ. Послѣднія сразу пали въ цѣнѣ. Рубль средины вѣка сталъ вдвое дешевле въ сравненіи съ началомъ вѣка и вдвое дороже

цѣнности рубля конца вѣка. Усиленіе внутренняго и внѣшняго товаро-обмѣна и увеличеніе денежнаго обращенія имѣло огромныя послѣдствія для населенія и самого сельскаго хозяйства. Прежде всего и государство и частный владѣлецъ уже не довольствуются натуральной арендой. Имъ нужны деньги. Государству нужны для далекихъ походовъ, для содержанія его приказной администраціи. Землевладѣльцы, обязанные нести военную службу, тоже нуждались въ деньгахъ. Отправляясь въ далекіе походы, они хотятъ имѣть этотъ ходкій товаръ при себѣ, какъ весьма удобное средство для обмѣна разнаго рода цѣнностями. Поэтому государство большую часть натуральныхъ повинностей переводитъ на деньги, а помѣщикъ натуральную форму оброка частью или полностью замѣняетъ деньгами. Возможность сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на рынкѣ заставляетъ собственниковъ увеличивать размѣръ своей запашки, для эксплоатаціи которой уже не хватало труда холоповъ. Собственники и привлекаютъ къ этому дѣлу крестьянъ, обязанныхъ отправлять барщину то въ видѣ платежа за аренду земли, то въ видѣ уплаты процентовъ за ссуду, которую бралъ крестьянинъ у земельнаго собственника. Необходимость поднятія доходности хозяйства заставляетъ собственника прибѣгнуть къ интенсификаціи своего хозяйства, благодаря чему въ земледѣльческихъ уѣздахъ замѣчается переходъ отъ перелога къ трехполью, а въ другихъ мѣстахъ—отъ хищнической эксплоатаціи земли къ перелогу. Новыя условія хозяйственной жизни страны медленно втягивали въ круговоротъ новыхъ хозяйственныхъ отношеній и сельскую массу—крестьянство, все

крѣпче и крѣпче связывавшее себя съ рынкомъ. Крестьянамъ приходится для уплаты государственныхъ и частно-владѣльческихъ повинностей реализовать на деньги продукты своего хозяйства и подвергаться на каждомъ шагу постоянному колебанію цѣнности денегъ, уловить которое онъ былъ не въ силахъ, но которое давало себя чувствовать при платежѣ государственныхъ и частныхъ повинностей.

Всѣ эти явленія усиливали тяжесть экономическаго положенія крестьянъ. Это сейчасъ же сказалось въ уменьшеніи размѣра земли, арендуемой крестьянами. Крестьяне теперь рѣдко арендують выть, а больше ¼ или ½ выти и т. д. Отсутствіе средствъ для заведенія хозяйства, разнаго рода бѣдствія заставляли крестьянина обращаться къ частно-владѣльческой «ссудѣ» или «подмогѣ», все болѣе и болѣе закабалявшей крестьянъ. Крестьяне не выносили тяжести создавшихся условій и оставляли свое хозяйство, переходили на земли крупныхъ вотчинниковъ или попросту бѣжали на окраины государства. Уменьшеніе населенія было огромное: къ концу XVI вѣка въ Московскомъ уѣздѣ осталось только 25% жилыхъ крестьянскихъ дворовъ въ сравненіи съ началомъ вѣка. Такое опустошеніе можно отмѣтить и по писцовымъ книгамъ Тверского уѣзда. Въ Новгородской области многія волости и погосты совершенно опустѣли. Зато увеличивалось населеніе на территоріи недавно завоеванныхъ царствъ,—Казанскаго и Астраханскаго—и на юго-востокѣ. Отливъ рабочихъ рукъ создалъ невыносимыя условія для хозяйства. Была полная невозможность поддерживать хозяйство въ прежнемъ видѣ. Приходилось прибѣгать къ сокращенію запашки, возвра-

щаться къ успѣвшей уже отжить свой вѣкъ техникѣ, разоряться изъ-за непроизводительной затраты капитала. Каковы были размѣры этого сельскохозяйственнаго кризиса, видно изъ слѣдующаго примѣра: въ имѣніи Троице-Сергіева монастыря, въ Нижегородскомъ уѣздѣ, насчитывалось въ концѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка 4722 четвертей пашни, распаханной въ три поля, а въ 1596 году пашни осталось только 292 четверти. Все остальное пространство поросло лѣсомъ. Конечно, этотъ кризисъ сильно подорвалъ вотчинное землевладѣніе: не мало земель перешло въ руки тогдашняго банкира—монастыря. Въ общемъ экономическій кризисъ приходилъ на помощь сословной политикѣ Грознаго и окончательно добивалъ бояръ-княжатъ, лишая ихъ опоры политическаго положенія—родовыхъ вотчинъ. Не менѣе страдало среднее и мелкое помѣщичье землевладѣніе, такъ какъ съ бѣгствомъ крестьянъ на окраины или съ переходомъ на земли крупныхъ вотчинниковъ оно лишалось рабочихъ рукъ и было не въ силахъ отправлять исправно свою военную повинность.

3. Военно-служилый классъ и помѣстное землевладѣніе.

Когда Москва изъ небольшого удѣла выросла въ большое государство, ей пришлось столкнуться со своими ближайшими сосѣдями: поляками, литовцами, шведами и татарами, съ которыми она вела рядъ войнъ—то оборонительныхъ, то наступательныхъ. Въ теченіе XV—XVI вѣковъ Москва воевала на сѣверѣ съ Швеціей, на западѣ—съ Литвой и Ливонскимъ орденомъ; а на югѣ и юго-востокѣ—съ татарами. Такая энер-

гичная внѣшняя политика требовала большого количества военныхъ силъ, вслѣдствіе чего и выдвинулся на первую очередь вопросъ объ образованіи военно-служилаго класса и способѣ его содержанія. Первыя правительственныя попытки къ образованію военно-служилаго класса можно отмѣтить уже во второй половинѣ XV вѣка, но наиболѣе характерна въ этомъ отношеніи середина XVI столѣтія, когда началась систематическая вербовка людей изъ разныхъ общественныхъ слоевъ для образованія военно-служилаго класса. Эта вербовка стала возможна только во второй половинѣ XVI вѣка благодаря наличности тѣхъ элементовъ, которые вошли въ его составъ. Съ образованіемъ Московскаго государства значительно увеличилась численность слугъ московскаго князя. Въ ихъ число входили потомки великихъ и малыхъ удѣльныхъ князей, добровольно или насильственнымъ путемъ оставившихъ «свои княжескіе столы» и принужденныхъ отдаться подъ покровительство Московскаго князя. Туда же вошли княжескіе бояре и вольные слуги, вмѣстѣ съ князьями пришедшіе въ Москву. Къ московскому князю стали пріѣзжать на службу и иноземцы. Такъ, поступили на службу потомки Гедиминовичей—князья Трубецкіе, Мстиславскіе, Патрикѣевы, пріѣзжали татарскіе царевичи и мурзы со своими отрядами. Отъ этихъ татарскихъ выходцевъ образовался цѣлый рядъ дворянскихъ родовъ, какъ-то: Годуновы, Мещерскіе, Сабуровы, Глѣбовы. Всѣ эти элементы и вошли въ составъ сформировавшагося военно-служилаго класса. Кромѣ выходцевъ литовско-польскихъ и татарскихъ, въ его составъ вошло и нѣсколько выходцевъ изъ Западной Европы, которые стали появляться

въ Москвѣ со времени Ивана III, а также было немало и военно-плѣнныхъ. Родословныя записи позднѣйшаго происхожденія говорятъ, что многіе изъ московскихъ дворянскихъ родовъ вели свое происхожденіе отъ «честныхъ мужей, выѣзжихъ изъ прусъ или изъ нѣмецъ». Кромѣ того, въ составъ того же класса вошли и новгородскіе «своеземцы», мелкіе земельные собственники, никому не служившіе; впрочемъ, въ служилые списки были записаны наиболѣе состоятельные изъ нихъ; владѣльцы же небольшого количества дворовъ—одного-двухъ —сливались съ тяглыми людьми—крестьянами и были обложены соотвѣтствующими налогами. Помимо этихъ элементовъ, военно-служилый классъ пополнялся частью бывшими дворцовыми слугами великихъ и малыхъ удѣльныхъ князей, боярскими дружинами-послужильцами. Принимались на временную службу или верстались въ постоянную службу даже казаки, уже достаточно зарекомендовавшіе себя антиправительственными выступленіями. По мѣрѣ увеличенія численности военно-служилаго класса постепенно вырабатывается дѣленіе его на нѣсколько разрядовъ, чиновъ. Принадлежность къ тому или другому чину обусловливалась «служебной годностью» и «происхожденіемъ или отечествомъ» того или другого лица.

Къ высшему разряду военно-служилаго класса принадлежали такъ называемые «думные чины», входившіе въ составъ высшаго правительственнаго учрежденія—Боярской Думы. Къ думнымъ чинамъ принадлежали: бояре, окольничьи, думскіе дворяне. Обыкновенно въ составъ боярства входили крупнѣйшіе землевладѣльцы, потомки разныхъ аристократическихъ фамилій,

еще не забывшие старинныхъ феодально-удѣльныхъ порядковъ. Званіе окольничьяго обыкновенно давалось потомству московскихъ бояръ. Наконецъ, послѣдній чинъ «думнаго дворянина» жаловался государемъ лицамъ незнатнаго происхожденія, которые «по своему отечеству» никакъ не могли попасть въ Боярскую Думу. Къ среднему разряду военно-служилаго класса принадлежали «чины московскіе». Сюда входили: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы. Послѣдній чинъ служилыхъ людей былъ образованъ въ 1550 году, когда, по приказанію Ивана Грознаго, въ составъ столичнаго дворянства была включена избранная тысяча провинціальныхъ дѣтей боярскихъ. Наравнѣ со старымъ столичнымъ дворянствомъ они были помѣщены въ московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ, не далѣе 70 верстъ отъ Москвы, и ихъ имена были записаны въ «Тысячную книгу». Обыкновенно сынъ знатнаго человѣка начиналъ свою служебную карьеру съ чина стряпчаго или стольника, чтобы потомъ въ недалекомъ будущемъ получить званіе «окольничьяго», тогда какъ обыкновенный московскій дворянинъ, начавъ свою службу съ жильца, могъ въ крайнемъ случаѣ дослужиться до чина стольника или стряпчаго.

Обыкновенно, служилые по «московскому списку» были лучше вооружены и обмундированы сравнительно съ провинціальными служилыми людьми и составляли своего рода «царскую» гвардію. Наконецъ, къ чинамъ провинціальнымъ относились городовые или уѣздные дворяне, выборные, дѣти боярскія городовыя и дѣти боярскія дворовыя. Къ выборнымъ дворянамъ обыкновенно относились наиболѣе зажиточ-

ные и исправные по службѣ изъ среды провинціальныхъ землевладѣльцевъ. Обыкновенно выборныхъ дворянъ вызывали въ Москву для выполненія разнаго рода правительственныхъ порученій, и изъ ихъ среды пополнялся московскій списокъ «служилыхъ людей». Переходъ отъ одного разряда въ другой былъ очень затруднителенъ для неродовитыхъ людей. Незнатное «отечество» не допускало ихъ на высшія ступени іерхархической служебной лѣстницы. Помимо «отечества», переходу въ высшій разрядъ препятствовала и экономическая маломощность низшихъ элементовъ изъ среды военно-служилаго класса, такъ какъ пребываніе въ высшемъ разрядѣ требовало и большихъ экономическихъ ресурсовъ, которыхъ не могло быть у провинціальнаго служилаго человѣка. Провинціальные служилые люди съ большимъ трудомъ дослуживались до чина «московскаго дворянина», съ котораго обыкновенно начиналъ свою службу родовитый человѣкъ.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста численности военно-служилаго класса, стали въ него верстать и холоповъ и крестьянъ, но это были служилые люди по прибору. Къ служилому классу можно отнести дьяковъ, подьячихъ и вообще приказныхъ людей, количественно значительно увеличившихся въ XVI вѣкѣ. Они набирались изъ числа «поповыхъ и дьяковыхъ дѣтей», «торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ, изъ черныхъ сотенъ всякихъ посадскихъ людей, изъ пашенныхъ людей и ихъ дѣтей». Всѣ эти «приказные», хотя непосредственно не принадлежали къ дворянству, однако владѣли помѣстьями и вотчинами и были свободны отъ платежа податей.

Служба была фактически пожизненной. Только выдача на себя частнымъ лицомъ служилой кабалы вела къ освобожденію отъ службы. Это довольно часто практиковалось въ XVI вѣкѣ, когда «дворяне, не хотя государевой службы служити и бѣдности терпѣти, били челомъ въ холопствѣ во дворы къ боярамъ и дворянамъ». Общая численность военно-служилаго класса доходила до ста тысячъ человѣкъ, а, можетъ быть, и больше. Онъ состоялъ въ вѣдѣніи Разряднаго приказа, который велъ списки бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ, людей по московскому и провинціальнымъ спискамъ, казаковъ, «кого когда случится послати на службу, на войну и на воеводства въ города и во всякіе посылки».

Московское правительство въ XVI вѣкѣ обладало довольно слабыми денежными рессурсами,— настолько слабыми, что не могло быть и рѣчи о содержаніи военно-служилаго класса «денежнымъ жалованіемъ». Приходилось изыскивать другія средства къ содержанію служилаго класса. Такимъ средствомъ могла стать только земля, колоссальныя количества которой сосредоточились въ рукахъ правительства и которая при тогдашнихъ примитивныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ представляла капиталъ первостепенной важности. Владѣя такимъ «капиталомъ», правительство и стало раздавать служилымъ людямъ земли подъ условіемъ службы. Такого рода условное землевладѣніе называлось «помѣстіемъ». Въ помѣстіе жаловались какъ «дворцовыя земли», такъ и земли «великаго князя», какъ населенныя, такъ и незаселенныя. Отдавались въ «помѣстіе» и частно-владѣльческія

вотчины, перешедшія къ государю. Владѣльцы земель назывались «помѣщиками». Свое помѣстіе они называли «государевымъ жалованіемъ», а не своимъ владѣніемъ. Помѣстное право не стѣсняло держателя земли въ правахъ пользованія. Они раздавали земельные участки крестьянамъ на правахъ аренды. Вообще они могли эксплоатировать свое помѣстіе, какъ находили для себя наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Зато помѣщики не располагали правомъ распоряженія; единственная доступная для нихъ гражданская сдѣлка, это—мѣна помѣстій. Первоначально помѣстіе не передавалось по наслѣдству. Впрочемъ, и сами помѣщики и правительство заботились о томъ, чтобы имѣніе не выходило изъ семьи или рода. Послѣ смерти мужей и отцовъ вдовы и дочери получали такъ называемыя «прожиточныя имѣнія». Сплошь и рядомъ женщины сдавали свои земельные участки другимъ лицамъ подъ условіемъ «ихъ кормить и замужъ выдать». Всякое неисправное отбываніе государственной военной повинности влекло за собою потерю помѣстія. Помѣстные оклады зависѣли отъ чина военно-служилаго человѣка. Такъ, бояре получали въ помѣстіе отъ 1000—2000 четей (четь—полъ десятины), окольничьи и думные люди—по 1000 четей, служилые люди по «московскому списку» отъ 500—1000 четей, нормальнымъ окладомъ для провинціальнаго служилаго человѣка считался надѣлъ въ 100 четей.

Помѣстный окладъ являлся той нормой, на которую имѣлъ право соотвѣтствующій чинъ военно-служилаго класса. Дѣйствительныя же помѣстныя дачи были значительно меньшаго размѣра, составляя 20—30% нормальнаго по-

мѣстнаго оклада, а то и меньше. Такъ, въ Ряжскомъ уѣздѣ въ 1592 году до 30 боярскихъ дѣтей, имѣвшихъ право на окладъ отъ 50—200 четей, получили лишь земли на «усадища». И въ другихъ мѣстахъ та же картина: служилые люди «испомѣщены по окладамъ не сполна, иные вполнѣ, а иные въ третій и четвертый жребій, а другимъ дали на усадища по немногу». Несоотвѣтствіе «помѣстной дачи» окладу объясняется тѣмъ, что правительство при надѣленіи помѣстіями имѣло въ виду и размѣры вотчиннаго землевладѣнія служилаго человѣка, въ зависимости отъ котораго уменьшалась или увеличивалась помѣстная дача.

Если служилый дворянинъ считалъ недостаточной свою помѣстную дачу для отбыванія государственной повинности, онъ хлопоталъ о прибавкѣ, называвшейся «наддачей». Право владѣнія землей соединялось съ обязательной военной службой. Каждый владѣлецъ помѣстья былъ обязанъ являться по требованію правительства на войну «людно, конно и оружно»—въ полномъ боевомъ вооруженіи и съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ, смотря по величинѣ помѣстія. Обыкновенно одинъ ратникъ ставился съ 100 четей.

Развитіе помѣстнаго землевладѣнія оказало вліяніе и на судьбы вотчиннаго землевладѣнія, бывшаго свободнымъ отъ принудительной военной службы государству. Царскимъ указомъ отъ 1556 года принудительная военная служба легла всей своей тяжестью и на вотчинное землевладѣніе. Благодаря этому исчезла существенная разница между вотчиной и помѣстіемъ. Собственники вотчинъ отнынѣ прикрѣплялись къ государевой службѣ.

Необходимость широкой организацiи военно-служилаго класса, естественно, выдвигала на очередь вопросъ о мѣрахъ содержанiя служилаго землевладѣнiя. Прежде всего правительство стремилось поддержать наслѣдственное вотчинное землевладѣнiе. Съ этой цѣлью имъ было издано нѣсколько указовъ о «правѣ родового выкупа». Такъ, судебникъ Ивана IV назначалъ сорокалѣтнiй срокъ для выкупа вотчинъ тѣмъ изъ родственниковъ, которые не были «въ послухахъ» при совершенiи купчей крѣпости. Для облегченiя же самого выкупа тотъ же Судебникъ постановилъ, чтобы выкупная цѣна, назначенная за вотчину, была «въ мѣру чего та земля стоитъ, а что кто денегъ въ займы далъ лишекъ, больше той цѣны, и у того деньги пропали».

Новыя условiя хозяйственной жизни XVI вѣка отразились чрезвычайно неблагопрiятно на вотчинномъ землевладѣнiи. Вотчины кризиса не выдержали; чувствовалась постоянно острая нужда въ капиталѣ и рабочихъ рукахъ; земли закладывалась монастырямъ и обыкновенно оставались за ними. Вотчина такимъ образомъ освобождалась отъ «государственной службы», что, конечно, по существу задѣвало интересы государства. Принимая во вниманiе черезмѣрную задолженность вотчиннаго землевладѣнiя, дороговизну денегъ и высоту %, правительство Грознаго опубликовало два въ высшей степени важныхъ указа: 1557 и 1558 года. Согласно первому указу, служилые люди освобождались отъ уплаты % по долговымъ обязательствамъ, а погашенiе долговъ частнымъ лицамъ разсрочивалось на 5 лѣтъ, а на будущее время устанавливался ростъ въ 10%. Законъ 1558 года

спеціально относился къ вотчинному землевладѣнію и распространялъ на него дѣйствіе указа отъ 25 декабря 1557 года.

Въ связи съ организаціей военно-служилаго класса московское правительство столкнулось съ церковнымъ землевладѣніемъ, продолжавшимъ быстро увеличиваться благодаря переходу въ руки къ духовенству боярскихъ и дворянскихъ земель. Ростъ церковнаго землевладѣнія сокращалъ наличность служилаго класса. Обыкновенно вотчины отдавались «на вкладъ», «на поминъ души», «подъ закладъ». Это и заставило правительство Грознаго поставить на очередь вопросъ о дальнѣйшихъ судьбахъ церковнаго землевладѣнія. Уже Стоглавъ вынесъ постановленіе, чтобы монастыри и духовныя лица покупали вотчины только съ разрѣшенія государя. Указъ 1572 года запрещалъ дѣлать вклады въ большіе монастыри, тогда какъ вообще вклады разрѣшались указомъ 1551 года. Такое распоряженіе правительство издало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы «въ службѣ убытка не было, и земля бы отъ службы не выходила». Наконецъ, соборный приговоръ 1580 года вынесъ резолюцію, согласно которой впредь должно «земель не выкупать, не брать въ залогъ и не прибавляти никоторыми дѣлы, а также и не даватъ ихъ безденежно по душамъ». Но эти распоряженія не достигали своихъ цѣлей. Церковь и свѣтскіе люди находили способы ихъ обойти, благодаря чему церковное землевладѣніе не было задержано въ своемъ ростѣ, хотя среди публицистовъ XVI вѣка, защитниковъ свѣтскаго землевладѣнія, господствовало опредѣленно выраженное убѣжденіе, что инокамъ не слѣдуетъ давать «княжее и болярское мірское жалованіе, аки

воинамъ», несмотря на то, что «лицемѣрные и любостяжательные и паки учатъ отцовъ и думковъ не радѣти о ближнихъ въ родѣ, но совѣтуютъ и глаголютъ не давати имѣнія аще и убогимъ сродникамъ, а давай къ монастырю, и за то тебѣ умолятъ святые у Бога царствіе небесное» (Курбскій). Въ общемъ конфликтъ боярства и дворянства съ духовенствомъ окончился не въ пользу землевладѣльческаго класса, и духовенство сохранило за собой право владѣнія селами и деревнями, тогда какъ вотчинное и помѣстное землевладѣніе во второй половинѣ XVI вѣка переживало глубокій кризисъ. Первое— изъ-за опричнины, изъ-за новыхъ хозяйственныхъ условій, къ которымъ приходилось приспособлять свое хозяйство, а также изъ-за отсутствія рабочихъ рукъ; второе—изъ-за борьбы съ церковнымъ и свѣтскимъ землевладѣніемъ за рабочія руки, все уменьшавшіяся количественно вслѣдствіе охватившаго страну экономическаго кризиса. Эта рознь на почвѣ экономической между низшими и высшими чинами служилаго сословія еще болѣе осложнялась благодаря родовитости первыхъ и незнатности вторыхъ, столь существенно вліявшей и на ихъ служебную карьеру, и на ихъ матеріальное обезпеченіе. Не даромъ дворянскій публицистъ Ивашко Пересвѣтовъ, защитникъ мелкихъ и среднихъ служилыхъ классовъ, горячо нападаетъ на боярскій классъ, находя, «что вельможи русскаго царства сами богатѣютъ, имѣніе емлютъ, царство государя оскужаютъ, и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а за христіанскую вѣру не стоятъ»

4. Посадское населеніе.

Вторымъ по значенію общественнымъ классомъ въ московскомъ государствѣ XVI вѣка были такъ называемые «посадскіе люди». Это было неслужилое населеніе, которое должно было тянуть государево тягло наравнѣ съ крестьянскимъ населеніемъ. Жили они посадами и слободами, большей частью возникавшими около городскихъ укрѣпленій. Иногда посадъ или слобода возникали и внѣ городскихъ стѣнъ, подъ вліяніемъ ряда причинъ мѣстнаго характера. Жители «посадовъ и слободъ» занимались торговлей и промыслами, но въ XVI вѣкѣ имъ еще не удалось рѣзко отмежеваться отъ другихъ общественныхъ группъ и захватить торговлю и промыслы въ свои руки. Съ ними конкурировали слободы, принадлежавшія частнымъ, — духовнымъ и свѣтскимъ,—вотчинникамъ. Населеніе этихъ слободъ сидѣло на посадской черной землѣ, купленной вотчинникомъ у посада, занималось торговлей и промыслами, но не несло никакого городского тягла. Эта торгово-промышленная дѣятельность значительно подрывала и убивала хозяйственную дѣятельность посадскаго населенія, вызывая съ его стороны вполнѣ справедливыя жалобы на привилегированное положеніе населенія частновладѣльческихъ слободъ. Какъ бы то ни было, но посады въ XVI вѣкѣ являлись торгово-промышленными центрами, и правительство, заинтересованное въ правильномъ поступленіи таможенныхъ сборовъ, въ чисто-фискальныхъ интересахъ, слѣдило за тѣмъ, чтобы «по селамъ и деревнямъ не торговали, опричь посаду». Правительство давало также разрѣшеніе «уставити

торгъ и торговати по вся дни» въ той или другой мѣстности, если замѣчало возможность увеличенія таможенныхъ сборовъ отъ появленія новаго «торжка». Конечно, не всѣ города-посады имѣли одинаковое торгово-промышленное значеніе; въ этомъ отношеніи между ними существовало значительное различіе.

Такъ, въ сѣверныхъ поморскихъ уѣздахъ городъ не успѣлъ отдѣлиться отъ уѣзда и по существу мало чѣмъ отличался отъ деревни. Населеніе какъ города, такъ и уѣзда равно занималось и сельскимъ хозяйствомъ, и промысловой дѣятельностью, и торговлей. Зато города, близкіе къ Москвѣ, были населены по преимуществу торгово-промышленнымъ классомъ, составлявшимъ здѣсь большинство. Оно и понятно: около Москвы скрещивались торговые пути и отсюда расходились къ окраинамъ государства. Отсюда шла дорога черезъ Нижній-Новгородъ въ Казань, черезъ Оку и среднюю Волгу на сѣверъ къ Бѣлому морю и сѣверо-западъ къ Великому Новгороду. Благодаря этому Москва превратилась въ одинъ изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ посадскихъ центровъ. Около Москвы лежали многолюдные посады: на сѣверо-западѣ Можайскъ, Торопецъ, Великія Луки и цѣлый рядъ пригородовъ въ Новгородско-Псковской землѣ. На торговой дорогѣ на Оку и Волгу лежали посады: Коломна, Серпуховъ, Кашира, Муромъ; рядъ посадовъ лежалъ къ сѣверу отъ Москвы: Ярославль, Устюгъ, Вологда, Холмогоры, Архангельскъ. Что же касается городовъ восточныхъ и южныхъ—Казани, Свіяжска, Тулы, Каширы, Пронска,—то по своему значенію это были скорѣе военные центры, и потому въ нихъ преобладало военно-служилое населеніе, а въ торгово-

промышленномъ отношеніи они представляли собой весьма ничтожную величину.

Провинціальное посадское населеніе по своему составу было далеко не однороднымъ и дѣлилось на нѣсколько разрядовъ, принадлежность къ которымъ зависѣла отъ экономическаго положенія посадскаго человѣка. Въ зависимости отъ этого жители посадовъ дѣлились на «лучшихъ, среднихъ и молодшихъ» людей. Они отличались другъ отъ друга не только размѣрами тягла, которое они несли государству, и тяжестью службы, какую на нихъ возлагало государство, но и нѣкоторыми юридическими правами. Такъ, по Судебнику 1550 г., за безчестіе торговыхъ людей и посадскихъ «среднихъ» платилось 5 рублей, а за ту же провинность по отношенію къ городскимъ черным людямъ—только 1 рубль. Жители посада составляли обыкновенно посадскую общину, бывшую и самостоятельнымъ податнымъ округомъ, за исключеніемъ сѣверныхъ, Поморскихъ городовъ, гдѣ городъ и уѣздъ въ податномъ отношеніи сливались въ одно цѣлое. Посадъ пользовался самоуправленіемъ и имѣлъ отдѣльныхъ выборныхъ представителей власти. Все населеніе посада составляло посадскій «міръ», собиравшійся по мѣрѣ надобности. Міръ выбиралъ своихъ «посадскихъ старостъ и земскихъ цѣловальниковъ», составлявшихъ «Земскій Совѣтъ»,—учрежденіе исполнительнаго характера. Міръ занимался раскладкой податей между своими членами. На посадскомъ сходѣ читались правительственные указы, тутъ же составлялись «мірскія челобитія за всеобщимъ рукоприкладствомъ». Если посадъ имѣлъ отдѣльнаго отъ волости «губного старосту», то выбирали его на посадскомъ сходѣ. Посадскій

староста и цѣловальники являются исполнительными органами посадскаго міра. Староста собираетъ государевы подати, отправляется съ челобитьями къ царю, расходуетъ мірскія деньги по указанію міра. Цѣловальники, это—помощники старосты и исполнители его порученій. Посадскія повинности состояли въ платежѣ «государева тягла», собиравшагося по «сохамъ и дворамъ», въ платежѣ денежнаго оброка, вносимаго членами общины съ различныхъ статей и промысловъ. Оброкъ являлся индивидуальной повинностью, размѣры которой опредѣляются правительствомъ. Въ ея раскладкѣ міръ не принималъ никакого участія. Помимо этого, на посадскую общину падалъ и рядъ натуральныхъ повинностей. По требованію правительства посадская община должна была высылать требуемый комплектъ населенія для отправленія разнаго рода казенныхъ службъ: постройки укрѣпленій, варки селитры и т. п. Иногда на посадскій міръ возлагались и финансовыя порученія, тогда онъ выбиралъ головъ и цѣловальниковъ для сбора таможенныхъ и кружечныхъ сборовъ, отвѣчалъ своимъ имуществомъ за недоборы и неисправное веденіе дѣла.

Составъ посадскаго населенія Москвы былъ нѣсколько иной. Высшій разрядъ посадскаго населенія назывался «гостями». Званіе «гостя» давалось пожалованіемъ государя. Гости состояли на службѣ правительства и выполняли его финансовыя порученія, завѣдуя таможенными и кабацкими сборами и въ случаѣ недобора отвѣчая за нихъ своимъ имуществомъ. Гости пользовались значительными преимуществами: ихъ безчестіе оцѣнивалось Судебникомъ Ивана IV въ 50 рублей. Кромѣ того, они имѣли право поку-

пать вотчины и получать помѣстья; къ тому же освобожденные отъ юрисдикціи намѣстниковъ, они были подчинены суду царя. Званіе гостя обыкновенно жаловалось разбогатѣвшимъ провинціальнымъ купцамъ, которыхъ переводили въ Москву. Затѣмъ шли торговые люди «гостиной и суконной сотенъ», окончательно образовавшихся къ концу XVI вѣка. Это тоже были богатые купцы, пользовавшіеся привилегіями гостей; только имъ не поручали никакой самостоятельной финансовой службы, а назначали помощниками гостей по сбору кабацкихъ и таможенныхъ денегъ. Корпорація людей «гостиной и суконной сотенъ» тоже пополнялась за счетъ провинціальнаго міра. Наконецъ, «торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ» составляли низшій разрядъ посадскаго населенія въ Москвѣ. Это—наиболѣе многочисленныя группы населенія, само ядро московскаго посада. Они платили оброкъ, несли тягло и отправляли разнаго рода «казенныя службы», какъ и прочее провинціальное посадское населеніе.

Экономическое положеніе посадскаго населенія въ XVI вѣкѣ, несомнѣнно, было очень тяжелымъ. Съ одной строны, тяжелыя повинности, съ другой стороны—постоянное стремленіе правительства привлечь въ Москву на службу богатыхъ провинціальныхъ людей, благодаря чему, при наличности тѣхъ же повинностей, уменьшалось количество отбывавшихъ ихъ.

Наконецъ, посадскій человѣкъ повсюду встрѣчалъ себѣ конкурента въ лицѣ служилаго человѣка. Послѣдній отнималъ у него усадьбы, поселяясь въ городахъ для «ратной службы» на слу-

чай осады, а покидая городъ, оставлялъ вмѣсто себя «дворника», наблюдавшаго за усадьбой и занимавшагося торговлей и ремесломъ, но не платившаго никакихъ налоговъ въ мірскую посадскую казну. Селившіеся въ посадахъ частновладѣльческіе крестьяне сокращали ихъ промысловую дѣятельность, отнимали у нихъ рынокъ. А бремя государственныхъ податей и повинностей все росло и росло. Придавленному со всѣхъ сторонъ посадскому человѣку, бѣднѣвшему и разорявшемуся, оставалось только одно: бросить все свое хозяйство, свой домъ и уйти на сторону,—попросту убѣжать въ «дикое поле», гдѣ не могла схватить его цѣпкая правительственная рука, или «заложиться» за служилаго человѣка и тѣмъ освободиться отъ тягла. Уменьшеніе посадскаго населенія къ концу XVI вѣка—явленіе, бросающееся въ глаза. Опустѣли города Сѣверо-Западной области, стали пустѣть и города, расположенные около Москвы. Лѣтописецъ констатируетъ, «что множество разыдется людей изъ Можайска и изъ Волока», и одновременно указываетъ пути его направленія—«на Рязань, и въ Мещеру, и въ понизовые города, въ Нижній-Новгородъ». Такъ намѣчался сдвигъ населенія къ южной и юго-восточной окраинамъ государства.

5. Сельское населеніе.

Сельское населеніе въ московскомъ государствѣ XVI вѣка дѣлилось на нѣсколько разрядовъ: крестьянъ государственныхъ, помѣщичьихъ и церковныхъ,—смотря по тому, на чьей землѣ сидѣли крестьяне, чью землю они обрабатывали. Черносошные или государственные кресть-

яне сидѣли на земляхъ государственныхъ и находились въ непосредственной зависимости отъ государства. Они рѣзко выдѣлялись изъ остальной массы сельскаго населенія и въ податномъ отношеніи составляли рѣзко обособленную группу,—«а съ черными людьми не тянуть ни въ какіе проторы, ни въ разметы» говорило правительственное распоряженіе. Черные люди—прежде всего свободные люди. Жили они волостями, тяглыми общинами, состоявшими изъ нѣсколькихъ селъ и деревень. Фактическимъ собственникомъ земли являлась волость. Отдѣльный крестьянинъ—постольку собственникъ, поскольку онъ членъ волостной общины. Если земельные участки находились въ индивидуальномъ пользованіи, то община распоряжалась лугами, лѣсами, выгонами. Свои земельные участки крестьяне могли передавать по наслѣдству, передавать другому лицу, если послѣднее соглашалось «тянуть государевы налоги» совмѣстно со всей общиной.

Волость-община являлась юридическимъ лицомъ и располагала довольно большой распорядительной властью. Она выбирала «сотскихъ и лучшихъ людей» для участія въ судѣ намѣстника и его тіуна въ волостяхъ. Сотскіе, какъ представители волости, сносились отъ ея имени съ центральной администраціей. На ихъ имя писались грамоты съ обращеніемъ ко всему населенію: «старостѣ и всѣмъ крестьянамъ».

Для рѣшенія общихъ дѣлъ собиралась вся волость—«мірской совѣтъ».

Такія собранія происходили большею частью подъ открытымъ небомъ въ праздничные дни, на погостѣ около церкви. Кромѣ избранія на выборныя должности, волость раскладывала по-

дати между своими сочленами, связанными въ интересахъ государства круговой порукой. Помимо разверстки податей, волость черезъ своихъ выборныхъ лицъ участвовала въ судѣ намѣстниковъ, была связана общинной отвѣтственностью за преступленія, случавшіяся на волостной территоріи. Такъ, если находили на волостной землѣ тѣло какого-нибудь убитаго, то волость должна была или отыскать преступника или уплатить штрафъ, если виновный не былъ найденъ. Налоги, слѣдуемые съ волости, собирались ея выборными. Уставныя намѣстничьи грамоты запрещали намѣстнику и его чиновникамъ лично собирать въ волостяхъ кормы и поборы. Волость имѣла свою церковь и выбирала церковнаго старосту вмѣстѣ со священникомъ, имена которыхъ вмѣстѣ съ «заручными» листами посылались на утвержденіе епископа. Встрѣчались кое-гдѣ и «волостные монастыри», выстроенные и содержимые всей волостью, чтобы была возможность постричься въ немъ, когда наступитъ старость. Въ храмовой праздникъ устраивались «общія трапезы» за счетъ всей волости.

Въ XVI вѣкѣ происходили существенныя измѣненія въ судьбахъ черносошнаго крестьянства. Общинные міры переходили въ руки «князей и дѣтей боярскихъ». Разрывались вѣковыя связи, когда общинныя земли, отданныя въ помѣстье, дробились между отдѣльными помѣщиками. Въ центральныхъ уѣздахъ уже почти не сохранилось свободнаго крестьянства; немного его стало въ Замосковныхъ городахъ. Только Сѣверное Поморье все еще было населено свободнымъ крестьянствомъ, такъ какъ здѣсь не было развитія помѣстнаго землевладѣнія. Въ другихъ мѣстахъ изъ-за увеличенія государственныхъ тяго-

стей население волости разбегалось, а за ушедшихъ платили оставшіеся, отчего увеличивались недоимки, и разореніе шло все дальше.

Экономическое положеніе черносошнаго крестьянства было далеко не однородно. На ряду съ зажиточными, самостоятельными хозяевами было не мало и совершенно бѣдныхъ, лишенныхъ возможности оставаться самостоятельными членами волостной общины. Обыкновенно такіе обездоленные люди брали участки земли въ аренду или у частнаго владѣльца, или у черныхъ же крестьянъ, съ обязанностью отдавать собственнику половину своего урожая. Если въ первомъ случаѣ черносошные крестьяне порывали связь съ волостью, то во второмъ случаѣ они сохраняли съ ней связь, если «не на правахъ собственниковъ», то «въ качествѣ половниковъ или крестьянъ порядчиковъ». Половники, какъ и прочее черносошное крестьянство, несли государево тягло, съ той лишь разницей, что отвѣтственность за правильное поступленіе съ нихъ податей падала не на «волость», а на собственниковъ тѣхъ земель, на которыхъ они сидѣли. Оособенно много было половниковъ въ Поморскихъ уѣздахъ. Къ числу обѣднѣвшихъ крестьянъ принадлежали и бобыли. Это—безпашенные люди, которые имѣютъ только одинъ дворъ и занимаются разнаго рода ремеслами, на доходы съ которыхъ и живутъ. Встрѣчались бобыли и не имѣвшіе своихъ дворовъ,—ихъ называли «безмѣстными», «походячими». Они работали по чужимъ дворамъ въ качествѣ наймитовъ. Если матеріальное положеніе «бобыля» улучшалось, то онъ опять могъ сѣсть на землю и при благопріятныхъ условіяхъ «снова крестьянствовать». Подъ вліяніемъ экономическаго кри-

зиса, охватившаго страну во второй половинѣ XVI вѣка, количество бобыльскихъ дворовъ стало замѣтно увеличиваться.

Заинтересованная въ сохраненіи возможно большаго количества плательщиковъ податей, волость-община хлопотала о возвращеніи на старыя мѣста ушедшихъ, и правительство, также заинтересованное въ правильномъ бездоимочномъ поступленіи податей, въ этомъ пошло волостямъ навстрѣчу. Въ силу этой мѣры крестьяне черныхъ земель лишились права свободнаго передвиженія, сохранивъ однако за собою гражданскую дѣеспособность и правоспособность.

Огромная масса сельскаго населенія жила на частновладѣльческихъ, духовныхъ и свѣтскихъ земляхъ, мало-по-малу лишившись своей свободы и очутившись въ крѣпостной зависимости отъ землевладѣльцевъ. Такая перемѣна въ положеніи крестьянина совершилась, конечно, не сразу. Прошло не мало времени, пока свободный крестьянинъ превратился въ крѣпостного. Когда крестьянинъ, подъ вліяніемъ бѣдности, не въ силахъ былъ продолжать свое хозяйство, онъ его забрасывалъ, а самъ уходилъ на сторону къ какому-нибудь землевладѣльцу и снималъ у него участокъ земли на правахъ аренды. Первоначальныя отношенія нисколько не измѣнили правового положенія съемщика земли. Онъ могъ оставить ее, какъ только кончался срокъ аренды, разъ имъ были выполнены всѣ принятыя имъ обязательства. Но условія жизни сложились такъ неблагопріятно для крестьянина, что аренда земли явилась источникомъ крестьянской крѣпости. Когда какой-либо вольный крестьянинъ снималъ у собственника землю, онъ заклю-

чалъ съ нимъ арендный договоръ, называвшійся «порядной грамотой». Такіе договоры первоначально были устные и лишь позже стали письменными. Наиболѣе ранняя изъ сохранившихся порядныхъ грамотъ относится къ 1544 году.

Содержаніе порядной грамоты заключалось въ слѣдующемъ. Прежде всего упоминался въ ней тотъ, кто рядился въ крестьяне. «Се азъ Елизарей Федоровъ, сынъ Трубинъ, порядился ѐсмь... Се азъ Акулъ Васильевъ — да съ дѣтьми своими порядился...» Затѣмъ упоминалось лицо, которому рядились. Крестьяне садились жить «за монастыремъ», «за церковью», рядились въ такую-то «деревню». Далѣе опредѣлялись названіе, качество и величина арендуемаго участка. Земельные участки были большею частью неодинаковаго размѣра. Вычислялись они въ обжахъ, въ которыхъ было 10—15 десятинъ въ трехъ поляхъ, а также въ вытяхъ, размѣры которыхъ зависѣли отъ качества почвы и колебались между 18 и 24 десятинами. Впрочемъ, такіе размѣры выти можно считать весьма приблизительными, такъ какъ они сильно колебались по отдѣльнымъ районамъ. Обыкновенно крестьяне арендовали небольшіе участки ($^1/_3$ обжи, штину обжи, половину деревни, треть деревни, шестую долю деревни, двѣнадцатую долю обжи, пустошь на два плуга земли, со всѣми угодьи и съ пажитями, шестую выть, четверть обжи, двуюнадцатую выть). Порядная грамота заключалась на опредѣленный срокъ—три года, пять лѣтъ, двадцать лѣтъ, шесть лѣтъ, восемь лѣтъ, десять лѣтъ. Въ порядной грамотѣ детально перечислялись условія аренды. Арендаторъ обязывался «межъ не спу-

скати», «орати и сѣяти», и «пары парити», и «сѣно косити», и «огороды городити», и «гной на землю возити», со всякимъ сбереженіемъ, не запустошити ни котораго мѣста». Если на арендуемой землѣ находились уже усадебныя постройки, то съемщикъ обязывался «тѣ хоромы не гноити», «подрубити овинъ», «починивати», «дерньемъ крыти». Иногда арендаторъ обязывался возвести новыя постройки: «поставити по избѣ трехъ саженъ съ локтемъ, да по клѣти, да по хлѣву съ сѣнникомъ», поставить «въ тѣ урочныя лѣта избу новую, да клѣть съ подклѣтьемъ, да хлѣвъ и покрыть тѣ новыя хоромы соломою». Затѣмъ подрядчикъ обязывался «государевъ, царьской оброкъ денежной давати по старому, по книгамъ», «всякія государевы подати съ волостными людьми платити вмѣстѣ». Рядомъ съ этимъ перечислялись повинности въ пользу землевладѣльца. Онѣ были двоякаго характера и заключались въ платежѣ оброка и отправленіи барщины. Оброкъ былъ двухъ видовъ: натуральный и денежный. Первый рѣшительно доминировалъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Второй занимаетъ первое мѣсто въ порядныхъ во второй половинѣ вѣка. Натуральный оброкъ въ пользу землевладѣльца платился разнаго рода сельско-хозяйственными продуктами, какъ-то: рожью, ячменемъ, овсомъ, курами, яйцами, масломъ. Онъ разнообразился до крайности. Одни порядчики платили «по три бочки рыбы живопросольныя, бочки щучины живопросольныя, большіе звѣнье. осенніе ловли, а пласти не водные, да бочка судочины»... Другіе обязывались вносить оброку: «хлѣба, ржи и овса пять коробей, въ новую мѣру съ года на годъ, и изъ льна пятый снопъ, а изъ Заозерья шестой снопъ». Помимо плате-

жа оброка, крестьяне были обязаны «на дѣло монастырское ходити», «издѣліе монастырское дѣлати, пашни пахати и поле огородити и пажень расчистити».

Встрѣчаются порядныя, въ которыхъ рядившееся лицо получало льготы, какъ въ платежѣ государственныхъ повинностей, такъ и въ платежахъ владѣльцу земли. Срокъ льготы былъ различный,—отъ 2 до 4 лѣтъ. Иногда крестьяне новопорядчики освобождались въ видѣ льготы и отъ барщины. Въ грамотѣ говорилось: «въ которомъ году учнемъ мы избу ставити, и имъ насъ пожаловати не велити намъ издѣлья монастырскія дѣлати»; «а жити намъ въ льготѣ на той деревни... впредь четыре года... и въ тѣ намъ льготные лѣта... и монастырскаго никотораго дѣла намъ не дѣлати...» Обыкновенно въ порядную грамоту вписывались также условія о ссудѣ и подмогѣ, такъ какъ рѣдкій порядчикъ могъ приступить къ заведенію своего хозяйства безъ матеріальной помощи со стороны землевладѣльца. И та и другая могли выражаться «въ денежномъ займѣ», «въ сѣменахъ», «въ хлѣбѣ». Между подмогой и ссудой однако была существенная разница: подмога—большею частью безпроцентный долгъ, погашавшійся самимъ фактомъ выполненія арендныхъ условій: расчистки пашни, постройки хоромъ; ссуда же, наоборотъ, всегда процентный долгъ. Денежная ссуда называлась «серебромъ», хлѣбъ, отданный въ ссуду,—насопомъ. Размѣры денежной ссуды колебались отъ 2 до 10 рублей. Сплошь и рядомъ барщинныя работы являлись однимъ изъ средствъ уплаты процентовъ по долговымъ обязательствамъ. Помимо этого, всякій порядчикъ обыкновенно представлялъ «за себя поручителей

въ томъ, что онъ будетъ «жить въ крестьянахъ, землю пахать и дворъ строить, новыя хоромы ставить, а старыя починивати, жить тихо и смирно и никакимъ воровствомъ не воровать и не сбѣжати». Въ случаѣ неисполненія этихъ условій поручители платили неустойку.

Если же крестьянинъ уходилъ отъ землевладѣльца до окончанія срока аренды, онъ обязывался уплатить «пожилое» за «дворовое постановленіе», возвратить данную ссуду, уплатить убытки и «подможныя деньги». Наконецъ, во многихъ порядныхъ подробно перечислялись условія крестьянскаго выхода. Отказчикъ могъ уйти по окончаніи арендпаго срока при условіи: «царя великаго князя дань и оброкъ, и службы, и земскіе расчеты, и спасская празга заплатили сполна, и тѣ хоромы, и огороды, и пашни отвести старостѣ»...

Таковы условія крестьянской аренды. Нельзя не признать ихъ очень тяжелыми. Необходимость уплачивать при выходѣ ссуду и «пожилое» за всѣ прожитые года сразу привела къ тому, что крестьянская ссуда явилась источникомъ крестьянской крѣпости, отъ которой освободиться вполнѣ законнымъ путемъ было невозможно. Въ связи съ ростомъ крестьянской задолженности выростаетъ такъ называемый институтъ «старожильства». Долгъ дѣлалъ крестьянина «стариннымъ». Эти-то старожильцы уже въ XV вѣкѣ считались крѣпкими къ землѣ, и собственники смотрѣли на нихъ, какъ на людей уже потерявшихъ права выхода. Обыкновенно старожильцемъ считался тотъ, кто прожилъ на одномъ мѣстѣ 10 лѣтъ. Съ появленіемъ писцовыхъ книгъ старина стала опредѣляться по послѣднимъ. И правительство уже въ XVI вѣкѣ счи-

тало старожильцевъ крѣпкими къ землѣ и, выдавая Важскую уставную грамоту, разрѣшило посадскимъ и волостнымъ людямъ старыхъ своихъ тяглецовъ, «крестьянъ изъ-за монастырей, выводить назадъ безсрочно и безпошлинно и сажать ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто, въ которой деревнѣ жилъ прежде того». Но въ то время какъ старожильство «черныхъ крестьянъ» влекло за собой прикрѣпленіе къ тяглой общинѣ, старожильство частновладѣльческихъ крестьянъ прикрѣпляло ихъ къ помѣщику.

Крѣпостное право съ самаго своего возникновенія носило характеръ личной зависимости. Отчасти это зависѣло отъ отвѣтственности помѣщика за исправное поступленіе податей, отчасти отъ появленія такъ называемаго «кабальнаго холопства». Кабальное холопство появилось въ половинѣ XV вѣка. Возникло оно на почвѣ договора—займа. Свободное лицо занимало деньги и выдавало на себя «заемное письмо»—кабалу съ обязательствомъ «за ростъ служити». Кабальное холопство сначала прекращалось только по уплатѣ долга, но къ концу XVI вѣка, независимо отъ размѣровъ долга, оно стало пожизненнымъ. Если холопы пожелаютъ дать выкупъ, то господа имѣютъ право имъ въ этомъ отказать. Кабальные холопы, состоя при дворѣ владѣльца, были обязаны исполнять его приказанія и работать на него. Бывали примѣры, когда они сажались на пашню и обрабатывали землю.

Положеніе крестьянина, взявшаго ссуду и обязаннаго за нее отрабатывать проценты, по своей экономической зависимости приближалось къ положенію кабальнаго холопа. Сами помѣщики не видѣли особенной разницы между юри-

дическимъ состояніемъ кабальнаго холопа и должника-крестьянина. И тотъ и другой были должники, связанные принудительной работой на помѣщика. Обязательная же отвѣтственность помѣщика за платежъ податей давала помѣщику право не только на личность, но и на имущество крестьянина, открывая полную возможность вмѣшательства въ его хозяйственныя дѣйствія.

Такъ все болѣе и болѣе затягивалась крѣпостная петля на шеѣ русскаго крестьянина, уже лишеннаго возможности «законнымъ путемъ» выйти изъ крѣпостной неволи. Крестьянину оставалось или посредствомъ такъ называемаго вывоза перейти къ другому помѣщику съ переводомъ стараго долга на новаго владѣльца или бѣгствомъ насильно разорвать сложившіяся крѣпостныя отношенія. Цѣлый рядъ данныхъ указываетъ на запустѣніе центральныхъ мѣстностей, городскихъ и сельскихъ. Съ другой стороны, незамѣтно увеличивается населеніе въ области Дона, средней и нижней Волги, куда влекли населеніе тучный черноземъ и жажда свободы. Иногда крестьяне и не уходили такъ далеко, а переходили на земли крупныхъ вотчинниковъ, большею частью имѣвшихъ возможность предложить крестьянамъ льготы въ платежѣ государственныхъ и частныхъ повинностей, что на нѣкоторое время дѣлало существованіе крестьянъ болѣе легкимъ. Такая перемѣна отношеній была мало выгодна крестьянину, такъ какъ старый долгъ переводился на новаго помѣщика и старая кабала замѣнялась новой, хотя онъ и пользовался первоначально льготой по платежу повинностей.

Зато такой вывозъ былъ очень выгоденъ

крупному землевладѣльцу, такъ какъ обиліе рабочихъ рукъ являлось гарантіей его имущественнаго обезпеченія, а, слѣдовательно, и исправнаго отбыванія воинской повинности. Но отъ этого вывоза крестьянъ особенно страдали интересы среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ какъ, оставаясь безъ рабочихъ рукъ, они были не въ силахъ эксплоатировать землю и на доходы съ нея являться на войну. Не менѣе страдали черные тяглые міры. Связанные круговой порукой, они, лишившись нѣкотораго числа плательщиковъ, должны были платить за ушедшихъ. Правительство долгое время не принимало никакихъ мѣръ ни противъ бѣгства, ни противъ вывоза, но страшное запустѣніе служилыхъ земель, съ которыхъ не было ни службы, ни платежей, лишило его необходимыхъ податныхъ и военныхъ рессурсовъ и заставило принять мѣры противъ вывоза крестьянъ и къ ослабленію кризиса сельскаго хозяйства, связаннаго съ отливомъ рабочихъ рукъ.

Отдѣльныя мѣры противъ перехода крестьянъ правительство принимало и раньше. Еще въ удѣльное время въ княжескихъ договорахъ довольно часто встрѣчаются выраженія: «промежи себя не принимати въ свои удѣлы писменныхъ, численныхъ и тяглыхъ людей»,—этимъ сокращалась свобода перехода изъ одного удѣла въ другой. Помимо этого, и въ предѣлахъ самого княжества запрещалось землевладѣльцамъ принимать старожильцевъ. Иногда въ видѣ исключительныхъ льготъ князья жаловали землевладѣльцамъ право не выпускать изъ-за себя крестьянъ. Такія грамоты были получены при Василіи Темномъ Троице-Сергіевскимъ монастыремъ по отношенію къ его вотчинамъ въ двухъ

уѣздахъ: Бѣжецкомъ и Углицкомъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти отдѣльныя распоряженія, крестьянская масса по закону пользовалась правомъ свободнаго перехода. Законодательство судебниковъ 1497 и 1550 годовъ о Юрьевомъ днѣ только вводило нѣкоторый порядокъ въ крестьянскіе выходы, хотя и обставило ихъ такими условіями, что они должны были или значительно сократиться или совсѣмъ прекратиться. При выходѣ крестьянинъ былъ обязанъ уплачивать рядъ пошлинъ: «пожилое», за пользованіе дворомъ. Только крестьянамъ, продавшимся въ холопство, разрѣшался выходъ безъ всякаго срока и платежа «пожилого», но если лицо, продававшееся въ холопы, желало воспользоваться посѣяннымъ хлѣбомъ, то оно должно было заплатить соотвѣтствующія подати, въ противномъ случаѣ оно лишалось всего урожая. Эти условія выхода, въ общемъ, были очень стѣснительны. Законъ предписывалъ собирать «пожилое» съ воротъ помѣщика,—и вотъ устраивали въ одномъ дворѣ нѣсколько воротъ и съ помощью такого мало законнаго пріема увеличивали размѣры «пожилого». Кромѣ того, выходящій крестьянинъ долженъ былъ заплатить всѣ свои долговыя обязательства, что фактически дѣлало выходъ невозможнымъ. На почвѣ незаконнаго выхода и своза крестьянъ возникали иски о незаконномъ держаніи бѣглыхъ. Правительство было прямо таки завалено ими. Чтобы какъ-нибудь ихъ урегулировать, правительство царя Ѳедора опубликовало 24 ноября 1597 года указъ, который и явился началомъ цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ въ интересахъ служилой массы противъ перехода крестьянъ. Согласно смыслу указа 1597 года—«если крестьяне вы-

бѣжали изъ помѣстья и вотчинъ бояръ, дворянъ, приказныхъ людей, дѣтей боярскихъ, а также изъ владычныхъ, патріаршихъ, митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинъ за 5 лѣтъ до нынѣшняго указа, и если въ это время владѣльцы помѣстій и вотчинъ чинили по судамъ иски о бѣглыхъ крестьянахъ», то «давати судъ и сыскивати накрѣпко всякими сыски и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ». Если крестьяне выбѣжали раньше 1592 года «лѣтъ за шесть и за семь и за десять и больше, и владѣльцы помѣстій и вотчинъ не вчинили о нихъ иска, то такихъ крестьянъ не вывозить и ихъ челобитьямъ хода не давать». Такъ устанавливалась пятилѣтняя давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Не внося ничего новаго въ юридическое положеніе крестьянина, указъ 1597 года, гарантируя свободу давнишнимъ бѣглецамъ и регулируя судопроизводство о бѣглыхъ, давалъ возможность владѣльцу судомъ искать своего крестьянина. Впрочемъ, большого практическаго значенія указъ не имѣлъ. Бѣгство крестьянъ на окраины и земли крупныхъ землевладѣльцевъ продолжалось попрежнему. Параллельно этому усиливался и свозъ крестьянъ, столь губительный для средняго и мелкаго землевладѣнія. Полное распаденіе служилаго землевладѣнія заставило принять коекакія мѣры противъ дальнѣйшаго увеличенія вывоза крестьянъ. Указами 1601 и 1602 годовъ запрещался свозъ крестьянъ крупнымъ вотчинникамъ и служилымъ людямъ высшихъ чиновъ временно, а замлевладѣльцамъ Московскаго уѣзда совершенно. Въ другихъ уѣздахъ свозъ разрѣшался, но не болѣе, какъ двухъ крестьянъ

за одинъ разъ. Помимо этого, въ интересахъ средняго и мелкаго землевладѣнія были уничтожены «тарханы», выданные раньше крупнымъ землевладѣльцамъ. Такъ началась систематизація мѣръ по укрѣпленію за землевладѣльцами крестьянскаго населенія.

6. Казачество.

Народная колонизація южной и юго-восточной окраинъ Московскаго государства шла рука объ руку съ правительственной дѣятельностью по оборонѣ границъ. Сюда бѣжали всѣ, кто былъ недоволенъ общественными отношеніями въ странѣ, но больше всего здѣсь было крестьянскаго населенія и холоповъ. Имъ приходилось пополнять кадры мѣстнаго населенія, казачества, издавна тамъ жившаго и занимавшагося отчасти земледѣліемъ, отчасти охотой, отчасти рыболовствомъ. По составу казачество было далеко не однороднымъ и дѣлилось на два разряда: верхнее и низовое казачество. Первый разрядъ образовался изъ бѣглецовъ, болѣе ранняго періода, уже обжившихся на мѣстахъ и занимавшихся земледѣліемъ. По большей части это были мирные люди. Назывались они городовыми казаками, но не признавали надъ собой власти Московскаго государя, — не желая нести ни тягла, ни принудительной военной службы и крѣпко держались за свою свободу. Низовое казачество, это — бѣглецы позднѣйшаго времени. Не имѣя никакихъ средствъ для существованія, они занимались грабежомъ купеческихъ карavановъ, дѣлали набѣги на сосѣдей и брали съ нихъ выкупъ. Бѣгство населенія изъ центра на окраины вызвало переполненіе тамъ, гдѣ осѣло

казачество. Даже семейное казачество оставляло свой домъ и мѣняло образъ жизни. Одна часть его сливалась съ «гулящими людьми», другая часть поступала на службу въ украинные города и превращалась въ низшіе служилые элементы, готовые каждую минуту подняться противъ того правительства, которому служили. Здѣсь среди казачества царила живая ненависть противъ того государственнаго порядка, который, по словамъ профессора Платонова, лишалъ крестьянство земли и предпочиталъ выгоды служилаго человѣка, жившаго чужимъ трудомъ, интересамъ тяглаго человѣка. Такимъ образомъ въ концѣ XVI вѣка вся южная Украйна,—бассейнъ Дона и нижней Волги,—была заселена людьми озлобленными, недовольными и готовыми ежеминутно подняться противъ того, кто ихъ тѣснилъ, и помочь тому, кто сулилъ имъ свободу, которая такъ къ себѣ влекла.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVI вѣка княжеская аристократія была раздавлена, какъ политическая корпорація, какъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Однако, разоренная и униженная, она не сочла себя побѣжденной, затаила недовольство противъ новаго государственнаго строя и выработала опредѣленный взглядъ на свои будущія отношенія къ верховной власти, который она постарается провести въ жизнь во время Смуты. Экономическій кризисъ, охватившій страну въ серединѣ XVI вѣка не мало содѣйствовалъ ея крушенію. И служилая масса, постоянно отвлекаемая войнами, была лишена возможности заниматься хозяйствомъ и въ тоже время тратила на военныя нужды свои послѣднія средства, такъ какъ благодаря

возу и бѣгству крестьянъ земли «лежали впустѣ» и были невоздѣланы. Конкуренція съ крупными землевладѣльцами,—духовными и свѣтскими,—была фактически невозможна. Къ антагонизму на почвѣ экономической присоединяется недовольство служилой массы своимъ политическимъ положеніемъ. Все это опредѣлило ея физіономію во время Смуты. Крестьянская масса попала въ тяжелую крѣпостную неволю и лишилась права «перехода», благодаря росту задолженности; съ переходомъ же черныхъ земель въ частныя руки она лишилась также самоуправленія и была готова каждую минуту начать борьбу за утраченную свободу. Посадская масса тоже была недовольна своимъ положеніемъ: вытѣсняемая служилыми людьми, она оставляла свои насиженныя мѣста, уходила на сторону и всячески старалась избавиться отъ невыносимаго податного ярма. Наконецъ, казачество, впитывая въ себя всѣ недовольные элементы, являлось главнымъ центромъ, гдѣ жила и укрѣплялась ненависть къ тому государственному строю, который свободнаго человѣка дѣлалъ постепенно крѣпостнымъ. Итакъ, между высшей и низшей служилой массой существовалъ антагонизмъ на почвѣ политической и экономической, но, съ другой стороны, ихъ объединяли хозяйственные интересы и боязнь активнаго выступленія низшихъ классовъ. Послѣднее обстоятельство и заставитъ ихъ забыть на время о своемъ антагонизмѣ и, сдѣлавъ существенныя измѣненія въ своихъ политическихъ программахъ, заключить между собой политическій союзъ и дружно выступить на борьбу съ противниками крѣпостничества и частной земельной собственности.

II.

Партійная борьба.

1. Время Θедора.

Медленно угасалъ Грозный. Всѣхъ тревожилъ больной и тяжелый вопросъ, кто возсядетъ на царскомъ престолѣ. Никто вѣдь не сомнѣвался въ томъ, что преемникъ царя, его сынъ Θедоръ, не засидится на царскомъ престолѣ, и тогда откроется міровое поле борьбы за власть и царскій престолъ. Никто не принималъ во вниманіе, что у Θедора былъ наслѣдникъ, братъ Димитрій. Его какъ бы считали устраненнымъ отъ престола. Не даромъ Флетчеръ то и дѣло сообщаетъ циркулировавшіе слухи объ убійствѣ царевича. Очевидно, устраненіе его было рѣшено тѣми, кому онъ стоялъ на дорогѣ къ трону. Партійная борьба началась еще при жизни Θедора. Молодой государь, «избывая мірской суеты и докуки», «о мірская же ни о чемъ попеченіе имѣя, токмо о душевномъ спасеніи», больше походилъ въ своей жизни на святого, чѣмъ на государя большой страны. Не имѣя ни способностей, ни наклонностей къ управленію, царь Θедоръ долженъ былъ передать власть въ руки того, кто сумѣетъ ее захватить и удержать въ своихъ рукахъ. На почвѣ этого и началась борьба за власть, за временщинство, потребовавшая со стороны заинтересованныхъ лицъ много ловко-

сти, коварства и полнаго моральнаго безстыдства. Пока соотношеніе силъ въ правительственныхъ кругахъ не опредѣлилось, все правленіе государствомъ находилось въ рукахъ особаго придворнаго кружка. Онъ не отличался ни многолюдствомъ, ни однородностью своего состава. Рядомъ съ представителями первостепенной знати Шуйскими, Н. Р. Юрьевымъ, дядей государя, засѣдалъ въ немъ Борисъ Годуновъ, благодаря не столько знатности, сколько сродству съ царемъ, женатомъ на его сестрѣ Иринѣ, а также Богданъ Бѣльскій, Нагіе,—все лица, принадлежавшія къ второстепенной знати, выдвинувшіяся исключительно въ эпоху опричнины. Такимъ образомъ правительственный кружокъ образовался изъ царской родни и довѣренныхъ слугъ Ивана Грознаго. Но члены правительственнаго кружка не долго жили въ ладу. Между ними начались пренія, и скоро они перессорились. Нагіе съ царевичемъ Димитріемъ были отправлены въ Угличъ. Кое-кто изъ Нагихъ отправился на воеводство въ низовые города. Бояринъ Бѣльскій былъ высланъ изъ Москвы, и причины его высылки въ точности не извѣстны. Тогда правительственный кружокъ принялъ нѣсколько иную физіономію, его составъ сталъ болѣе аристократиченъ. Главное мѣсто заняли кн. Мстиславскій, Н. Р. Юрьевъ, кн. Шуйскіе и Б. Ф. Годуновъ. Фактическимъ главою кружка являлся Н. Р. Юрьевъ. Но и тутъ не было единенія, и какъ только въ апрѣлѣ 1585 года умеръ Н. Р. Юрьевъ, сейчасъ же началась открытая вражда. Царскій шуринъ Борисъ Годуновъ не желалъ подчиняться желаніямъ родовитыхъ бояръ, вступилъ съ ними въ борьбу и вышелъ изъ нея несомнѣннымъ побѣдителемъ. Сначала удалось отдѣлаться отъ кн.

Мстиславскаго, которому боярскую шапку пришлось перемѣнить на монашескій клобукъ. Съ нимъ пострадали Воротынскіе и Головины. Но сдались только Шуйскіе—князь Иванъ Петровичъ, Андрей и Василій. Ихъ трудно было побѣдить: за нихъ стоялъ весь московскій посадъ, имѣвшій съ Шуйскими постоянныя торговыя сношенія. Случай помогъ Годунову. По Москвѣ распространился слухъ, что Борисъ имѣетъ «злую мысль на государевыхъ пріятелей и доброхотовъ: на князя И. П. Шуйскаго и на его родичевъ». Взволновалось тогда «сбывшееся всенароднаго собранія московскихъ людей и хотѣли» «его окаяннаго побити камнями». Сочувствіе московскаго посада Шуйскимъ на время задержало ударъ, занесенный надъ Шуйскими. Борисъ пошелъ на міровую и предложилъ Шуйскимъ союзъ и дружбу: «съ нимъ имѣть любовь сердечную и утвердитися вѣрою, что ни кому ни на кого злохитренныхъ совѣтовъ не совѣтовати и не думати». Шуйскіе повѣрили и успокоили народную толпу, объявивши, что «на Бориса гнѣва нѣтъ». Добрыя отношенія Годунова и Шуйскихъ продолжались не долго. Борисъ Годуновъ сталъ производить розыскъ по поводу неудавшагося уличнаго движенія. Кончился онъ довольно печально. Шуйскіе были признаны виновными; князь Иванъ былъ заточенъ «на Бѣлоозеро», гдѣ скоро умеръ. Родственники были разосланы по разнымъ городамъ. Имущество было конфисковано въ пользу казны. Не мало попало въ ссылку и другихъ представителей разныхъ фамилій расположенныхъ къ Шуйскимъ. Это былъ полный разгромъ всего «гнѣзда» Шуйскихъ. Еще менѣе церемонились со стоявшими на сторонѣ Шуйскихъ посадами. Простыхъ людей «мужиковъ во-

ровъ» пытали, а потомъ казнили на площади. Пострадали и нѣкоторыя высшія духовныя лица. Ставъ на сторону аристократіи, они раздѣлили ея судьбу и тоже отправились за ней въ ссылку.

Трудно сказать, насколько дѣйствительно серьезно было движеніе, направленное противъ Годунова и столь печально отразившееся на княжеской аристократіи. Несомнѣнно одно: боярская партія хотѣла лишить Бориса Годунова власти и съ этой цѣлью солидарно съ высшими чинами духовенства предложила Өедору развестись съ женой, сестрой Годунова, подъ предлогомъ безплодія. Политическій разводъ не удался, и Годуновъ очутился во главѣ государства, ставъ фактически правителемъ государства. Его положеніе было совершенно исключительное. Онъ пользовался правомъ личнаго участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ государства и носилъ особый титулъ «дворового воеводы», намѣстника Казанскаго и Астраханскаго и «правителя». Обладая большими матеріальными средствами, распоряжаясь самостоятельно дѣлами государства, Годуновъ, этотъ незнатный потомокъ выходца изъ Золотой Орды, постепенно овладѣлъ властью въ государствѣ и укрѣпилъ свое доминирующее положеніе среди правительства. Соперники его были сбиты со своихъ позицій и затаили до поры до времени свой протестъ и недовольство. Партійная борьба при Өедорѣ,— только прелюдія къ дальнѣйшей борьбѣ за политическое вліяніе аристократіи и выслужившихся неродовитыхъ людей. Годуновъ произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ. Многіе изъ нихъ, являясь сторонниками «великихъ родовъ», не стѣснялись въ приписываніи

ему отрицательныхъ свойствъ и качествъ, но и они должны были признать исключительныя его способности и таланты: въ глазахъ лицъ враждебныхъ Годунову — «онъ «и человѣченъ, и велерѣченъ, и умомъ превзыде многихъ» и въ тоже время «врагъ на немъ свою злобу положилъ, лукавство и сластолюбіе». Если бы не «сластолюбіе и не высокоуміе, и не гордость, и не желаніе царскаго престола», то Годуновъ былъ бы подобенъ «Авису Перскому, что за государя своего за Дарія, царя Перскаго, восхотѣлъ умерети при Александрѣ, царѣ Македонскомъ». Нерасположенный къ Годунову, но болѣе объективный дьякъ Иванъ Тимофеевъ восторгается Годуновымъ. Изъ-подъ его пера вышли слѣдующія краснорѣчивыя строки: «аще быша по семъ намъ инии цари разуму къ сего стѣнь суть оныхъ разуму, якоже познано во всѣхъ». Прекрасную характеристику Годунова далъ и князь Катыревъ-Ростовскій. По его словамъ, Борисъ «мужъ зѣло чуденъ и сладкорѣчивъ велми, благовѣренъ и нищелюбивъ и строителенъ велми, о державѣ своей многое попеченіе имѣя и многое дивно о себѣ творяще». Такія противорѣчивыя характеристики понятны. Смутное время породило большую партійную литературу аристократическаго оттѣнка. Возвышая и возвеличивая достоинства и личность Василія Шуйскаго, памфлетисты напрягали всѣ свои силы, изощряли свои таланты въ отрицательной характеристикѣ Годунова. Убійство въ Угличѣ Димитрія давало прекрасныя данныя для характеристики его отрицательныхъ качествъ. Съ точки зрѣнія противниковъ Годунова—Борисъ—виновникъ убійства. Онъ отдалъ прика-

заніе «тое царскую, младо растущую и краснорасцвѣтаемую вѣтвь отторгнути, благовѣрнаго царевича Димитрія, яко несозрѣлаго класа, пожати, младенца незлобива суща предати и, яко агнца, заколоти».

Ставъ правителемъ страны, Годуновъ повелъ дѣло государственнаго строительства умно и тонко, стараясь найти опору своей власти въ соціальныхъ кругахъ, враждебныхъ боярству. А положеніе его, какъ регента, было очень трудное и отвѣтственное. Страна переживала тяжелый сельско-хозяйственный кризисъ. Въ центрѣ шла упорная борьба за рабочія руки между мелкими и крупными землевладѣльцами, служилый классъ приходилъ въ упадокъ, падало и помѣстное землевладѣніе. Въ странѣ бродили шайки гулящихъ людей. И внѣшнее положеніе Россіи послѣ неудачной ливонской войны тоже было не изъ блестящихъ. Прекрасно понимая, что при такомъ состояніи государства нельзя думать о завоеваніяхъ, Борисъ и не думалъ о нихъ, а стремился къ упроченію добро-сосѣдскихъ отношеній съ державами, что ему и удалось. Однако Борису удалось вернуть нѣкоторые изъ русскихъ городовъ, лежавшихъ по берегу Финскаго залива, тѣмъ самымъ возстановить балтійскую торговлю и пріобрѣсти поддержку торговаго класса. И, конечно, этому было причиной не то, что Борисъ «въ браняхъ же неискусенъ бысть»; а то, что все вниманіе правителя было сосредоточено на поддержкѣ военно-служилаго класса путемъ раздачи земель и большого жалованья и борьбѣ съ тяжелымъ экономическимъ состояніемъ страны.

Мирная политика Годунова-правителя и заботы его о поддержаніи военно-служилаго элемен-

та внесли нѣкоторое успокоеніе въ жизнь страны, еще помнившей обо всѣхъ ужасахъ опричнины Грознаго. Страна какъ будто стала возрождаться. Появились даже кое-какіе признаки ослабленія экономическаго кризиса, охватившаго центральную полосу государства въ XVI вѣкѣ. Улучшеніе экономическаго положенія и внутренняго состоянія не укрылось отъ вниманія голландца, Исаака Массы, давшаго слѣдующую характеристику состоянія страны. «Состояніе Московскаго государства улучшилось, и народонаселеніе увеличилось. Московія, совершенно опустошенная и разоренная вслѣдствіе страшной тираніи покойнаго великаго князя Ивана и его чиновниковъ, теперь, благодаря преимущественно добротѣ и кротости князя Ѳедора, а также благодаря необыкновеннымъ способностямъ Годунова, снова начала оправляться и богатѣть». Наступившее успокоеніе отмѣтилъ и русскій лѣтописецъ, констатировавшій, что за это время «все православное христіанство начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо безмятежно жити». «Умилосердися,—пишетъ лѣтописецъ,—Богъ Господь на люди своя и возвеличи царя и люди и повели ему державствовать тихо и безмятежно и дарова всякое изобиліе и немятежное на земли русской пребываніе». Такой слишкомъ оптимистическій взглядъ, несомнѣнно, далекъ отъ реальной дѣйствительности, но извѣстная доля правды, конечно, заключалась въ этомъ панегирикѣ царствованія Ѳедора.

2. Время Бориса.

Въ 1598 году царь Ѳедоръ заболѣлъ. Болѣзнь его была смертельна; слабый организмъ царя не выдержалъ, и царь умеръ. Наслѣдниковъ не бы-

ю, династія Калиты прекратилась. Теперь открывалось широкое поле для борьбы за власть и московскій тронъ. Надежды на будущее вызвали къ жизни боярскую оппозицію. Не дремалъ, конечно, и Годуновъ, хотя и чувствовалъ, что потомокъ татарскаго выходца имѣетъ далеко не одинаковые шансы на престолъ сравнительно съ настоящими потомками княжескаго рода,. пожалуй даже болѣе родовитыми, чѣмъ представители угасшей династіи. Зато на сторонѣ Бориса было фактическое обладаніе властью, сочувствіе военно-служилаго и торговаго классовъ, что, конечно, въ борьбѣ за власть имѣло огромное значеніе. Умирающій царь не назначилъ себѣ наслѣдника престола. Свое государство Ѳеодоръ предоставилъ Божьей волѣ: «какъ Ему угодно, такъ и будетъ». Образовавшаяся при дворѣ Годуновская партія во главѣ съ патріархомъ присягнула Иринѣ, прося ее быть царицей, впрочемъ хорошо зная, что этого не могло случиться, и тогда путь къ власти Борису будетъ свободенъ. Ирина отказалась «учинитися государыней во всѣхъ государствахъ Московскаго царствія» и уѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ, по обычаю, и постриглась въ монахини. Положеніе Годунова было очень щекотливымъ. Никто не могъ опредѣлить, какое политическое положеніе онъ долженъ занять, разъ Ирина отказалась отъ престола. Борисъ проявилъ большой тактъ, сложивъ съ себя управленіе государствомъ и поселившись въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Тогда образовалось временное правительство во главѣ съ патріархомъ и Боярской Думой, въ составѣ которой были и друзья и враги Годунова. Тѣмъ не менѣе престолъ былъ предложенъ Годунову, и это было

вполнѣ естественнымъ, такъ какъ равныхъ лицъ съ Борисомъ въ государствѣ не было. Борисъ отказался, одновременно высказавъ мысль, что избраніе государя—дѣло Земскаго собора. Въ отказѣ Бориса нерасположенные къ нему историки видѣли сплошную комедію,—и только. На самомъ дѣлѣ бояре предлагали престолъ Годунову цѣной ограниченія власти въ ихъ пользу. Правда, это извѣстіе о предложеніи боярами престола Годунову встрѣчается только у Татищева, но оно вполнѣ правдоподобно, такъ какъ совпадаетъ съ политическимъ настроеніемъ тогдашняго боярства. Подавая боярамъ мысль о созваніи избирательнаго собора, Борисъ прямо шелъ къ престолу, убѣжденный, что Земскій соборъ никогда не выберетъ на престолъ представителя уходившей съ исторической сцены аристократіи, тогда какъ было много шансовъ въ пользу того, что Земскій соборъ изберетъ его на престолъ и притомъ «выбрать его безъ договора бояръ принудитъ». Временное правительство собрало Земскій соборъ, и оффиціально онъ былъ открытъ 17 февраля. Соборъ былъ очень многолюдный. Присутствовало до 500 человѣкъ, изъ нихъ 99 духовныхъ лицъ и 272 человѣка, принадлежавшихъ къ военно-служилому классу. Но спеціально выбраннаго элемента было очень мало—около 50 человѣкъ,—а остальные депутаты собора были набраны изъ числа служилыхъ московскихъ чиновъ, явившихся на соборъ представителями той мѣстности, откуда они были взяты для несенія военной службы, либо для исполненія разнаго рода финансовыхъ порученій правительства. Существовало раньше въ исторіографіи мнѣніе, что царское избраніе на земскомъ соборѣ было сплошной комедіей, и

что члены собора были искусственно подобраны временнымъ правительствомъ. Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго о «Составѣ представительства на земскихъ соборахъ» показало, что по своему составу соборъ 1598 года былъ совершенно однороденъ съ соборомъ 1566 года и что въ составѣ избирательнаго собора нельзя подмѣтить никакого слѣда «выборной агитаціи или какой либо подтасовки членовъ». Конечно, на соборѣ 1598 года Борисъ имѣлъ много сторонниковъ. Его поддержало духовенство во главѣ съ патріархомъ, его опорой были средніе и мелкіе военно-служилые люди, много терпѣвшіе отъ конкуренціи крупнаго землевладѣнія, перетягивавшаго на свою сторону рабочія руки, безъ которыхъ гибло помѣстное владѣніе служилаго люда. И представители посадовъ, «люди изъ городовъ» были готовы отдать свои голоса Борису Годунову, мирная политика котораго и возобновленіе торговыхъ сношеній съ иностранцами содѣйствовали торгово-промышленному оживленію страны, Но не всѣ члены собора были друзьями его; было не мало и враговъ, мечтавшихъ о царской діадемѣ. Впрочемъ, не всѣ были одинаково опасны. Только одинъ Ѳ. Н. Романовъ могъ конкурировать съ Годуновымъ. Въ его пользу говорило многое: и общественное расположеніе къ фамиліи Романовыхъ, сумѣвшихъ во время опричнины не потерять ни нравственнаго, ни человѣческаго облика, и слухи, что царскій престолъ былъ завѣщанъ Ѳедоромъ Ѳедору Романову. Вся боярская аристократія была готова отдать свои голоса Романову. Уже одно это обстоятельство побудило бы столичные и провинціальные служилые чины голосовать противъ боярскаго кандидата. Конечно, на соборѣ велась боярская аги-

тація въ пользу того или другого кандидата. Агитировали и сторонники Бориса. Не мало усердія, пожалуй, даже чрезмѣрнаго, проявилъ просвѣтитель русской церкви—патріархъ Іовъ, считавшій кандидатуру Годунова наиболѣе желательной и пріемлемой для церкви. Предлагая Земскому собору рѣшить, «кому на великомъ преславномъ престолѣ государемъ быть», патріархъ закончилъ свою вступительную рѣчь слѣдующими словами: «а у меня, Іова, патріарха, у митрополитовъ, игуменовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и у всего освященнаго вселенскаго собора, у бояръ, у дворянъ, приказныхъ и служилыхъ, у всякихъ людей, у гостей и всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ помимо государя Бориса Ѳедоровича иного государя никого не искать и не хотѣть». Рѣчь Іова въ общемъ превосходно выразила настроеніе большинства, и не удивительно, что соперники его отошли на задній планъ, а соборъ единодушно постановилъ «неотложно бить челомъ государю Борису Ѳедоровичу и кромѣ его на государствѣ никого не искать». Конечно, это единодушіе было относительное. Соперники Бориса просто-напросто умолкли, видя безуспѣшность своей кандидатуры. Борисъ не сразу согласился на соборное избраніе. Его колебанія вполнѣ понятны: необходимо было убѣдиться, насколько дѣйствительно единодушіе избравшаго его большинства, прежде чѣмъ рѣшиться на весьма отвѣтственный шагъ—возложить на свою незнатную голову тяжелую царскую діадему. Наконецъ, согласіе было дано, и Годуновъ сталъ царемъ всея Руси. Надежды, возлагавшіяся на соборъ, оправдались: Борисъ сталъ царемъ

безъ всякой записи, былъ такимъ же самодержцемъ, какъ и его предшественники—Рюриковичи. Избраніе Бориса было, конечно, новымъ пораженіемъ боярской партіи. Ея недовольство выразилось въ тогдашнихъ политическихъ памфлетахъ, рѣзко высказавшихся за ограниченіе власти московскаго государя. Но дѣлать было нечего, и боярству пришлось волей-неволей помириться съ избраніемъ Бориса и не обнаруживать пока своей ненависти къ представителю власти. Но Борисъ не забылъ о боярскихъ притязаніяхъ и не простилъ имъ этого. Сначала отношенія между аристократіей и Годуновымъ были нормальны, но съ теченіемъ времени, какъ только было замѣчено среди боярства оппозиціонное настроеніе, проснулась въ сердцѣ Бориса старая ненависть къ боярству, и начались гоненія. Въ первую очередь испытала ихъ семья Романовыхъ. Кандидатуру на престолъ Ѳедору Никитичу пришлось «свѣтское житье» перемѣнить на иноческій санъ. Его братья были отправлены въ ссылку въ отдаленные города. Борисъ не останавливался ни передъ чѣмъ въ своей борьбѣ съ боярствомъ, и не разъ приходилось этимъ боярамъ вспоминать о худшихъ временахъ Грознаго. Опасаясь боярской интриги, Борисъ окружилъ себя цѣлою толпой шпіоновъ, доносами которыхъ часто опредѣлялась дальнѣйшая судьба бояръ. Борисъ былъ не брезгливъ и даже «отъ холоповъ» принималъ доносы на своихъ господъ. Не удивительно, что доносчиковъ было сколько угодно. Доносы не провѣрялись, а неугодныя лица отправлялись въ ссылку: система полицейскаго сыска, введенная Борисомъ, встрѣтила суровое осужденіе у современниковъ, вполнѣ объективно относившихся къ

его личности. По ихъ мнѣнію, Борисъ «помрачился умомъ» и «отложивши велемудрый свой и много разсудный разумъ и воспріемиша безуміе, спрѣчь, ненависть и проклятое мнѣніе», и только поэтому началъ преслѣдовать бояръ и вообще неугодныхъ ему лицъ. Каковы бы ни были мотивы гоненій на боярство,—боялся ли Борисъ стараго соперника Ѳедора Никитича, или дѣйствительно боярство собиралось «извести» царя и хотѣло достать царство «вѣдомствомъ и кореньемъ»,—это, въ сущности, безразлично. Другой политики Годуновъ и не могъ держаться, разъ боярство чувствовало себя политической силой и не прочь было вернуться къ власти. Разгромъ боярства былъ необходимъ, разъ его доминирующее положеніе мѣшало укрѣпленію самодержавія и политической позиціи помѣстнаго служилаго класса. Зато для политическаго самосознанія боярства эти гоненія не прошли даромъ. Они только укрѣпили давнишнюю мысль —о необходимости ограниченія власти государя совѣтомъ бояръ. Только сопоставляя двѣ противоположныя идеологіи правительства и военно-служилаго класса, съ одной стороны, и боярства—съ другой, можно понять сложившіяся отношенія Годунова и боярства.

Зато правительственная программа находила весьма сочувственный откликъ въ широкихъ слояхъ служилой массы, для которой союзъ съ самодержавіемъ открывалъ самыя радужныя перспективы. Подъ мирнымъ правленіемъ Бориса служилая масса отдохнула отъ безконечныхъ войнъ, совершенно разорявшихъ помѣщика; стало налаживаться и помѣщичье хозяйство. Только конкуренція крупнаго землевладѣнія, перетягивавшаго на свою сторону рабочія руки, сильно

задерживала возрожденіе помѣщичьяго хозяйства. Но Борисъ пришелъ на помощь своимъ союзникамъ. Указами 1601—1602 гг. свозъ крестьянъ разрѣшался только мелкимъ землевладѣльцамъ, да и то не больше двухъ крестьянъ сразу. Этимъ были поддержаны интересы мелкаго и средняго землевладѣнія, но это еще болѣе подчеркивало матеріальную и юридическую зависимость класса земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ. Въ тоже время предпринятая Борисомъ провѣрка правъ землевладѣнія повлекла за собой конфискацію многихъ монастырскихъ земель, которыя и были отданы служилому люду, чѣмъ отчасти была удовлетворена его нужда въ земельномъ капиталѣ. Возвышая «худородныхъ людей» и удаляя отъ себя «великородныхъ», Борисъ только укрѣплялъ положеніе широкихъ слоевъ служилой массы. Укрѣпляя южныя границы государства, правительство запретило держать холоповъ на службѣ болѣе половины ихъ числа безъ грамотъ. Но эта мѣра повела къ массѣ злоупотребленій. Хозяева стали записывать своихъ слугъ въ холопы, вопреки ихъ волѣ. Множество свободныхъ людей стали холопами, не забывшими однако о своей старой свободѣ и постоянно мечтавшими о томъ, чтобы сбросить съ себя ненавистное соціальное ярмо. Конечно, при первой возможности они покинули своихъ господъ и приняли самое дѣятельное участіе въ событіяхъ того времени.

Первые годы царствованія Бориса прошли спокойно. Съ сосѣдями установились самыя хорошія отношенія,—гоненія на бояръ въ счетъ не шли. Но такъ продолжалось недолго. Дождливое лѣто 1601 года и ранній успенскій морозъ убили весь урожай. Наступилъ страшный голодъ, ка-

кого давно не было въ Москвѣ. Люди питались травами, сѣномъ, даже трупами людей и животныхъ. Борисъ не былъ равнодушенъ къ народному бѣдствію. Для облегченія матеріальнаго положенія голодавшаго народа имъ были предприняты общественныя постройки, практиковалась даровая раздача хлѣба, приняты были строгія мѣры противъ скупщиковъ хлѣба, благодаря чему купцы и московскій посадъ не могли наживаться на счетъ народнаго бѣдствія и были раздражены политикой Годунова. Но во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ не было никакого плана; правительственныя мѣры не достигали своей цѣли и нисколько не успокоили раздраженное населеніе, гибнувшее отъ моровой язвы—обычнаго спутника голода. Господа, не имѣя хлѣба на пропитаніе своихъ холоповъ, выгоняли ихъ со двора. Соединившись съ толпами голодныхъ людей, они образовали разбойничьи шайки и жестоко грабили населеніе, наводя на него паническій ужасъ. Всѣ эти бѣдствія измѣнили отношеніе общественнаго мнѣнія къ Борису. Народныя бѣдствія объяснялись гнѣвомъ Божіимъ за прегрѣшенія Бориса и пролитіе крови «невиннаго младенца». Такая перемѣна въ отношеніи къ царю была на руку боярству. Окруженное явными и тайными шпіонами, сбитое съ занятой политической позиціи неродовитыми людьми, боярство настоятельно чувствовало необходимость поскорѣе отдѣлаться отъ непріятнаго царя. Обозленная знать, нѣсколько притихшая и приниженная, собравшись съ силами, снова выступаетъ на арену политической борьбы. Ей удалось использовать народное настроеніе, возникшее подъ впечатлѣніемъ бѣдствій 1601—1602 годовъ, и подорвать вліяніе Годунова.

3. Появленіе Самозванца.

Бориса избралъ «Земскій соборъ», учрежденіе достаточно авторитетное въ глазахъ всей Земли, и потому не признавать его царемъ было бы довольно рискованнымъ для боярства. Но вѣдь Борисъ только потому возсѣлъ на престолъ, что девятилѣтній царевичъ Димитрій былъ убитъ. Стоило только его воскресить, и паденіе Бориса было бы неминуемо, и вся страна немедленно заволновалась бы. Разсчеты боярства впослѣдствіи оправдались. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысль о Самозванцѣ зародилась въ средѣ первостепенной знати, надѣявшейся съ его помощью свергнуть Бориса съ престола и укрѣпить свою собственную политическую позицію. Мы не будемъ касаться трудно разрѣшимаго вопроса о личности перваго Самозванца. Историческая наука не пришла еще ни къ какому опредѣленному выводу. Одно несомнѣнно: Димитрій былъ подставнымъ лицомъ, и его съ дѣтства готовили къ роли царевича. Когда въ Польшѣ разнесся слухъ о появленіи «чудесно спасеннаго царевича», польское правительство въ лицѣ Сигизмунда III отнеслось къ нему съ особеннымъ вниманіемъ, надѣясь съ его помощью возвратить Польшѣ Смоленскъ, это яблоко стараго раздора между Москвой и Литвой, и распространить католицизмъ въ Москвѣ. Поддерживали названнаго Димитрія и разорившіеся аристократы въ надеждѣ поживиться за счетъ московскаго государства. Эти неофиціальные совѣтники закулисными интригами сумѣли подчинить своему вліянію Сигизмунда, тогда какъ офиціальные руководители польской политики— Янъ Замойскій, великій канцлеръ польскій, и

Левъ Сапѣга, канцлеръ Литовскій—были противъ затѣваемой авантюры и не стѣснялись критиковать позицію, занятую Сигизмундомъ III, называя его «подстрекателемъ и пособникомъ Димитрія». Послѣдній хорошо понялъ соотношеніе силъ въ польскомъ обществѣ и сумѣлъ извлечь изъ этого для себя не малую пользу. Принявъ католицизмъ и давая направо и налѣво какія угодно обѣщанія, Димитрій пріобрѣлъ сочувствіе у панства и широкихъ слоевъ общества. Правда, польское правительство, по настоянію сейма, отказало ему въ офиціальной поддержкѣ, но зато разрѣшило набирать необходимое количество ратныхъ людей, что являлось открытымъ заявленіемъ объ участіи польскаго правительства въ предполагаемой авантюрѣ. Собравъ около себя довольно значительную вооруженную банду авантюристовъ и искателей приключеній, названный Димитрій вступилъ въ предѣлы московскаго государства, имѣя полное основаніе надѣяться на помощь со стороны пограничнаго населенія. Вся же пограничная территорія была полна людьми, бѣжавшими отъ крѣпостного ярма и соціальной неправды и готовыми каждую минуту стать противъ правительства, которое своей колонизаціонной политикой сокращало территорію «дикаго поля» и стѣсняло бѣгство на границу. Да и служилый классъ здѣсь не отличался устойчивостью своего міровоззрѣнія. Набранный изъ числа мѣстныхъ поселенцевъ, онъ не проявлялъ большой привязанности ни къ своему служебному положенію, ни къ тому правительству, которому онъ служилъ. Обязанный служить и пашней добывать себѣ пропитаніе, онъ готовъ былъ забросить и пашню и служ-

бу и присоединиться къ тому, кто обѣщалъ ему безпечальное житье.

Слухи о появленіи Димитрія стали распространяться среди населенія сѣверской Украины еще во время голода. Ихъ не могъ остановить даже урожай 1604 года. Поэтому, когда названный Димитрій осенью 1604 года направился къ сѣверской Украинѣ, то мѣстное населеніе—гарнизоны изъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, казацкія шайки и бѣглые холопы съ крестьянами—перешло на его сторону и составило главное ядро его войска. Для всей этой массы Димитрій былъ, конечно, спасеннымъ царевичемъ. Сначала дѣйствія Димитрія не были рѣшительны, и дѣла его складывались не совсѣмъ удачно. Подъ Новгородъ-Сѣверскомъ онъ даже потерпѣлъ пораженіе со стороны правительственныхъ войскъ, но растерявшееся и испугавшееся правительство не сумѣло воспользоваться результатами побѣды и проявило какую-то удивительную медленность и непониманіе въ веденіи дѣлъ. Терять же время было крайне опасно, такъ какъ въ войскахъ Бориса стало распространяться убѣжденіе, что они сражаются противъ настоящаго царя. Войска шли въ бой неохотно. Наконецъ, главное ядро его во главѣ съ Басмановымъ перешло на сторону Димитрія, постепенно завладѣвшаго всей сѣверской Украиной. Когда въ Москвѣ распространились первые слухи о Самозванцѣ, Годуновъ только бросилъ боярамъ упрекъ, что появленіе названнаго Димитрія—ихъ дѣло, и ограничился этимъ, не принимая пока никакихъ мѣръ. Однако слухи распространились. Народъ волновался. Необходимо было эти слухи остановить. Борисъ и начинаетъ дѣйствовать, бросается отъ одной мѣры къ другой, проявляетъ

несвойственную ему торопливость и нервность: то онъ называетъ названнаго Димитрія бѣглымъ монахомъ Григорьемъ Отрепьевымъ, и даетъ приказъ провозгласить это съ церковной каѳедры съ преданіемъ его «анаѳемѣ», то призываетъ къ себѣ инокиню Марѳу, тщетно пытаясь узнать, спасенъ ея сынъ или нѣтъ, то посылаетъ грамоту польскому королю съ требованіемъ схватить «вора и казнить его». Но всѣ эти распоряженія цѣлей не достигли. Легенда о появленіи царевича все болѣе и болѣе укрѣплялась и распространялась среди народа, начавшаго открыто говорить о необходимости Борису оставить свой престолъ. Тогда Борисъ рѣшается на крайнюю мѣру. Онъ поручаетъ своему старинному врагу, Василію Шуйскому убѣдить московскій людъ не вѣрить появившимся слухамъ. Казалось, что слово Василія Шуйскаго, производившаго слѣдствіе объ убійствѣ царевича, должно было убѣдительнымъ образомъ воздѣйствовалъ на народную психологію, но его слова не оказали никакого вліянія. Шуйскій съ Лобнаго мѣста доказывалъ, что царевича нѣтъ на свѣтѣ, что названный Димитрій—не болѣе, какъ разстрига, бѣглый монахъ, убѣждалъ народъ «твердо стоять на истинѣ», цѣлуя крестъ въ доказательство истины и правдивости своихъ словъ. Но и выступленіе Шуйскаго не достигло своей цѣли. Народъ не вѣрилъ ни правительству, ни Шуйскому, считалъ, что все это дѣлается «поневолѣ», изъ боязни Бориса Годунова. Правительство не знало, что предпринять. Въ Москвѣ открыто агитировали въ пользу Димитрія и широко распространялись его «прелестныя письма», призывающая къ измѣнѣ Годунову и переходу

въ сторону названнаго Димитрія. Неожиданная смерть Бориса въ апрѣлѣ 1605 года прекратила военныя дѣйствія и превратила военный походъ названнаго Димитрія въ тріумфальное шествіе къ Москвѣ. Ко времени его пріѣзда сынъ Годунова былъ убитъ, и соперниковъ у Димитрія, по крайней мѣрѣ первое время, не было. 20 іюня названный Димитрій былъ уже въ Москвѣ. Знатное боярство во главѣ съ Василіемъ Шуйскимъ устроило ему торжественную встрѣчу. Посѣщая съ боярами московскіе соборы, названный Димитрій въ Архангельскомъ соборѣ у гробницъ своихъ предковъ клятвенно свидѣтельствовалъ передъ народомъ о своемъ происхожденіи отъ Ивана Грознаго.

А старинный врагъ Годунова, Богданъ Бѣльскій, вернувшійся немедленно въ Москву, лишь только на далекой окраинѣ было получено извѣстіе о смерти Годунова, клятвенно убѣждалъ въ томъ же московскую толпу съ Лобнаго мѣста.

Вызовъ инокини Мароы въ Москву ко дню коронаціи и торжественная сцена свиданія, довольно искренно разыгранная обѣими сторонами, убѣдительнымъ образомъ должна была повліять на настроеніе и чувства народа.

Водвореніе названнаго Димитрія въ Москвѣ и то вниманіе, съ которымъ онъ относился къ боярамъ, все это отчасти давало боярству увѣренность въ томъ, что имъ удастся укрѣпить свое политическое положеніе и совмѣстно съ государемъ управлять страною. Однако боярству скоро пришлось разочароваться въ своемъ ставленникѣ. Согласіе между ними продолжалось не долго. Умный Димитрій прекрасно оріентировался въ окружающей средѣ, сумѣлъ разобраться въ сложившихся соціальныхъ отноше-

ніяхъ и прекрасно понялъ, что ему не усидѣть на московскомъ столѣ, если правительство будетъ состоять изъ боярства. Поэтому, возведенный на престолъ поддержкой народной массы и мелкаго служилаго люда, названный Димитрій довольно скоро охладѣлъ къ боярамъ и окружилъ себя мнимыми родственниками и неродовитыми людьми, которые оказали царевичу большую поддержку въ его борьбѣ за Московскій столъ. Въ этомъ отношеніи внутренняя политика новаго московскаго царя являлась продолженіемъ политики его предшественниковъ, политики разрушенія старой аристократіи и укрѣпленія политической позиціи среднихъ слоевъ военно-служилаго класса. Правда, московскій царь собиралъ Боярскую Думу, пытался совмѣстно съ боярами обсуждать всякаго рода государственные вопросы, но сплошь и рядомъ засѣданіе Думы превращалось въ сплошное издѣвательство надъ боярами. Обнаруживъ несомнѣнную живость ума и умѣніе разбираться въ сложныхъ государственныхъ вопросахъ, царь Димитрій не выносилъ тупости боярства и его заскорузлости. Насмѣшка надъ боярами стала обыкновеннымъ пріемомъ въ отношеніяхъ съ ними. Фактическое положеніе боярства отчетливо показало, что его торжество было нѣсколько преждевременнымъ, что надо было скорѣе исправить сдѣланную ошибку и посадить на престолъ такого государя, который дѣйствительно раздѣлилъ бы власть съ боярами. Когда замѣтили свою ошибку, они начали предпринимать нѣкоторые шаги для торжества своей политической доктрины. Усердный служитель боярства, выразитель его политическихъ притязаній, Ва-

силій Шуйскій сталъ съ помощью своихъ агентовъ, жителей московскаго посада, съ которыми издавна поддерживались Шуйскими отношенія, распространять слухи о томъ, что новый царь не царевичъ Димитрій, а «разстрига и душегубецъ нашъ».

Агитація Шуйскаго стала извѣстна царю, узнавшему объ этомъ черезъ своего секретаря, который имѣлъ въ своихъ рукахъ доносъ одного москвича. Однако новый царь не рѣшился вынести Шуйскому тотъ или другой приговоръ и созвалъ для суда надъ нимъ Земскій Соборъ, который, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, былъ первымъ соборомъ, приблизившимся къ типу народно-представительнаго собранія съ выборными отъ всѣхъ чиновъ и сословій. Шуйскій сразу покаялся въ своей винѣ, но патріархъ Игнатій, ставленникъ новаго царя, подалъ голосъ за смертную казнь. За патріархомъ пошли и остальные члены собора. Однако, въ тотъ моментъ, когда Василій уже стоялъ у плахи, готовый положить подъ топоръ палача свою голову, Димитрій его помиловалъ и отправилъ въ ссылку. Впрочемъ, и ссылка была непродолжительна. Василія Шуйскаго вернули домой въ Москву и возвратили ему его чины, положеніе и секвестрованное имущество.

Неудача перваго заговора заставила бояръ быть очень осторожными въ своихъ проискахъ, направленныхъ противъ царя. Совершилось вѣнчаніе на царство. Димитрій сталъ вполнѣ законнымъ царемъ и принялся за управленіе государствомъ, вызывая своими дѣйствіями сочувствіе у однихъ и протестъ у другихъ. Воспитанный въ Польшѣ, усвоившій пріемы и привычки западно-европейскаго общества, Ди-

митрій своимъ поведеніемъ рѣзко нарушалъ сложившіяся привычки и обычаи московскаго двора. Простой и доступный въ обращеніи, онъ любилъ посѣщать мастерскія, осматривать новыя пушки, разговаривать съ мастерами. Все это онъ дѣлалъ одинъ, и не было при этомъ никакого чопорнаго московскаго этикета. Въ свободное время онъ верхомъ на конѣ осматривалъ окрестности Москвы, и не считалъ необходимымъ спать послѣ обѣда, любилъ веселиться до утра, нарушая музыкой прежнюю тишину Московскаго Кремля. За все это на него начинали коситься. Въ душѣ русскаго консерватора, привыкшаго видѣть въ сохраненіи обычая основу государственнаго уклада, стало зарождаться сомнѣніе, подлинный ли это царь, сомнѣніе, вызванное боярской агитаціей, пускавшей въ душу народа все болѣе и болѣе глубокіе корни. А тутъ еще Димитрій задумалъ жениться на полькѣ, Маринѣ Мнишекъ, къ которой было послано посольство и пріѣзда которой молодой государь ожидалъ съ необычайнымъ волненіемъ.

Не будучи похожъ образомъ жизни на своихъ предшественниковъ, Димитрій и своимъ широкимъ политическимъ кругозоромъ рѣзко отличался отъ нихъ. Не въ сохраненіи «старины и обычая» видѣлъ Димитрій силу своего царства, а въ распространеніи въ немъ западно-европейской культуры, образованія, науки. Не собираясь выполнить обѣщаній, данныхъ папѣ и польскому королю, Димитрій подъ разными предлогами откладывалъ ихъ выполненіе, вызывая постоянными проволочками раздраженіе и недовольство польскаго правительства, которое въ отместку Димитрію не желало признавать за нимъ «царскаго титула». Раздражая своихъ

союзниковъ и сторонниковъ и пробуждая у нихъ недовѣріе къ себѣ, Димитрій въ то же время носился съ широкими замыслами во внѣшней политикѣ, выполнить которые онъ не могъ безъ поддержки папы и польскаго короля. Мысль Димитрія о коллективныхъ выступленіяхъ противъ турокъ и татаръ была очень хороша и вполнѣ отвѣчала государственнымъ интересамъ Польши и Москвы, но, несомнѣнно, она была очень утопичной, такъ какъ ни Польша, ни Москва не обладали достаточными военными и денежными рессурсами, да и внутреннее состояніе обоихъ государствъ было таково, что думать о далекихъ походахъ можно было только теоретически... Вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось позаботиться и о реальномъ законодательствѣ, удовлетворить желанія тѣхъ, кому новый царь обязанъ былъ престоломъ. Въ этомъ отношеніи положеніе Димитрія было прямо трагическимъ. Ему приходилось удовлетворять интересы такихъ общественныхъ группъ, которыя являлись врагами другъ другу и интересы которыхъ никакое соціальное законодательство не могло примирить. Поэтому его законодательство носитъ явные слѣды компромисса. Съ одной стороны, въ интересахъ военно-служилаго класса, указомъ 1-го февраля 1606 года подтверждается указъ 1597 года о давности сыска. Имъ предписывалось возвращеніе къ прежнимъ помѣщикамъ зажиточныхъ крестьянъ, бѣжавшихъ во время голода и нашедшихъ пріютъ у другихъ помѣщиковъ, а съ другой — всѣ бѣжавшіе во время голода, благодаря отсутствію у помѣщика средствъ, и нашедшіе себѣ пріютъ у другого помѣщика, оставались за послѣднимъ. Конечно, эти законы могли отчасти

удовлетворить военно-служилую массу, но не крестьянъ, а потому эти законоположенія только углубляли тотъ антагонизмъ, который всегда былъ между земледѣльцами и помѣщиками.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. Давно ожидаемая невѣста, Марина Мнишекъ, наконецъ, пріѣхала въ Москву. Торжественныя встрѣчи, богатые подарки, обиліе золота и драгоцѣнныхъ камней должны были поразить воображеніе честолюбивой польки. Стали готовиться къ совершенію вѣнчальнаго обряда, и тутъ опять возникли разногласія, начались споры: Марина была католичка, а вѣнчаться должна была по православному обряду. Да и возможно ли причащеніе по обычаю православной церкви, безъ предварительнаго крещенія. Рѣшеніе вопроса все болѣе запутывалось. Съ одной стороны папой Павломъ V не было дано разрѣшеніе на причащеніе Марины по православному обряду, съ другой стороны церковный Соборъ во главѣ съ патріархомъ Игнатіемъ хотя и нашелъ возможнымъ допустить Марину къ причащенію безъ перекрещиванія, но это допущеніе встрѣтило протестъ со стороны казанскаго епископа Гермогена, настаивавшаго на соблюденіи церковныхъ каноновъ. Церковное вѣнчаніе совершилось. Начались празднества по поводу бракосочетанія. Во дворцѣ всю ночь веселились. Всю ночь до утра гремѣла музыка. Поляки и іезуиты составляли обычную свиту царя. Въ народѣ стали коситься на царя, и слухи, распускаемые боярами о самозванствѣ воспринимались народной массой не только безъ вражды, но даже сочувственно. Да и духовенство, по внѣшности расположенное къ Димитрію, было очень недовольно его религіозной полити-

кой, его терпимостью, поборами съ монастырей, и хотѣло бы видѣть на престолѣ человѣка съ менѣе агрессивной политикой по отношенію церкви. Все это и привело къ тому, что второй заговоръ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. 17 мая 1606 года названнаго Димитрія не стало, изпровергъ свою «злосмрадную душу», какъ выразился одинъ изъ современниковъ. Престолъ оказался опять вакантнымъ. Убійствомъ Димитрія аристократія очистила себѣ путь.

4. Василій Шуйскій и побѣды боярства.

Два дня спустя послѣ убійства названнаго Димитрія изъ среды боярства былъ избранъ на престолъ Василій Шуйскій. Боярскій кружокъ еще раньше намѣтилъ его кандидатуру, а московскій посадъ поддержалъ ее своими криками, и незаконному избранію придалъ подобіе хотя бы нѣкоторой законности. Современники удивлялись воцаренію Шуйскаго. Многіе и «не вѣдали, какъ избрали Шуйскаго». Онъ даже былъ не избранъ, а «выкрикнутъ» сторонниками, какъ замѣтилъ авторъ одной повѣсти. Тутъ дѣйствовали «многіе други и совѣтницы», агитировавшіе въ простой массѣ. И не удивительно, что новый царь, не будучи «малыми нѣкими излюбленъ отъ царскихъ палатъ, и никѣмъ же отъ вельможъ не прерѣкованъ, ни отъ прочего народа умоленъ», внесъ смущеніе и раздѣленіе въ общество. По словамъ Авраамія Палицына, «устроися вся Россія въ двоемысліе: ова убо любяще его, ова же ненавидяще». Началось отпаденіе отъ Василія многихъ городовъ и областей. Новый царь ничѣмъ не могъ импонировать, ничѣмъ не могъ поразить и захватить

воображеніе современника. Его внѣшній обликъ былъ весьма не привлекателеленъ. По словамъ Катырева-Ростовскаго, «царь Василій возрастомъ малъ, образомъ же нелѣпымъ, очи подслѣпы имѣ». Правда, Василій былъ «книжному почитанію доволенъ и въ разсужденіи ума зѣло смысленъ; но скупъ велми и неподатливъ»; зато любилъ слухи и сплетни, которые «веселымъ лицемъ сихъ восприимая и въ сладость ихъ послушати желаше». Другіе современники отзывались еще рѣзче о его нравственныхъ качествахъ. Его открыто называли «блудникомъ», клятвопреступникомъ, и эти характерные отзывы были не далеки отъ истины. Встрѣчаются въ «повѣстяхъ о смутномъ времени» и отзывы панегирическаго характера, но тенденціозность ихъ настолько ясна, что о нихъ не приходится говорить. Напримѣръ, авторъ «Иного сказанія» считаетъ даже появленіе Василія на престолѣ «по челобитію всѣхъ людей московскаго царства», въ чемъ сомнѣвались даже весьма умѣренные современники.

Василію Шуйскому царскій тронъ достался только лишь потому, что онъ согласился выдать боярамъ ограничительную запись, которая юридически закрѣпляла за боярствомъ извѣстныя права. Впрочемъ, запись имѣла въ виду не одно только боярство. Нѣкоторыя изъ ея статей касаются и посадскаго населенія, всегда поддерживавшаго Шуйскихъ въ ихъ политической карьерѣ. Запись Шуйскаго заключала слѣдующія постановленія: 1) «всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ з бояры своими, смерти не придати, 2) вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи и ихъ женъ и у дѣтей не отымати. будутъ которые съ ними въ мысли

не были, также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя который по суду дойдетъ и до смертная вины и послѣ ихъ у жены и у дѣтей дворовъ и лавокъ, животовъ не отымати, будутъ съ ними въ той винѣ невинны, 3) да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство безвинно не гибло, а кто на кого солжетъ и сыскавъ того казнити, смотря по его винѣ». Эта запись была скрѣплена присягой. Данная Василіемъ «конституціонная хартія» нисколько не ограничивала сферы законодательной дѣятельности царя и ничего не говорила о способѣ собиранія налоговъ, но зато гарантировала личную и имущественную безопасность подданныхъ отъ произвола сверху и тѣмъ дѣлала невозможнымъ возвращеніе временъ Грознаго и Годунова, когда власть приговаривала къ наказанію безъ участія Думы, отнимала имущества у ни въ чемъ неповинныхъ родственниковъ и свои обвиненія основывала на показаніяхъ доносчиковъ.

Какъ бы ни было ограничено содержаніе хартіи, она все же значительно сокращала личную власть царя, превращая его изъ государя холоповъ въ «правомѣрнаго царя подданныхъ», правящаго по законамъ и принужденнаго раздѣлить свою власть съ Боярской Думой. Впрочемъ, въ хартіи не были забыты и интересы торгово-промышленнаго люда, которому Василій былъ отчасти обязанъ своимъ избраніемъ. Какъ бы то ни было, торжество политической доктрины боярства было полное, и намъ понятно то раздраженіе, соединенное съ негодованіемъ, которое овладѣло боярами, когда царь въ Успен-

скомъ соборѣ хотѣлъ присягнуть «всей Землѣ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не дѣлати безъ собора». Согласиться боярамъ на эту присягу—значило упустить власть изъ своихъ рукъ и отдать ее въ руки другихъ классовъ. Понятно, почему попытка Шуйскаго не удалась. Но въ то же время бояре боялись «переперемѣстить центръ тяжести государственной жизни изъ боярской среды въ народное представительство», и это дѣлало избраніе Шуйскаго незаконнымъ и превращало его въ партійнаго, «боярскаго» царя. Шуйскій это и самъ почувствовалъ. Желая придать своему избранію характеръ законности, Шуйскій сталъ разсылать грамоты отъ своего имени и отъ имени матери умершаго царевича. Цѣль этихъ грамотъ — расположить общественное настроеніе въ пользу царя, т. к. «люди проклятымъ еретикомъ Гришкой Отрепьевымъ, воровскимъ его умышленіемъ и бѣсовскимъ наученіемъ и помраченіемъ зѣло прельщены и чающе истино царевымъ сыномъ». Грамоты и должны были доказать: 1) самозванство убитаго царя, 2) прирожденное право Шуйскаго, какъ потомка Рюриковичей, на престолъ, 3) законность вступленія Шуйскаго на престолъ. Для составителей грамоты царь Димитрій «прямой воръ Гришка Отрепьевъ».

Бояре и мать убитаго царевича свидѣтельствовали, что царевичъ Димитрій дѣйствительно умеръ и погребенъ въ Угличѣ. Правда, раньше царица свидѣтельствовала иначе, но прежнее показаніе было вынуждено боязнью «тѣмъ на себя и на весь свой родъ злыя смерти не навести». Да и какой онъ царь, когда «и церкви Божія осквернилъ и вѣру христіанскую хотѣлъ попрати, взялъ дѣвку изъ Польши, латынской вѣры и не

крестилъ ее, вѣнчался съ нею... и помазалъ ее миромъ и вѣнчалъ ее царскимъ вѣнцомъ»... Въ другихъ частяхъ грамотъ бояре и царь старались доказать законность избранія Василія на престолъ и не стѣснялись невѣрно излагать событія. Грамоты объявляли народу, что Василій Шуйскій очутился на престолѣ прародителей по избранію «всякихъ людей Московскаго государства». Мысль авторовъ грамотъ все время вертѣлась вокругъ «земскаго собора». Очевидно, убѣжденіе, что только ему принадлежитъ рѣшающій голосъ въ дѣлѣ избранія государя, достаточно вошло въ правосознаніе командующихъ классовъ общества. Доказывая законность избранія Василія Шуйскаго на престолъ, грамоты доказывали и права Василія «учиниться на отчинѣ прародителей». Василій сталъ царемъ не только «избраніемъ всѣхъ людей Московскаго Государства», но и «по колѣнству», благодаря генеалогическому родству Василія съ Александромъ Невскимъ.

Положеніе новаго царя было очень затруднительно. Ему приходилось въ своей правительственной дѣятельности итти рука объ руку съ боярствомъ, которое было разгромлено и политическое значеніе котораго было почти уничтожено политикой Грознаго и Годунова. Опорой же власти Бориса Годунова и Димитрія I были среднія слои. Уже это дѣлало положеніе новаго царя весьма непрочнымъ. Съ другой стороны майскій переворотъ произвелъ въ народной массѣ большое смущеніе. Разосланныя по городамъ грамоты не производили надлежащаго впечатлѣнія, и народная масса оставалась вѣрна памяти названнаго Димитрія, не признавая новаго царя и не вѣря въ еретичество убитаго.

Всё это и ставило Шуйскаго въ очень затруднительное положеніе. Принужденный жить въ ладу съ потомками удѣльныхъ князей, новоизбранный царь долженъ былъ поддерживать сношенія съ рядовой служилой массой, относившейся къ Шуйскому недовѣрчиво. Помимо этого, народная масса, городская и сельская, представляла собой горючій матеріалъ, могущій вспыхнуть и разгорѣться яркимъ пламенемъ отъ случайно брошенной искры. Къ счастью для Шуйскаго, въ средѣ его противниковъ не было единства. Служилая масса и тяглые люди, это—двѣ различныхъ соціальныхъ категоріи съ взаимнопротивоположными интересами, и никакая политика оппортунизма не могла ихъ примирить. Но зато участіе народной массы въ политической и соціальной борьбѣ превращало смуту изъ узко боярскаго движенія въ народное.

Сначала царь и бояре жили дружно. Политика реставраціи была одинаково близка сердцу царя и бояръ. Многочисленныя земельныя пожалованія явились наградой боярамъ за поддержку его кандидатуры на престолъ. Но дружескія отношенія продолжались недолго. Въ Москвѣ бояре дѣйствовали солидарно, пока не расправились со сторонниками убитаго царя. Затѣмъ начались недоразумѣнія какъ въ средѣ самого боярства, такъ и между царемъ и боярами. Несмотря на политическіе уроки прошлаго, боярство не сплотилось въ одну общественную группу, проникнутую классовымъ міровоззрѣніемъ. Отдѣльныя лица изъ правительственнаго кружка отличались большимъ честолюбіемъ, стремились принимать активное участіе въ политикѣ и отстраняли другихъ на задній планъ. Это волновало остальныхъ княжатъ и раздражало

самого царя, которому стало непріятно быть игрушкой въ рукахъ честолюбивыхъ бояръ. Благодаря этому царь скоро забылъ о правомѣрности своей власти, сталъ ссылать сторонниковъ убитаго царя, «начаша мстить людемъ, которые ему грубиша: бояръ, и думныхъ дьяковъ, и стольниковъ и дворянъ многихъ разосла по городамъ и службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнима». Это уже было полное возвращеніе къ пріемамъ Годунова и Грознаго. Не мало затрудненій было Шуйскому и въ выборѣ патріарха. Сначала кандидатомъ намѣчали ростовскаго митрополита Филарета Романова, но близость его къ убитому царю, его вліяніе и вражда къ царю Василію указывали на опасность для царя посвятить его въ патріархи. Пришлось отказаться отъ этой кандидатуры. Тогда царь остановился на казанскомъ митрополитѣ Гермогенѣ, сторонникѣ охранительной политики, извѣстномъ своей энергичной защитой русской государственности на восточной окраинѣ. Его выступленіе на соборѣ въ защиту уставовъ православной церкви по поводу причащенія Марины говорило въ пользу Гермогена, такъ какъ за это онъ былъ лишенъ казанской каѳедры. «Повелѣніемъ боярскаго царя» Гермогенъ занялъ патріаршій престолъ и сталъ вѣрной опорой его власти. Впрочемъ, защита имъ порядка, національности и православной вѣры не остановила начавшагося отпаденія «городовъ Московскаго царствія» изъ-подъ власти Шуйскаго.

5. Оппозиція противъ Шуйскаго.

Какъ только въ сѣверскую Украину проникли слухи о спасеніи Димитрія, сейчасъ же началось

движенiе противъ Шуйскаго. Слухи же о томъ, что Василiй собирается наказать населенiе Сѣверы за участiе въ походѣ Димитрiя на Москву, только усиливали оппозицiонное настроенiе населенiя. По словамъ Авраамiя Палицына «Сѣвера же впятъ спкрѣпце отъ Царя Ивана Васильевича послѣдняго разгромъ, бывшiй Новуграду, и такого же мучительства не дождався на себя, вскорѣ и отлагаются отъ державы Московскiя». Конечно, дѣло было не только въ этомъ, а и въ боязни украиннаго люда вернуться подъ старое крѣпостное ярмо. Къ тому же въ сѣверской Украинѣ было также не мало рядовой служилой массы, не желавшей примириться съ результатами майскаго переворота и привыкшей смотрѣть на себя, какъ на опору престола въ его борьбѣ «съ великой породой», забравшей теперь власть въ свои руки. Центромъ движенiя служилаго люда сталъ Путивль съ его воеводой, кн. Григорiемъ Шаховскимъ. Во главѣ же народной массы стоялъ Болотниковъ, бѣглый холопъ. Настроенiе народной массы можно уловить въ воззванiяхъ, разбрасываемыхъ всюду Болотниковымъ. Правда, подлинники ихъ не сохранились, но содержанiе «воровскихъ листовъ» передано въ окружной грамотѣ Гермогена: «Мятежники, пишетъ патрiархъ,—велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, а вотчины и помѣстья имъ сулятъ... велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати, и животы ихъ грабити, и призываютъ къ себѣ ихъ воровъ и хотятъ имъ давати боярство, и воеводство, и окольничество и дьячество». Такимъ образомъ въ движенiяхъ народной массы преобладали соцiальные мотивы. Политическiе результаты майскаго переворота не могли инте-

ресовать народную массу, разъ соціальныя условія оставались безъ измѣненія. Дѣйствія Болотникова вполнѣ совпадали съ начерченной программой.

По словамъ современника, возставшіе «начаше по градамъ воеводъ имати и сажати по темницамъ, бояръ же своихъ домы разоряху и животы грабяху, женщинъ и дѣтей позориху и за себя имаху».

Возстаніе, вспыхнувшее на югѣ, быстро перекинулось на сѣверъ по направленію къ Москвѣ, и скоро чуть ли не всѣ города «Россійскаго царствія» были охвачены волненіемъ. Поднялись города Рязанскіе и Заоцкіе, и мѣстные провинціальные люди во главѣ со своими вождями, Григоріемъ Сумбуловымъ и Прокопіемъ Ляпуновымъ, двинулись къ Москвѣ. Недовольство Шуйскимъ охватило низовые города, гдѣ появились свои мѣстные вожди, вокругъ которыхъ собирались всѣ недовольные существующими специальными условіями. Пока только Сѣверъ не принималъ участія въ политическомъ и соціальномъ протестѣ.

Когда Болотниковъ соединился съ рязанскими служилыми людьми въ селѣ Коломенскомъ, около Москвы, то положеніе Шуйскаго стало критическимъ. Патріаршее убѣжденіе стоять за Шуйскаго, «царя благочестиваго и поборителя по православной вѣрѣ», не производило надлежащаго впечатлѣнія. Не имѣло никакихъ послѣдствій и проклятіе Гермогеномъ Болотникова и его сторонниковъ. Впрочемъ, опасенія Шуйскаго были нѣсколько преждевременными. Союзники разошлись, и рязанскіе воеводы принесли повинную Шуйскому. Разрывъ союзниковъ былъ неминуемъ, какъ только они присмотрѣлись

другъ къ другу и убѣдились, насколько различны ихъ стремленія. Служилая масса поднялась противъ Шуйскаго исключительно ради протеста противъ аристократическаго правленія и мечтала о возвращеніи къ временамъ до Шуйскаго. Ни о какихъ соціальныхъ реформахъ она и не думала, и въ стремленіи закрѣпить юридически существующія соціальныя отношенія она приближалась къ боярству. Это и опредѣлило судьбу возстанія, вспыхнувшаго въ украинныхъ городахъ. Столкновеніе союзниковъ на соціальной почвѣ спасло Шуйскаго. При видѣ неудачи Болотниковъ бѣжалъ въ Тулу. Скоро она была взята правительственными войсками, и Болотниковъ былъ казненъ.

Побѣда надъ Болотниковымъ на нѣкоторое время укрѣпила положеніе Шуйскаго. Боярская олигархія имѣла полное основаніе праздновать побѣду и отвѣтить казнями сторонниковъ неудавшагося движенія. Однако это была «Пиррова побѣда». Смерть Болотникова не успокоила народной массы,—жажда перемѣны стала еще болѣе сильной. Правительство же своими мѣрами только обостряло существовавшія отношенія, толкая тѣмъ самымъ протестующую народную массу на дальнѣйшую борьбу. Правительство Шуйскаго, сначала напуганное народнымъ движеніемъ, какъ будто пыталось успокоить народную массу опубликованіемъ закона 7 марта 1607 года о запрещеніи давать кабалу на вольныхъ слугъ, прослужившихъ у кого-либо болѣе полугода безъ крѣпости, противъ ихъ воли. Этотъ законъ шелъ въ разрѣзъ съ интересами землевладѣльцевъ: нужда въ рабочихъ рукахъ была очень велика, и боярскій приговоръ отъ 12 сентября 1609 года

отмѣнилъ указъ 1607 г. Ставъ на путь классоваго законодательства, правительство указомъ отъ 21 мая 1609 года предписывало «отдавати старымъ государямъ безкабальныхъ холоповъ, проживших у государя не менѣе 5 лѣтъ. Еще раньше приговоромъ Боярской Думы и Освященнаго Собора отъ 9 марта 1607 года запрещалось принимать бѣглыхъ крестьянъ и устанавливался 15-ти лѣтній срокъ давности для исковъ о бѣглыхъ. Всѣ эти мѣропріятія поддерживали возбужденное настроеніе тяглой массы.

Послѣ казни Болотникова народная масса нѣкоторое время оставалась безъ вождя, но скоро вождь явился въ лицѣ второго самозванца—такъ называемаго Тушинскаго вора. Кѣмъ, собственно, былъ «Тушинскій воръ», въ точности никто не зналъ, но ему удалось вокругъ своего имени объединить всѣ недовольные элементы изъ среды крестьянской, холопьей и казачьей массы. Не имѣя опредѣленной политической программы, эта толпа въ то же время была очень опасна по тому разрушительному настроенію, которое она вездѣ и всюду проявляла. Сначала сторонники «Самозванца» были немногочисленны. Первыми признали его только жители Стародуба, гдѣ онъ и появился. Но мало-по-малу число ихъ увеличивалось. Скоро вся сѣверская земля были въ рукахъ Самозванца. Присоединились къ нему и шайки поляковъ, которымъ удалось благополучно спастись изъ Москвы послѣ майскаго заговора. Правительство Шуйскаго, упоенное побѣдами надъ Болотниковымъ, не принимало никакихъ мѣръ для борьбы съ Самозванцемъ. Трудно сказать, почему Василій бездѣйствовалъ,—потому-ли, чтобы «ратные люди поотдохнули и

въ домахъ своихъ прибылп», или потому, что Василій не довѣрялъ всей этой служилой массѣ, которая еще такъ недавно была не на его сторонѣ. Несомнѣнно, непротивленіе Шуйскаго явилось большой политической ошибкой. Не встрѣчая нигдѣ препятствій, Самозванецъ двигался къ Москвѣ, покоряя подъ свою царскую руку одинъ городъ за другимъ. По мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, кадры второго Самозванца пополнялись второстепенной знатью и средней служилой массой, недовольными «боярскимъ царемъ». Такимъ образомъ элементы войска, сплотившагося вокругъ второго Самозванца, были очень разнородны и только случайно объединились на почвѣ недовольства существующими политическими и соціальными отношеніями. Но продолжительной солидарности въ дѣйствіяхъ быть не могло. Служилая и народная массы, это — двѣ различныя группы, примирить интересы которыхъ было невозможно, но поступки и поведеніе польскихъ авантюристовъ такъ раздражили національное самолюбіе тѣхъ и другихъ, что заставили впослѣдствіи обѣ группы дѣйствовать вмѣстѣ во имя національной и религіозной независимости. Положеніе Шуйскаго скоро стало критическимъ. Самозванецъ стоялъ у воротъ Москвы, а у правительства не было средствъ для его отраженія. Самозванецъ расположился около Москвы въ Тушинѣ и старался прекратить всякое общеніе московскаго правительства съ внѣшнимъ міромъ. Лагерь въ Тушинѣ былъ очень пестрый. Тутъ и польскіе паны, Янъ Сапѣга и Лисовскій, съ нескрываемымъ презрѣніемъ и ненавистью относившіеся какъ

къ самому тушинскому царьку, какъ и ко всѣмъ русскимъ, наполнявшимъ кадры «тушинскаго вора». Тутъ и Марина, которую вернули съ дороги въ Польшу и заставили признать тушинскаго выскочку своимъ мужемъ и тѣмъ самымъ поднять его авторитетъ и укрѣпить его самозванство. Рядомъ съ поляками Самозванца окружали столичные и провинціальные служилые люди, питавшіе глубокую ненависть къ Шуйскому и готовые, не брезгуя никакими средствами, свергнуть съ престола своего политическаго врага. Затѣмъ шли толпы бѣглаго крестьянства, холоповъ и казачества съ Заруцкимъ во главѣ. Самозванецъ жилъ по-царски: у него былъ свой дворъ, свой церемоніалъ, свои выходы и пріемы. Былъ даже въ Тушинѣ свой партріархъ—ростовскій митрополитъ Филаретъ Романовъ, изъ ненависти къ Шуйскому, по политическимъ соображеніямъ, нашедшій возможнымъ признать Самозванца царемъ и произносить его имя во время богослуженія.

Московское правительство было смущено и подавлено, оно не было увѣрено ни въ завтрашнемъ днѣ, ни въ своихъ ближайшихъ слугахъ. То и дѣло покидали Василія служилые люди и направляли свой путь въ Тушино, гдѣ ихъ встрѣчали съ лаской, повышали чиномъ и награждали земельными пожалованіями. Василій Шуйскій имѣлъ полное основаніе опасаться, что его скоро всѣ покинутъ, что онъ останется одинокимъ въ своемъ царствѣ. Успѣхъ тушинскаго вора былъ полный. Не будучи въ силахъ взять Москву, тушинцы довольствовались блокадой Москвы, стремились взять ее изморомъ и приняли всѣ мѣры къ прекращенію подвоза съѣст-

ныхъ припасовъ, и въ то же время значительно расширяя районъ своихъ операцій.

Вниманіе тушинцевъ стали привлекать мѣстности къ сѣверу отъ Москвы. Это былъ край, до сихъ поръ почти не тронутый смутой, представлявшій собой, несомнѣнно, большой соблазнъ для тушинцевъ, благодаря своему сравнительному экономическому процвѣтанію и притомъ еще не испытавшій на себѣ послѣдствій тяжелаго экономическаго кризиса. Тушинцы имѣли на сѣверѣ большой успѣхъ. Рядъ поволжскихъ городовъ признавали власть «вора», видя въ немъ единственное средство вывести страну изъ охватившей ее анархіи. Но скоро ихъ постигло глубокое разочарованіе. Самозванецъ оказался представителемъ не порядка, а безпорядка. Отдаваясь подъ покровительство Самозванца и отпадая отъ Василія Шуйскаго, города надѣялись сохранить въ неприкосновенности свое имущество, а между тѣмъ подверглись жестокому разоренію. Ради удовлетворенія тѣхъ же хищническихъ инстинктовъ осаждался, правда, неудачно, Троицкій монастырь. Отпали отъ Шуйскаго Псковъ и его пригороды, волновалось инородческое населеніе Понизовья. Разсыпалась государственная храмина, и только Поморье, Нижній-Новгородъ и нѣкоторые сѣверо-западные города оставались вѣрны Шуйскому. Впрочемъ, сѣверные города довольно скоро вернулись подъ власть Шуйскаго, не вынеся произвола тушинцевъ. «Ограбленные и погорѣлые крестьянишки» закидывали Самозванца челобитьями, что они «разорены отъ твоихъ ратныхъ людей воинскихъ», а теперь «мы, сироты твои, скитаемся между дворовъ, пить, ѣсть нечего, помираемъ съ женишками голодной смертью». Имъ вто-

рили города, указывая, «что тушинцы, которые возьмутъ за щитомъ, или хотя эти города и волею крестъ поцѣлуютъ, то во всѣ города отдаютъ панамъ пожалованіе въ отчины, какъ прежде удѣлы бывали».

Экономическое разореніе городовъ и отрезвило посадскіе и сельскіе міры отъ увлеченія Самозванцемъ. Города начинаютъ сноситься другъ съ другомъ, обѣщая другъ за друга стоять и «за одинъ умереть». Центромъ движенія явился Галичъ. Отсюда собравшійся людъ отправился къ Костромѣ, тоже отпавшей отъ «вора». Объединенныя силы двинулись къ Ярославлю, куда двинулись отряды и изъ Вологды. Но это движеніе окончилось неудачно. Сапѣга и Лисовскій разбили отряды галичанъ, и остатки разбитой рати спрятались въ лѣсахъ. Однако эта неудача не остановила начавшагося движенія. Всколыхнулось все Поморье, стало замѣтно проявляться недовольство посадскаго люда и тяглаго населенія Замосковныхъ городовъ. Оставались пока спокойными служилые люди. Центромъ движенія сталъ Нижній-Новгородъ, не признавшій власти Тушина. Посланные изъ Тушина отряды ничего не могли сдѣлать. Возстаніе все разросталось, и къ концу 1608 года оно охватило и Поморье, и Заволжье, и Замосковные города. Ведя «всѣмъ міромъ» неустанную борьбу съ Самозванцемъ, жители посадовъ вернулись опять подъ власть Шуйскаго и готовы были съ царемъ Василіемъ «вмѣстѣ жить и умереть».

Начавшееся городское движеніе вывело правительство Шуйскаго изъ того летаргическаго сна, въ которомъ оно находилось. Не будучи въ силахъ оказать реальную поддержку возстав-

шимъ городамъ и селамъ, царь Василій въ эту критическую минуту обратился за помощью къ Швеціи, тогда какъ раньше Шуйскій отказался отъ предлагаемой помощи, говоря, что «у великаго государя нашего много рати собственныя его государевы всегда готовы». Условія, на которыхъ Карлъ IX согласился прислать вспомогательный отрядъ, были очень тяжелы для Василія: за посылку въ Московское государство 6-тысячнаго отряда царь отказывался отъ всякихъ притязаній на Ливонію и уступалъ Швеціи Корелу съ уѣздомъ и заключалъ вѣчный союзъ съ Швеціей противъ Польши. Дѣйствіе соединенныхъ русско-шведскихъ силъ было очень успѣшнымъ. Племянникъ царя князь М. В. Скопинъ-Шуйскій вошелъ въ сношенія съ возставшими городскими и сельскими мірами, оказалъ имъ свою поддержку и окончательно освободилъ весь Сѣверъ отъ тушинскаго вора. Правительство Шуйскаго воспрянуло духомъ, получая извѣстіе о разбитіи «ратныхъ и польскихъ людей». Конечно, не всѣ города стали сразу на сторону Василія. Немало было такихъ, которые нижегородцамъ приходилось брать силой. Какъ бы то ни было, долго они не могли сопротивляться и скоро признали власть Шуйскаго. Стали также съ начала 1609 года поправляться и дѣла въ низовыхъ городахъ. Бояриму Шереметеву удалось нанести возставшимъ противъ Василія городамъ столь сильное пораженіе, что имъ пришлось признать власть Шуйскаго.

Но торжество Шуйскаго было непродолжительнымъ. Союзъ со шведами повлекъ за собой серьезное международное осложненіе. Польское правительство сочло его нарушеніемъ рус-

ско-польскаго мирнаго договора и, имѣя въ виду вернуть обратно литовскія земли, нашло этотъ моментъ весьма подходящимъ для вмѣшательства. Польскія войска осадили Смоленскъ, первоклассную крѣпость того времени. Она была хорошо укрѣплена, была снабжена достаточнымъ количествомъ провіанта и военныхъ припасовъ. Смоленскій воевода Шеинъ оставался вѣренъ правительству Шуйскаго и не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія изъявить покорность Сигизмунду.

Вступленіе польскаго короля въ предѣлы русской территоріи было чревато послѣдствіями и для тушинскаго вора. Положеніе его стало отчаяннымъ съ того момента, когда натискъ посадскихъ и сельскихъ міровъ противъ тушинцевъ кончился полною побѣдой «міра». Съ того момента водворилась полная анархія. Каждый думалъ только о себѣ самомъ, о своей собственной выгодѣ, и на «вора» никто не обращалъ вниманія. Между тѣмъ Сигизмундъ, какъ только осадилъ Смоленскъ, предложилъ всѣмъ полякамъ, находившимся въ Тушинѣ, оставить «вора» и перейти на службу къ польскому королю. Польскіе авантюристы не совсѣмъ были довольны предложеніемъ своего короля, но большинство ихъ сочли нужнымъ исполнить королевское приказаніе и оставили Тушино. Тогда и Самозванецъ, видя, что его всѣ покидаютъ, тайкомъ убѣжалъ въ Калугу. Тушинскій лагерь сталъ пустѣть. За «воромъ» ушли въ Калугу и «казаки», оставшіеся ему вѣрными.

Въ Тушинѣ осталась только довольно компактная группа разныхъ чиновъ служилаго сословія, не пожелавшихъ ни убѣжать вслѣдъ за воромъ, ни вернуться обратно къ Шуйскому.

Во главѣ ея стоялъ тушинскій патріархъ, человѣкъ, одаренный большимъ умомъ, но не стѣснявшійся въ средствахъ для борьбы со своими врагами. Посовѣщавшись, оставшіеся русскіе рѣшили отправить къ Сигизмунду посольство въ лагерь подъ Смоленскъ. Посольство состояло изъ нѣсколькихъ столичныхъ чиновъ и полдюжины крупныхъ дьяковъ московскихъ приказовъ во главѣ съ Михаиломъ Салтыковымъ,—«все добрые дворяне, но ни одного крупнаго имени, составившіе себѣ карьеру въ эпоху опричины или сумѣвшіе себѣ создать положеніе въ Тушинѣ». Боясь, съ одной стороны, олигархическаго правительства Шуйскаго и подталкиваемое, съ другой стороны, антисоціальными элементами, составлявшими войско вора, посольство рѣшило предложить престолъ Владиславу и тѣмъ сразу выйти изъ создавшагося затруднительнаго положенія. Съ избраніемъ новаго государя кончалась смута, а условія избранія должны были гарантировать среднимъ слоямъ политическое и экономическое преобладаніе, послѣ того какъ будутъ раздавлены антихозяйственные элементы общества. Сигизмундъ принципіально далъ свое согласіе на принятіе престола Владиславомъ, и 4 февраля 1610 года былъ подписанъ предварительный договоръ съ польскимъ королемъ.

Являясь знаменитымъ памятникомъ работы политической мысли того времени, договоръ въ то же время отражаетъ политическіе взгляды среднихъ классовъ: столичнаго дворянства, крупнаго чиновничества. Не допуская даже мысли о боярской олигархіи, договоръ 4 февраля 1610 года не возстановляетъ также самодержавія. Зато онъ весь проникнутъ консерва-

тивными началами. Это сказалось въ охранѣ интересовъ религіи и національности и въ борьбѣ его съ противогосударственными элементами общества, расшатывавшими существовавшій соціальный укладъ государства. Согласно договору Салтыкова съ Сигизмундомъ, королевичъ Владиславъ долженъ былъ вѣнчаться на царство «вѣнцомъ царскимъ и діядемою, въ Москвѣ, отъ руки патріарха Московскаго стародавнимъ обычаемъ, яко прошлые великіе государи московскіе на преславное господарство Московское короноватися». Затѣмъ договоръ требовалъ сохраненія «цѣлости красоты» православной вѣры. Однако «для набожества польскихъ и литовскихъ людей» разрѣшалось выстроить одинъ костелъ «въ мѣстѣ столичномъ Москвѣ». Допуская свободу отправленія богослуженія, договоръ въ то же время запрещалъ «отводити тежъ отъ греческой вѣры въ римскую и ни въ которую иную вѣру альбо примушати», и не допускалъ польскимъ евреямъ въѣздъ для торговъ въ московское государство. Охраняя православіе, договоръ гарантировалъ неприкосновенность церковныхъ имуществъ: «поданія всп прошлыхъ господаревъ московскихъ, и боярскія и всякихъ людей поданія на церкви Божіи и на монастыри въ цѣлости... заставати будутъ» и, подтверждая за духовенствомъ право на полученіе того царскаго жалованія, которое давалось «завжды зъ господарскихъ расходовъ», въ то же время сохранялъ въ неприкосновенности юрисдикцію церковнаго суда: «въ справы тежъ духовные вдаваться не будутъ», а также и свѣтскаго суда: «суды маютъ быть сужоны и отправованы водлугъ звычаю и судебнику». Управленіе государствомъ должно

находиться въ рукахъ царя и Боярской Думы. Совмѣстно «з бояры думными» государь имѣетъ право карать, «зъ якого кольвекъ стану», если онъ провинился въ чемъ-нибудь «въ господарскихъ и земскихъ дѣлахъ». Съ ними же вмѣстѣ увеличивалось или уменьшалось «господарское жалованье». Новые налоги вводятся не иначе, какъ послѣ совѣщанія «зъ бояры и думными людьми». Совмѣстно съ послѣдними будетъ разсмотрѣнъ вопросъ о казакахъ. Отдавая все управленіе государствомъ въ руки «Боярской Думы», учрежденія стараго, договоръ 4 февраля требовалъ созыва Земскаго Собора, когда необходимо сдѣлать «поправу» Судебника для укрѣпленія судовъ, или если пожелаютъ дополнить новыми статьями настоящій договоръ. Въ договорѣ отведено не мало мѣста и соціальнымъ притязаніямъ среднихъ классовъ. Составители договора, настаивая на томъ, чтобы «великихъ становъ людей невиннѣ не понижати», въ то же время требуютъ «меньшіе станы подносити водлугъ заслугъ». Договоръ гарантировалъ неприкосновенность личности и имущества, вводилъ индивидуальную отвѣтственность за преступленія и разрѣшалъ для «науки» поѣздку за границу «опричь бусурманскихъ, поганскихъ». Крѣпостническимъ духомъ проникнуты статьи, запрещавшія крестьянамъ переходы какъ въ предѣлахъ Московскаго государства, такъ и изъ Руси въ Литву и обратно. Холопы остаются въ прежней зависимости отъ господъ, и «вольности имъ господарь его милость давати не будетъ рачить».

Договоръ 4 февраля по своему содержанію значительно шире содержанія записи Шуйскаго,—видимо, политическія событія не прошли

безслѣдно для работы политической мысли. Но и его не приходится считать договоромъ, исключительно отстаивающихъ обще-государственные интересы. Онъ весь проникнутъ интересами только одного класса. Договоръ беретъ подъ свою защиту существующія социальныя отношенія, запрещая крестьянскій выходъ и отпускъ холоповъ на волю. Да и въ требованіи повышать меньшихъ людей по заслугамъ видно стремленіе дать перевѣсъ среднимъ классамъ надъ знатью, такъ какъ «возвышеніе по заслугамъ» влекло за собой отмѣну мѣстничества и давало возможность столичному дворянству проникнуть въ Боярскую Думу. Этимъ и наносился рѣшительный ударъ боярской аристократіи. Это же стремленіе среднихъ классовъ гарантировать себѣ доминирующее положеніе потребовало болѣе точнаго установленія порядка верховнаго управленія. Государь дѣлилъ свою власть съ двумя учрежденіями: Земскимъ Соборомъ и Боярской Думой, но при этомъ строго разграничивается компетенція обоихъ учрежденій. Боярская Дума имѣетъ законодательную власть, вѣдая вмѣстѣ съ государемъ текущее законодательство, рѣшая вмѣстѣ съ нимъ вопросы о новыхъ налогахъ, служиломъ жалованіи, вотчинахъ и помѣстьяхъ. Думѣ принадлежитъ также и высшая судебная власть. Совсѣмъ иного рода дѣла подлежатъ разсмотрѣнію «Думы и бояръ всей земли». Земскій Соборъ собирается для исправленія или дополненія судного обычая, какъ и Судебника, имѣвшаго силу основныхъ законовъ, какъ выражается В. О. Ключевскій. Кромѣ того, въ случаѣ возбужденія вопросовъ, не предусмотрѣнныхъ въ договорѣ, послѣдніе разсматриваются на Земскомъ Соборѣ. Государю въ обо-

ихъ случаяхъ принадлежитъ только верховная санкція. Наконецъ, договоръ 4 февраля 1610 г. отводитъ не мало мѣста опредѣленію правъ и преимуществъ народа, и въ этомъ отношеніи нормы, ограждающія всякаго подданнаго отъ произвола сверху, разработаны подробнѣе, чѣмъ въ записи Шуйскаго.

Таковы основныя черты того правового порядка, который долженъ былъ наступить въ Москвѣ съ воцареніемъ Владислава. Однако торжество среднихъ классовъ было преждевременно. Договору не пришлось получить характеръ дѣйствующаго правопорядка. Развертывавшійся ходъ событій создалъ иныя политическія отношенія и заставлялъ придумывать другія политическія комбинаціи. Тушинскій воръ оставилъ 11 іюля 1610 года Калугу и двинулся къ Москвѣ, къ селу Коломенскому. Пораженіе, нанесенное поляками при Клушинѣ войскамъ Василія Шуйскаго, облегчило обратный маршрутъ Самозванца къ Москвѣ. Къ ней же съ другой стороны двинулся и гетманъ Жолкевскій съ поляками. Положеніе Шуйскаго стало отчаяннымъ. Въ Москвѣ противъ него было и московское населеніе, и дворянство съ Прокопіемъ Ляпуновымъ во главѣ, не признававшимъ совмѣстно съ рязанцами «тушинскаго вора», а потому обласканнаго Шуйскимъ и игравшаго большую политическую роль при «боярскомъ царѣ». Недовольство противъ Шуйскаго разразилось прямымъ бунтомъ 17 іюля. Служилое дворянство свергло Василія съ престола, а затѣмъ насильно постригло въ монахи. Тщетно патріархъ Гермогенъ,—этотъ вѣрный слуга «ненавистнаго» царя, — умолялъ дворянство и народъ оставаться вѣрными присягѣ. Его голоса

никто не слушалъ, и мятежники привели свое желаніе въ исполненіе.

Послѣ этого власть временно перешла въ руки «семи бояръ». Съ нихъ взяли клятву «за Московское государство стояти, и насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити, и государя на Московское государство выбрати съ ними, со всякими людьми, всею землею, сослався съ городы». Положеніе «седьмочисленныхъ» бояръ было очень затруднительнымъ. Въ странѣ царила анархія и угрожала соціальнымъ переворотомъ. Вступленіе поляковъ на государственную территорію грозило завоеваніемъ страны. Московское правительство, очутившись среди двухъ теченій, одинаково опасныхъ для цѣлости государства, должно было стать на сторону наименѣе вреднаго. Такимъ и явились поляки. Изъ боязни предъ соціальнымъ переворотомъ бояре и дворяне нѣсколько сблизились другъ съ другомъ и остановились на кандидатурѣ Владислава, какъ наиболѣе пріемлемой въ данный моментъ. Были только пересмотрѣны условія договора 4 февраля. И избраніе царя и пересмотръ договора пришлось сдѣлать безъ Земскаго Собора, такъ какъ къ августу «изъ городовъ по се място никакіе люди не бывали». Такъ явился новый трактатъ 17 авг. Это—компромиссъ между желаніями боярства и требованіями среднихъ классовъ. Его нельзя назвать договоромъ чисто-боярскимъ, но, несомнѣнно, въ немъ замѣтно стремленіе ограничить прерогативы среднихъ классовъ. Вслѣдствіе этого изъ договора были вычеркнуты статьи о «повышеніи» по заслугамъ и о правѣ выѣзда за границу. Обѣ статьи по своимъ демократическимъ тенденціямъ были непріятны для боярства. Зато

боярство вписало статьи, чтобы «московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и чести не тѣснить и не понижать». Но въ организаціи порядка верховнаго управленія боярство сдѣлало уступку среднимъ классамъ, оставивъ соотвѣтствующія статьи договора 4 февраля 1610 года. Остальныя статьи были редактированы близко къ подлиннику. Договоръ былъ подписанъ, Москва присягнула Владиславу.

Изъ опасенія передъ «воромъ» въ Москву для ея охраны былъ впущенъ польскій гарнизонъ. По городамъ были разосланы грамоты съ требованіемъ присягать Владиславу. Въ грамотахъ указывалось, что Владиславъ приметъ православіе, и это должно было успокоительнымъ образомъ подѣйствовать на религіозное чувство населенія. Послѣ подписанія трактата къ Сигизмунду было отправлено «великое посольство». Жолкевскій постарался составить его изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ. Туда вошелъ и кн. Голицынъ, и патріархъ Филаретъ,—вообще лица, игравшія видную политическую роль и принимавшія дѣятельное участіе въ сверженіи Василія Шуйскаго. Но пословъ ждало жестокое разочарованіе. Сигизмундъ III категорически высказался противъ кандидатуры своего сына и откровенно обнаруживалъ желаніе самому возсѣсть на московскомъ престолѣ. Положеніе Москвы стало невыносимымъ. Поляки хозяйничали въ Москвѣ, какъ у себя дома. Боярская Дума не играла никакой роли: ея голоса не было слышно. Всѣмъ заправляли агенты Сигизмунда,—лица, не имѣвшія никакого авторитета. Съ помощью этихъ «вѣрниковъ» Сигизмундъ дѣлалъ въ Москвѣ, что хотѣлъ. Раздавая щедрой рукой

чины, помѣстья, награды и сажая по тюрьмамъ своихъ политическихъ противниковъ, Сигизмундъ готовилъ себѣ престолъ. Сопротивлялся планамъ польскаго короля только патріархъ Гермогенъ. Напрасно къ нему ходили Сигизмундовскіе «вѣрники» и просили дать свое благословеніе на цѣлованіе креста королю; патріархъ въ этотъ критическій моментъ обнаружилъ большую стойкость и не поддавался угрозамъ поляковъ. Покровительство Сигизмунда крупнымъ землевладѣльцамъ и его землевладѣльческая политика разоряли мелкое дворянство и пробуждали въ немъ стремленіе освободить страну отъ иноземцевъ. Помимо этого, экономическій кризисъ проникъ и въ Замосковные города и деревни, разоряя сравнительно зажиточные посадскіе и крестьянскіе элементы. Всѣ эти условія и выдвигали на первый планъ необходимость быстраго возстановленія государственнаго порядка и государственной независимости. Отсюда и идетъ рядъ новыхъ попытокъ въ этомъ направленіи.

6. Дворянско-казацкое ополченіе.

Къ избранію Владислава большая часть городского населенія отнеслась несочувственно. Присягали неохотно, словно вынужденные. Извѣстія о поведеніи поляковъ въ Москвѣ оскорбляли національное чувство и пробуждали желаніе вырвать Москву и всю страну изъ рукъ иностранцевъ. А полный упадокъ экономической жизни, разореніе служилаго класса заставило, наконецъ, населеніе выйти изъ пассивнаго состоянія и приступить къ возстановленію въ государствѣ порядка, безъ котораго гибли городская торговля и промыслы, падало служилое

землевладѣніе и разорялось служилое населеніе. Это консервативное движеніе родилось въ сѣверныхъ городахъ. Города сносились другъ съ другомъ, обмѣнивались мнѣніями по поводу событій, происходившихъ въ странѣ, и мало-помалу приходили къ мысли о необходимости дружнаго совмѣстнаго выступленія на защиту захваченной врагами страны. Особенно сильное впечатлѣніе производила грамота, посланная смольнянами городамъ съ предостереженіемъ противъ замысловъ Сигизмунда, желавшаго лично возсѣсть на престолъ. Смольняне убѣждали всѣхъ православныхъ людей разослать грамоты по городамъ, «чтобъ всѣмъ было вѣдомо, всею землею общею стати за православную крестьянскую вѣру, покамѣстъ еще свободны, а не въ работѣ и въ плѣнъ не разведены». О томъ же въ январѣ 1611 года говорило и посланіе московскихъ людей, разосланное по городамъ съ просьбой «пощадить полбѣдныхъ»: «душами и головами станьте съ нами обще противъ враговъ креста Христова». Такъ съ разныхъ сторонъ шелъ призывъ къ солидарности, къ совмѣстнымъ выступленіямъ противъ поляковъ. Мало-по-малу мысль объ этомъ окончательно окрѣпла въ сознаніи общества. Города весьма энергично обмѣнивались грамотами, настойчиво увѣщевая другъ друга и убѣждая быть стойкими, быть «обще всѣмъ въ соединеніи душами своими и головами» и «всею землею общею стати за православную христіанскую вѣру».

Намѣчавшееся въ обществѣ движеніе и еще не вполнѣ установившееся настроеніе успѣлъ уловить первосвятитель русской церкви—Гермогенъ. Не имѣвшій прежде никакого вліянія при царѣ Шуйскомъ, совершенно игнорируемый

«седмибоярщиной», Гермогенъ вдругъ сталъ вліятельнымъ и сильнымъ и началъ бороться за свои религіозные и національные идеалы. Протестуя всѣми имѣвшимися у него средствами противъ кандидатуры католика Владислава Гермогенъ рѣшительно высказался и противъ кандидатуры Сигизмунда, и никакія угрозы не могли заставить его отказаться отъ своего мнѣнія. Уловивъ нарождавшееся новое настроеніе народа, Гермогенъ произнесъ въ Успенскомъ соборѣ громовую проповѣдь. Насторожились поляки, заволновались московскіе гости и торговые люди. Но патріарха это еще не удовлетворило. Онъ принялся разсылать по странѣ воззванія, лишь только получились точныя извѣстія о смерти вора, въ декабрѣ 1610 года. Въ нихъ патріархъ освобождалъ народъ отъ присяги Владиславу и призывалъ его итти на помощь въ Москвѣ противъ литовскихъ людей.

Грамоты патріарха вполнѣ соотвѣтствовали настроенію и чувствамъ общества. Переписка городовъ стала еще энергичнѣе, а слухи о томъ, что «на Москвѣ святѣйшему Гермогену... и всему освященному собору и христоименитому народу отъ богоотступниковъ, отъ бояръ и отъ польскихъ и литовскихъ людей гоненіе и тѣснота велія» только усиливали желаніе поскорѣе освободить Москву.

Едва ли не первымъ поднялось рязанское дворянство во главѣ съ Прокопіемъ Ляпуновымъ, и раньше игравшимъ совмѣстно съ рязанскими дворянами активную роль въ смутѣ. Рязанцамъ не трудно было подняться: они всегда представляли собою готовое военное ополченіе. Ляпуновское ополченіе мало-помалу стало центромъ, къ которому примкнуло

служилое воинство на южной окраинѣ. Одновременно возникло движенiе и на сѣверѣ: центромъ явились Нижнiй-Новгородъ и Ярославль, — два города, имѣвшiе большое торгово-промышленное значенiе и терпѣвшiе немалые убытки отъ прекращенiя въ странѣ внутренняго и внѣшняго товаро-обмѣна. Торговыя связи и интересы дѣлали Нижнiй центромъ для Понизовыхъ городовъ. Ярославль объединялъ Заволжье и Поморье. Движенiе къ Москвѣ началось уже въ январѣ 1611 года. Въ половинѣ января Ляпуновское ополченiе стояло около Москвы, въ мартѣ подошли нижегородцы съ ярославцами. Вся земля была представлена въ ополченiи, за исключенiемъ Смоленска и Новгорода, занятыхъ борьбой съ внѣшними врагами.

Составъ ополченiя былъ далеко не одороденъ. Въ него вошли провинцiальные служилые люди, городское и сельское тяглое населенiе. Кромѣ того, къ нимъ впослѣдствiи присоединились и казаки. Уже это присоединенiе бывшихъ тушинцевъ, соцiальныхъ враговъ ядра ополченiя, предвѣщало неудачу этого освободительнаго движенiя. Земскiя рати расположились подъ Москвой. Отсюда разсылались грамоты съ просьбой о присылкѣ ратныхъ людей, денежныхъ и военныхъ запасовъ «для отнятiя у поляковъ столицы, а войску денегъ на жалованье». Съ своей стороны, города продолжали сноситься другъ съ другомъ, передавая извѣстiя, приходившiя изъ Москвы, убѣждая «цѣловать крестъ на записи, которая прислана изъ полковъ отъ всея Земли, что намъ быти со всею Землею въ любви и совѣтѣ и въ соединенiи... стояти со всею Землею за одинъ, итти на Москву...

очищати московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей». На ряду съ просьбой о цѣлованiи креста («будете вы по ся мѣста креста не цѣловали») говорилось о присылкѣ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. Особенно энергичную дѣятельность въ этомъ отношенiи проявляла Казань. Первое время, несмотря на пестроту собравшагося подъ Москвой ополченiя, между ополченцами не было никакихъ разногласiй. Служилые люди, не чувствуя себя достаточно сильными, боялись раздражать казаковъ и предпочитали жить съ ними въ ладу до очищенiя Москвы; они призывали ихъ теперь итти къ Москвѣ «безъ всякаго сумнѣнiя и боязни» обѣщая, что «имъ всѣмъ воля и жалованiе будетъ». И казаки, сознавая себя побѣжденными и предчувствуя борьбу съ консервативными элементами общества, отказались пока отъ своихъ «воровскихъ привычекъ» и во всемъ были солидарны со своими соцiальными антагонистами. Однако скрытыя противорѣчiя обнаружились довольно скоро.

Собравшiяся около Москвы рати постепенно общими усилiями выработали планомѣрную организацiю для веденiя общаго дѣла. Эта организацiя вылилась въ видѣ «совѣта всей Земли». Въ его рукахъ и сосредоточилось высшее руководство общимъ дѣломъ. Совѣтъ всей Земли, это—все земское ополченiе, это—«великаго Московскаго государства бояре и воеводы и Прокопiй Ляпуновъ, и дворяне, и дѣти боярскiе, и всякiе служилые люди всѣхъ городовъ Россiйскаго царствiя». Отъ этого «совѣта всей Земли» и разсылали грамоты по городамъ съ призывомъ къ помощи.

Какъ только земскiя рати двинулись къ

Москвѣ, поляки и боярское правительство сильно заволновались. Они требовали, чтобы Гермогенъ распустилъ ополченіе.Напиши, — говорили ему поляки,—чтобы они расходились. Однако первосвятитель русской церкви оставался непреклоннымъ, и только повторялъ: «Азъ къ тому стану писать: ежели ты, измѣнникъ Салтыковъ съ литовскими и польскими людьми выйдешь вонъ изъ Москвы, я имъ не велю ходить, а буде вамъ сидѣть въ Москвѣ, я ихъ всѣхъ благословляю померетъ за православную христіанскую вѣру». Поляки и ставленники Сигизмунда пытались угрожать Гермогену, но патріархъ только отвѣчалъ: «Что вы мнѣ угрожаете? Единаго я Бога боюсь; буде же вы пойдете всѣ литовскіе люди прочь изъ Московскаго государства, я ихъ благословляю отойти прочь, а буде вамъ стояти въ Московскомъ государствѣ, и я ихъ благословляю всѣхъ противъ васъ стояти и померети за православную вѣру». Раздраженные поляки бросили Гермогена въ мрачное подземелье.

Приближеніе ополченія къ Москвѣ подняло упавшій духъ въ московскомъ населеніи. Явилась надежда на скорое освобожденіе отъ польскаго ига. На улицахъ стали происходить стычки съ поляками. Накопившееся раздраженіе вырывалось наружу. Чувствуя свою слабость, поляки не брезгали никакими средствами для самозащиты и для удержанія за собой Москвы. Такъ, когда отряды земскихъ ратей ворвались въ Бѣлый городъ, а полякамъ пришлось запереться въ Кремлѣ и Китай-городѣ, то Гонсѣвскій приказалъ поджечь Бѣлый Городъ. Впослѣдствіи та же судьба постигла и Замоскворѣчье. Уже эти мѣры указывали на

трудность и стѣсненность положенія поляковъ въ Москвѣ, и это же подтверждали посланія къ Сигизмунду подъ Смоленскъ съ просьбой о помощи.

Однако полякамъ пришлось ошибиться въ своихъ расчетахъ на Сигизмунда. Правда, послѣдній понималъ всю серьезность создавшагося положенія, но все же не рѣшался итти подъ Москву и снять осаду съ Смоленска. Желая какъ-нибудь помочь осажденнымъ въ Москвѣ полякамъ, Сигизмундъ послалъ въ февралѣ 1611 года боярамъ письмо, гдѣ заговорилъ съ ними уже нѣсколько въ иномъ тонѣ. Въ грамотѣ не было рѣчи о личной его, Сигизмунда, кандидатурѣ на престолъ, — шла лишь рѣчь о сохраненіи вѣрности Владиславу «покамѣстъ сынъ нашъ королевичъ Владиславъ пріѣдетъ на свой царскій престолъ на Москву. Свое вмѣшательство во внутреннія дѣла московскаго государства Сигизмундъ объяснилъ желаніемъ успокоить московское государство, «войны и недружества прошлые промежъ государства нашего съ государствомъ московскимъ въ любовь и дружбу обернути», а отнюдь «не для запустошенія государства московскаго и не для разоренія святыхъ церквей Господнихъ». Въ то же время польскій король жаловался на непокорныхъ смольнянъ, которые не хотѣли сдаваться, «а пока и седѣльцы Смоленскіе и самъ воевода Шеинъ въ упорѣ крѣпко стоятъ, до тѣхъ поръ никакого умиротворенія не можетъ быть». Въ мартовской грамотѣ 1611 года тотъ же Сигизмундъ продолжалъ выставлять себя вѣрнымъ другомъ Московскаго государства и жаловался боярамъ на князя Василія Голицына, который не желаетъ выполнить боярскій указъ: «а ни се-

дѣльцевъ къ кресному цѣлованію за насъ и сына нашего приводити не хочетъ, а до сына нашего съ Митрополитомъ ѣхати не хочетъ», ссылаясь на то, что «къ нимъ отъ Патріарха никакого указу нѣтъ». Проявившій неожиданное патріотическое упорство, кн. Голицынъ поставилъ Сигизмунда въ довольно затруднительное положеніе. Выяснилась полная невозможность взять Смоленскъ безъ штурма, и Сигизмундъ, военныя силы котораго находились далеко не въ блестящемъ состояніи, — дальнѣйшее же продолженіе осады Смоленска могло еще больше обезсилить его,—рѣшилъ взять Смоленскъ штурмомъ, что ему, наконецъ, и удалось въ іюнѣ 1611 года. Но и послѣ взятія Смоленска онъ все-таки не пошелъ на помощь Москвѣ, ограничившись посылкой отряда, а между тѣмъ положеніе поляковъ становилось все болѣе и болѣе критическимъ.

Однако на этотъ разъ смутныя надежды поляковъ оправдались. Въ самомъ ополченіи, вслѣдствіе его пестраго состава, стали возникать разнаго рода недоразумѣнія, приведшія въ концѣ концовъ къ распаду ополченія, что отчасти случилось подъ вліяніемъ приговора земскаго ополченія, отъ 30 іюня 1611 года. Согласно приговору, ополченіе, представлявшее собою не только военную силу, но и высшую правительственную власть, вручило исполнительную власть «противъ разорителей христіанскія вѣры» тремъ лицамъ: Прокопію Ляпунову и двумъ казацкимъ воеводамъ—кн. Д. Трубецкому и Ивану Заруцкому. Верховная же власть принадлежала «совѣту всей Земли»: дворянскимъ ополченіямъ и казацкимъ отрядамъ. Совѣтъ, утвердивъ ранѣе выбранныхъ военачальниковъ, опредѣлилъ гра-

ницы ихъ власти: «строить землю и ратнымъ дѣломъ помышлять»; но въ то же время они не могли «смертной казнью безъ земскаго и всей Земли приговора не по винѣ не казнити и по городамъ не ссылати». Дѣйствительно, виновныхъ въ разнаго рода преступленіяхъ исполнительная власть могла подвергать тому или другому наказанію не иначе, какъ «поговоря со всею Землею». Приведеніе въ исполненіе смертнаго приговора безъ земскаго приговора угрожало смертью нарушителю закона. Совѣтъ всей Земли избираетъ своихъ военачальниковъ только временно. Если онъ убѣдится, что они о земскихъ дѣлахъ «радѣти и расправы имати не учнутъ во всемъ вправду», то земскій соборъ можетъ ихъ смѣнить, замѣнить тѣми, кто «будетъ болѣе къ земскому дѣлу приходиться».

Далѣе соборъ занятъ организаціей центральнаго управленія, безъ котораго немыслимо правильное функціонированіе правительства. Такъ, въ подмосковомъ ополченіи учреждались приказы: Помѣстный, которому представлялось право исключительнаго вѣдѣнія мѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ, Большой разрядъ—для завѣдыванія списками служилыхъ людей, какъ находящихся на дѣйствительной службѣ, такъ и раненыхъ и убитыхъ. Этими двумя приказами были обезпечены учетъ и содержаніе военно-служилаго класса. Учреждались также Разбойный и Земскій приказы, для того, чтобы «сыскивати всякими мѣрами», если какіе-нибудь люди «учнутъ воровати, разбивати, грабити и душегубства чинити». Наконецъ, учреждались и финансовые приказы: Дворецъ, Большой Приходъ и Четверти для сбора поступающихъ доходовъ и хлѣбныхъ сборовъ.

Возстановивъ дѣйствіе центральныхъ, и притомъ главнѣйшихъ учрежденій, соборъ приступилъ къ огражденію служилыхъ людей, стараясь регулировать поземельныя отношенія, нарушенныя во время «великой разрухи». Съ этою цѣлью соборъ постановилъ отобрать помѣстья отъ тѣхъ служилыхъ людей, которые не явились къ 29 мая на службу подъ Москву, и оставить помѣстныя земли только за тѣми, «кто не могъ явиться на службу для бѣдности и разоренья, а не лѣнью и воровствомъ». Также отбирался и весь излишекъ земли, который могъ оказаться у помѣщиковъ сверхъ нормальной дачи, хотя бы владѣльцы ея и находились на службѣ. Мало того: за незаконное владѣніе землей приходилось «доходы и владѣнье на нихъ доправити». Отобранными землями пополнялся земельный фондъ для раздачи «безпомѣстнымъ, малопомѣстнымъ и разоренным». Захваченныя дворцовыя села и черныя волости отписывались на государя. Впрочемъ, соборъ изъ этого общаго правила допустилъ рядъ исключеній: 1) для вдовъ и дѣтей дворянъ, убитыхъ на службѣ; 2) для женъ и дѣтей тѣхъ дворянъ, которые принимали участіе въ посольствѣ и были задержаны подъ Смоленскомъ; 3) для дворянъ, которымъ были даны лишнія помѣстья за походъ отъ Новгорода къ Москвѣ. За всѣми этими лицами помѣстья оставались, соборъ не позволялъ ихъ отнимать. Помимо этого, соборъ постановилъ вознаградить всѣхъ лицъ замосковныхъ и другихъ городовъ за осадное сидѣніе пожалованіемъ въ вотчину части помѣстной земли, а также верстать помѣстьями дворянъ и дѣтей боярскихъ, если только они объявятъ «про свое разоренье» и не будутъ «старыхъ

помѣстій за собой таити» и «безпомѣстными себя называти».

Приводя въ порядокъ расшатанное помѣстное землевладѣніе, соборъ долженъ былъ удѣлить нѣкоторое вниманіе и провинціальной администраціи, освободившейся отъ центральной власти и въ своихъ дѣйствіяхъ руководившейся исключительно собственными интересами и выгодами. Въ силу этого правительство не получало никакихъ доходовъ, ибо если воеводская власть гдѣ-нибудь ихъ и собирала, то дальнѣйшаго движенія собранныя суммы уже не получали. Соборъ запрещалъ меньшимъ воеводамъ собирать самостоятельно денежные доходы. Таможенные и кабацкіе сборы отнынѣ должны собираться при помощи цѣловальниковъ изъ «Большого Приходу», ранѣе же собранные таможенные и кабацкіе сборы должны быть возвращены въ казну.

Наконецъ, послѣдняя группа постановленій касается спеціально вопроса о бѣглыхъ казакахъ. Рѣшеніе собора очень консервативно и узко-сословно. Никакихъ уступокъ низшимъ классамъ, — такъ можно формулировать его постановленіе. Соборъ требовалъ, чтобы всѣ бѣжавшіе и вывезенные крестьяне были возвращены старымъ помѣщикамъ. Этимъ распоряженіемъ должны были быть уменьшены кадры воровского казачества и удовлетворена настоятельная потребность помѣщиковъ въ рабочихъ рукахъ. Что же касается казачества, то ему разрѣшалось «верстаться помѣстными и денежными оклады» при условіи службы съ городовъ. Казаки же, не пожелавшіе верстаться на службу и получавшіе соотвѣтственное хлѣбное и денежное жалованье, тоже обязаны

были нести городскую службу. Во избѣжаніе грабежей соборъ постановилъ не посылать однихъ казаковъ для сбора военныхъ припасовъ, а командировать съ ними и служилыхъ людей, — очевидно, для контроля надъ казаками.

Такимъ образомъ постановленія собора имѣли въ виду исключительно интересы военнослужилаго класса и были рѣзко направлены противъ низшихъ классовъ. Въ приговорѣ 30 іюня вскрылся во всемъ его объемѣ антагонизмъ землевладѣльческаго и земледѣльческаго классовъ. Для послѣдняго возстановленіе порядка и стараго соціальнаго уклада готовило прежнюю кабалу, отнимало всякую надежду на возможность выхода изъ того тяжелаго положенія, въ какое оно попало въ XVI вѣкѣ изъ-за экономическихъ и соціальныхъ отношеній.

Этотъ соборный приговоръ и рѣшилъ дальнѣйшую судьбу дворянско-тяглаго ополченія. Особенно были раздражены казаки противъ Ляпунова. Статья о возвращеніи бѣглыхъ прошла исключительно благодаря вліянію Ляпунова. Послѣ этого въ ополченіи глухая вражда стала открытой; столкновенія между дворянствомъ и казаками стали постоянными.

Все это указывало на близость полнаго разрыва между союзниками. Ждали только повода для открытаго столкновенія. Такой поводъ скоро явился. Казаки, вопреки соборному приговору, продолжали ѣздить за «кормами», но эти поѣздки превращались въ настоящіе «воровскіе наѣзды» и оставляли послѣ себя разоренное и измученное насиліемъ и грабежами населеніе. Вождь дворянскаго ополченія при-

нимал всѣ мѣры къ прекращенію этихъ «наѣздовъ». Но чѣмъ энергичнѣе были его мѣропріятія, тѣмъ озлобленнѣе становились казаки. Наконецъ, 22 іюля въ казацкомъ таборѣ возникъ настоящій бунтъ, завершившійся убійствомъ Ляпунова. Съ его смертью дворянское ополченіе осталось безъ вождя. Наступило время господства казацкихъ элементовъ. Казацкіе отряды стали тѣснить и давить своихъ экономическихъ и политическихъ союзниковъ. Къ августу 1611 года подъ Москвой остались только одни казаки да бывшіе тушинцы, ставшіе управлять государствомъ сообразно своимъ интересамъ и видамъ. съ помощью учрежденій, созданныхъ приговоромъ 30 іюня. Провинціальные служилые люди разъѣхались «по городамъ и домамъ своимъ, боясь отъ Заруцкаго и казаковъ убійства». Такъ кончилась попытка консервативныхъ классовъ общества освободить государство отъ власти иноземцевъ неудачей.

Избранные «совѣтомъ всея Земли» военачальники, опираясь на его авторитетъ, первые проявили довольно интенсивную дѣятельность по управленію страной, приведенію въ порядокъ ея финансоваго хозяйства, снабженію арміи необходимыми военными припасами и пополненію ея ратными людьми. Финансовое положеніе страны дѣйствительно было отчаяннымъ. Правильнаго поступленія налоговъ не было, ибо не было правительства, всѣми признаннаго. Пользуясь этимъ, во многихъ мѣстахъ жители «самовольствомъ» перестали платить налоги, а если гдѣ и платили, то собранная сумма не попадала по назначенію, а задерживалась въ рукахъ администраціи. Не мало было злоупотребленій съ кабацкими

и таможенными сборами, — ихъ расхватывали провинціальные воеводы. При такомъ безпорядочномъ состояніи финансоваго вѣдомства приведеніе его въ порядокъ было настоятельной необходимостью, и за это дѣло и принялась исполнительная власть, въ лицѣ избранниковъ земскаго собора. Такъ, ею были разосланы грамоты воеводамъ о немедленномъ сборѣ «какихъ денежныхъ четвертныхъ доходовъ, и таможенныхъ, и кабацкихъ, и квасныхъ, и сусленныхъ и банныхъ, и перевозныхъ, и всякихъ денежныхъ доходовъ» и о немедленной присылкѣ «въ полки, не дожидаясь по себя въ томъ пристава съ прогоновъ». Помимо этого, должны были быть присланы копіи «съ писцовыхъ и съ дозорныхъ, и съ платежныхъ книгъ, по которымъ збираютъ ямскіе и съ Большого Приходу и четвертные всякіе денежные доходы», а также, таможенные и кабацкія, откупныя и уставныя грамоты, по которымъ... «кабакомъ и таможенною, и перевозною, и помѣрною, и сусленою, и квасною, и банною, и всякою откупною пошлиною владѣютъ», «буде которыя кабацкія и таможеныя деньги збираютъ вѣрные цѣловальники или откупщики». Посылая такого рода грамоты, правительство требовало, чтобы всѣ документы, присланные не за подписью Ляпунова или не изъ Большого Приказа съ подписью дьяковъ, считались недѣйствительными.

Возстанавливая по мѣрѣ возможности правильный сборъ налоговъ и регулярное поступленіе ихъ въ казну, исполнительная власть была вмѣстѣ съ тѣмъ занята исполненіемъ приговора 30 іюня объ отобраніи у воеводъ въ казну таможенъ и кабаковъ, ибо доходы съ тѣхъ и

другихъ составляли большую часть доходнаго бюджета. На основаніи этого постановленія правительство выдало откупныя грамоты. Однако не всегда такого рода распоряженія оказывались дѣйствительными. Такъ, пушкарь Жданъ Микулинъ, взявшій на откупъ Перемышльскій кабакъ совмѣстно съ крестьяниномъ П. Шиповымъ, пріѣхавъ на мѣсто, встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны «вѣрныхъ цѣловальниковъ того кабака», не обратившихъ никакого вниманія на откупную грамоту. Да и мѣстный воевода не позволилъ откупщикамъ приняться за откупное дѣло, оставивъ кабакъ въ рукахъ перемышльскихъ посадскихъ людей.

Параллельно откупной системѣ правительство прибѣгало къ назначенію въ тотъ или другой городъ «вѣрныхъ цѣловальниковъ», «чтобы земской казнѣ прибыльнѣе было». Но и такой способъ завѣдыванія «кабацкими сборами» встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны мѣстной администраціи, какъ можно видѣть изъ отношеній Михайловскаго воеводы и вѣрнаго кабацкаго головы. Оба они обвиняли другъ друга въ нерадивыхъ поступкахъ,—первый въ томъ, что «Истома Волковъ съ товарищи на кабакѣ ничѣмъ... боярскимъ дѣломъ не радѣетъ и корчемъ на посаде не внимаетъ... а кабакъ отъ ево нерадѣнія сталъ пустъ»... Кабацкій голова, съ своей стороны, жаловался на преступную небрежность со стороны воеводы, который не принимаетъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы не страдали интересы государства: по дворамъ варятъ «вино и брагу», благодаря сему «питушки въ кабакѣ нѣтъ»; такому положенію дѣлъ покровительствуетъ воевода и не даетъ людей «для выемки». Всѣ эти случаи могутъ

служить яркими примѣрами безначалія и административнаго произвола, царившаго въ странѣ.

Приводя въ извѣстность наличность текущихъ налоговыхъ поступленій и упорядочивая финансовое хозяйство, правительство должно было прибѣгнуть къ установленію новыхъ налоговъ для «ратныхъ людей». Такъ, 22 августа 1611 года «бояре и воеводы по совѣту всея Земли» постановили для ратныхъ людей, «которые подъ Москвою въ полкахъ»—собирать «на одежду шубы, съ сохи по двадцати семи шубъ, а съ трехъ вытій по шубѣ». Приговоръ требовалъ «збирати шубы просторны и не ветчаны». Завѣдываніе «шубнымъ сборомъ» сосредоточилось въ Разрядѣ. Обыкновенно по пріѣздѣ сборщика въ назначенный для него городъ онъ долженъ былъ немедлено произвести сборъ и «тѣ шубы всѣ сполна и роспись привезти имъ къ Москве, въ полки и отдати боярамъ, не мѣшкавъ ни часу». Наказъ, данный сборщикамъ «шубной подати», грозилъ въ случаѣ нарушенія правительственнаго распоряженія «всѣ убытки доправити нещадно» на сборщикѣ. При появленіи сборщика въ той или другой мѣстности мѣстный воевода долженъ былъ оказывать всякое содѣйствіе: дать «выписи съ сошныхъ, съ писцовыхъ, съ платежныхъ книгъ». Затѣмъ онъ слѣдилъ, чтобы сборщикъ составилъ подробный реестръ всего собраннаго. Провинціальное населеніе въ отвѣтъ на распоряженіе о новомъ налогѣ стало одолѣвать центральное правительство жалобами на свое разореніе и просьбами о невзиманіи съ нихъ этого сбора. Положеніе еще затруднялось тѣмъ, что ополченіе къ сентябрю фактически распалось и правительство уже не функціонировало. Въ чело-

битіяхъ недостатка не было: рязанцы жаловались на «разореніе»: «такое теперь все лѣто безъ выходу воюютъ татарове, крымскіе и ногайскіе люди... людей въ полонъ поимали, а иныхъ посекли»; серпуховскіе посадскіе люди и власти Высоцкаго и Владычня монастырей просили не брать шубъ «для нашіе бѣдности и разоренія», такъ какъ «на посадичину и съ монастырями живущаго нѣтъ, запустѣли отъ дорогово хлѣба и отъ литовскихъ людей и отъ крымскихъ людей войны». О томъ же просили и тверичане. Обращались къ правительству съ просьбой «о сложеніи сбора» «ради разоренія» и отдѣльныя лица,—помѣщики. Казацкому правительству волей-неволей приходилось считаться съ такого рода челобитчиками, и обыкновенно оно удовлетворяло ихъ просьбу. Въ общемъ можно признать, что «шубный сборъ былъ неудаченъ», и казакамъ пришлось не мало померзнуть подъ Москвой.

Кромѣ «шубнаго сбора» правительство должно было прибѣгнуть къ другимъ пріемамъ для добыванія средствъ «ратнымъ людямъ». Такъ, правительство обращалось съ призывомъ о добровольныхъ пожертвованіяхъ: «дать на жалованіе денегъ, сколько кому мочно... чтобы ратные люди отъ нужи не разошлися». Едва ли такого рода просьбы о «запросныхъ деньгахъ» имѣли успѣхъ. Вѣдь эти требованія шли отъ казацкаго правительства, захватившаго въ свои руки правительственныя учрежденія, возстановленныя приговоромъ 30 іюня 1611 года. Приводя въ порядокъ финансы страны и упорядочивая финансовое хозяйство, правительство ополченія назначало по городамъ воеводъ, смѣняло старыхъ, раздавало и отнимало помѣстья.

7. Нижегородское ополченіе.

Съ распаденіемъ подмосковнаго ополченія событія стали складываться все хуже и хуже. Сигизмундъ взялъ штурмомъ Смоленскъ, поляки хозяйничали въ Кремлѣ, въ іюлѣ былъ взятъ шведами Новгородъ. Согласно договору, послѣдній признавалъ шведскаго короля своимъ покровителемъ и избиралъ на московскій престолъ одного изъ шведскихъ королевичей. Въ Псковѣ появился новый самозванецъ—Сидорка, и Псковъ, оторванный отъ Москвы, раздираемый классовой борьбой, обострившей до крайности отношенія высшихъ и низшихъ классовъ, жилъ самостоятельною жизнью. Національное униженіе и анархія, охватившая всю страну, побуждали среди консервативныхъ элементовъ скорбныя чувства и заставляли общественную мысль лихорадочно искать выхода изъ создавшагося положенія.

Событія въ странѣ разрушили весь ея хозяйственный укладъ, подорвали экономическое положеніе городскихъ и дворянскихъ міровъ, и безъ того принесшихъ громадныя жертвы для возстановленія государственнаго и соціальнаго порядка. Будущее государства рисовалось современникамъ въ самомъ печальномъ свѣтѣ. Всѣмъ казалось, что на Руси наступило «конечное разореніе». Охваченная этимъ чувствомъ, мысль находитъ нѣкоторое успокоеніе и забвеніе въ религіозномъ подъемѣ, мистическомъ настроеніи, въ очищеніи себя постомъ и молитвою отъ «грѣха», чтобы потомъ съ новыми силами приняться за очищеніе страны. Ко всему этому страну постигъ большой неурожай. По словамъ современника, «настало такое лютое время Божьяго гнѣва, что люди не чаяли впредь себѣ

спасенія чуть ли не вся Русская земля опустѣла». Постомъ и молитвой облегчали свое душевное состояніе консервативные элементы общества.

Но такой упадокъ духа продолжался недолго. Обстоятельства не позволяли медлить. Надо было дѣйствовать и притомъ какъ можно скорѣе. Опять воскресаетъ мысль объ образованіи ополченія и о коллективномъ выступленіи противъ поляковъ и «казаковъ», стремившихся къ общественному перевороту. Невозможность солидарныхъ дѣйствій съ казаками была ясно доказана судьбой подмосковнаго ополченія. Трудно сказать, откуда вышла инициатива новаго движенія, гдѣ впервые раздался громкій голосъ, призвавшій къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Сношенія городовъ другъ съ другомъ начались сейчасъ же послѣ смерти Ляпунова. Пораженные этимъ извѣстіемъ, казанцы, оказавшіе столько услугъ подмосковному ополченію, немедленно увѣдомляютъ объ этомъ пермичей, и, указывая при этомъ на полное согласіе между ними и населеніемъ окрестныхъ городовъ, предлагаютъ: «быти всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеньѣ и за московское и за казанское государства стояти... и казаковъ въ городъ не пускати»... Извѣрившись въ правительственной власти, казанцы предлагаютъ признавать только такого государя, который будетъ избранъ «всею землею Россійской державы». Если же казаки приступятъ самостоятельно къ избранію государя, «не сослався со всею землею», то намъ того государя на государство не хотѣти». Наконецъ, казанцы просятъ пермичей немедленно увѣдомлять ихъ о всѣхъ вѣстяхъ «изъ городовъ» и «безъ вѣсти насъ не держати». Съ своей

стороны, казанцы обѣщаютъ немедленно увѣдомлять своихъ корреспондентовъ обо всемъ, «что у насъ про Московское государство какихъ вѣстей будетъ». Окружное посланіе казанцевъ нашло полное сочувствіе у пермичей. Они выражаютъ свое намѣреніе «въ совѣтѣ и въ соединеньѣ съ вами быти... и о православной христіанской вѣрѣ мы съ вами одномысленны». Такъ зародилась и мало-по-малу крѣпла мысль городовъ о необходимости солидарныхъ дѣйствій въ дѣлѣ устроенія государствъ. Заволновались снова городскіе міры, торговля и промыслы которыхъ пришли въ большой упадокъ отъ затяжного экономическаго кризиса, охватившаго всю страну.

Въ этотъ важный моментъ общественнаго подъема раздался громкій голосъ патріарха Гермогена. Ему удалось изъ своего мрачнаго подземелья переслать грамоту въ Нижній-Новгородъ. Онъ сообщалъ о новыхъ замыслахъ казаковъ посадить на царскій престолъ «Маринкиполькни сына». Онъ просилъ нижегородцевъ переслать грамоты «въ полки..., чтобы они стояли крѣпко въ вѣрѣ, чтобы они отнюдь на царство проклятаго Маринкина сына... не благословляли». Гермогенъ умолялъ нижегородцевъ разослать посланныя грамоты по городамъ, и «велѣти имъ говорити моимъ словомъ». Патріаршая грамота попала въ Нижній въ тотъ моментъ, когда все его населеніе пришло въ движеніе. Богатое посадское населеніе особенно почувствовало всю «разруху», когда стали сокращаться торговые и промышленные обороты. Принимавшій активное участіе въ подмосковномъ ополченіи, оставшійся вѣрнымъ московскому прави-

тельству даже тогда, когда большая часть городовъ «московскаго царствія» признала тушинскаго вора, Нижній и теперь ясно сознавалъ всю тяжесть создавшагося послѣ смерти Ляпунова положенія и крайнюю необходимость немедленно приступить къ активнымъ дѣйствіямъ для возстановленія какого-нибудь порядка. Уже въ сентябрѣ 1611 г. нижегородцы во главѣ со своимъ земскимъ старостой Козьмой Мининымъ думали о томъ, какъ освободиться отъ враговъ. Тогда же былъ составленъ и приговоръ «мірского совѣта», которымъ устанавливался особый налогъ для сбора ратныхъ людей. Полученныя посланія Гермогена и Троице-Сергіевой Лавры убѣдили нижегородскій посадскій міръ въ правильности своей мысли. Правда, между грамотами патріарха и Троице-Сергіевой Лавры была существенная разница: патріархъ призывалъ бороться не только съ поляками, но и съ казаками, едва ли не большимъ, чѣмъ поляки, врагомъ, и утверждалъ, что вся земля должна объединиться для борьбы съ поляками и казаками; грамоты троицкаго архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына, наоборотъ, приглашали всѣхъ русскихъ людей бороться «за православную, крестьянскую вѣру»... Для существа дѣла это значительное различіе въ грамотахъ не имѣло большого значенія. Важно было ихъ принципіальное значеніе—призывъ къ борьбѣ, о которой подумывали и сами практически настроенные нижегородцы. Важно было и то, что ихъ не вполнѣ сознанныя мысли и чувства совпадали съ мыслями самого патріарха, и, такимъ образомъ, какъ бы заранѣе получали святительское благословеніе.

Неописуемый энтузіазмъ овладѣлъ народомъ

послѣ прочтенія грамоты Гермогена. Призывъ Минина «ополчаться» и «дать деньги» на ратное дѣло нашелъ полное одобреніе со стороны собравшихся нижегородцевъ. Было рѣшено собирать «третью деньгу» съ пожитковъ и промысловъ, не считая добровольныхъ пожертвованій. Для завѣдыванія сборами на ратное дѣло былъ избранъ Козьма Мининъ. Деньги собирали не только въ городѣ, но и по всему уѣзду, и если кто-нибудь отказывался платить, то брали силой. Съ образованіемъ денежнаго фонда можно было приступить къ формированію «рати». Недостатка въ военныхъ силахъ не было. Разоренные смутою провинціальные служилые люди, не имѣвшіе никакихъ средствъ для своего содержанія, всѣ вошли въ составъ нижегородскаго ополченія, идеѣ котораго они, конечно, должны были сочувствовать. Услышавъ о нижегородскомъ движеніи, служилые люди со всѣхъ концовъ московскаго государства направились въ Нижній, проникнутые ненавистью къ полякамъ и къ казакамъ. Военной силы уже вполнѣ было достаточно, недоставало только вождя. И по указанію Минина выборъ палъ на стольника, князя Д. М. Пожарскаго. Онъ не выдавался оосбенными военными дарованіями, но былъ извѣстенъ своей преданностью законному правительству въ Москвѣ и не признавалъ ни тушинскаго вора, ни Сигизмунда. Такой человѣкъ былъ наиболѣе подходящимъ для задуманнаго дѣла. Стать во главѣ ополченія Пожарскій согласился не сразу и подъ условіемъ, чтобы былъ избранъ какой-нибудь посадскій человѣкъ для завѣдыванія матеріальной частью ополченія. Избраннымъ оказался Мининъ.

Когда ополченіе уже составилось, нижего-

родцы стали разсылать грамоты по городамъ съ призывомъ о помощи. Призывъ не остался безъ отвѣта. Служилые люди низовыхъ и украинныхъ городовъ шли въ Нижній. Возникло только серьезное недоразумѣніе съ Казанью, но отправленному посольству во главѣ съ нижегородскимъ протопопомъ Саввой удалось уладить недоразумѣніе, и больше ужъ не возникало никакихъ существенныхъ разногласій. Въ мартѣ 1612 года ополченіе выступило изъ Нижняго и направилось въ Ярославль, увеличивая по дорогѣ кадры ратныхъ людей. Походъ на Ярославль имѣлъ большое значеніе. Тяглые и служилые люди этого края были главными участниками борьбы и противъ вора и противъ поляковъ. Можно было разсчитывать и на матеріальную и на военную помощь. Изъ Ярославля удобно было сноситься со всѣмъ сѣверомъ, оттуда же было легко слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ. Нижегородское ополченіе не торопилось. Только въ апрѣлѣ оно достигло Ярославля. Тутъ были получены печальныя извѣстія отъ архіепископа Діонисія и келаря Авраамія Палицына о присягѣ псковскому самозванцу казацкаго бояриНа-вождя князя Димитрія Трубецкого. Правда, авторы посланія говорили о присягѣ Трубецкого, какъ данной «неволей», но отъ этого положенія дѣла мало мѣнялось и только подчеркивало правильность дѣйствій нижегородцевъ, не желавшихъ принимать въ свое ополченіе казаковъ, враговъ существующаго соціальнаго строя.

Когда нижегородское ополченіе прибыло въ Ярославль, первымъ актомъ его вождей была разсылка грамотъ по городамъ съ призывомъ «по всемірному своему совѣту пожаловати бо-

вамъ прислати къ намъ, кто всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками». Выборные приглашались для выполненія плановъ и желаній городскихъ міровъ—«по совѣту всего государства выбрати общимъ совѣтомъ государя, кого намъ милосердный Богъ, по правильному своему человѣколюбію дастъ». На ряду съ этимъ грамота указывала на необходимость новыхъ денежныхъ сборовъ, такъ какъ прежнія «деньги розданы дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ ратнымъ людямъ». Такая грамота была разослана въ самомъ началѣ апрѣля 1612 года.

Призывъ Пожарскаго и его товарищей не остался безъ отклика. Скоро стали пріѣзжать уполномоченные городовъ. Едва ли не первыми откликнулись сѣверо-восточные города, и мало-по-малу въ Ярославлѣ образовался обычный земскій соборъ. Правда, здѣсь былъ не полный «освященный соборъ». Здѣсь не было патріарха, который уже умеръ въ Москвѣ, митрополитъ новгородскій былъ у шведовъ, митрополитъ ростовскій—въ рукахъ поляковъ. Не было даже и многочисленныхъ бояръ, такъ какъ «всѣ бояре» сидѣли въ Москвѣ. Бояръ замѣнили начальники мѣстныхъ ополченій. Зато было не мало представителей служилаго и тяглаго сословій. Такъ образовался «совѣтъ всея Земли». Въ глазахъ населенія и иностранцевъ онъ является верховнымъ правителемъ всего русскаго народа. Онъ выносилъ приговоры, дѣлалъ тѣ или другія постановленія, которымъ подчинялась исполнительная власть, завѣдывавшая одними только военными дѣлами. Въ рукахъ совѣта, какъ и у вождей второго ополченія, сосредоточилось все управленіе страной. Послѣд-

няя находилась въ довольно хаотическомъ состояніи. Надо было раздавать помѣстья служилымъ людямъ, отнимать незаконно захваченныя земли, назначать и собирать налоги, вести борьбу съ казаками, приводить въ порядокъ разоренные города. Конечно, всѣ распоряженія Пожарскаго руководствовались рѣшеніями общеземскаго совѣта.

Занимаясь организаціей управленія, Пожарскій не торопился въ Москву. Тамъ между поляками царили смущеніе и боязнь лишиться своей власти. Какъ только въ Москвѣ было получено извѣстіе о новыхъ приготовленіяхъ къ походу противъ поляковъ, послѣдніе потребовали отъ Гермогена, чтобы онъ остановилъ движеніе. Патріархъ на это отвѣчалъ: «Да будетъ надъ ними милость и благословеніе отъ нашего смиренія, а на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій и да будутъ они прокляты въ семъ вѣкѣ и будущемъ». Тогда поляки, видя его стойкость, уморили его голодомъ, и 17 февраля 1612 года Гермогенъ скончался, такъ и не увидѣвъ освобожденія Москвы отъ поляковъ. Смерть Гермогена не улучшила положенія поляковъ, скорѣе даже ухудшила. Извѣстіе о его смерти только убѣдило ополченіе въ необходимости скорѣйшаго освобожденія Москвы отъ поляковъ.

Поведеніе шведовъ было нѣсколько инымъ. Узнавъ о сформированіи въ Ярославлѣ «земскаго собора», они черезъ новгородцевъ вступили съ ними въ сношеніе. Отъ Новгородскаго митрополита Исидора и отъ боярина кн. Ивана Одоевскаго была послана въ Ярославль грамота, въ которой сообщалось о заключеніи договора со шведами и объ отправкѣ «посланни-

ковъ Новгородскаго государства» въ Ярославль для договоровъ «о земскомъ дѣлѣ» съ цѣлью избранія на московскій престолъ шведскаго королевича. Но кандидатура шведскаго королевича была рѣшительно безнадежна. Ни Пожарскій, ни «совѣтъ всея Земли» не имѣли ни малѣйшаго намѣренія избирать на московскій престолъ иностраннаго принца. Противъ его кандидатуры говорили также всѣ послѣдствія, связанныя съ избраніемъ на престолъ королевича Владислава. Однако открытое заявленіе объ этомъ въ данный моментъ явилось бы большой политической ошибкой. Для земскаго ополченія было очень важно, чтобы Новгородъ либо оказалъ какую-нибудь помощь противъ поляковъ, либо, по крайней мѣрѣ, оставался нейтральнымъ. Поэтому въ іюлѣ 1612 года отъ имени кн. Пожарскаго и «земскаго собора» была отправлена грамота, въ которой они выражали свое желаніе жить въ мирѣ съ новгородцами и принципіально принимали кандидатуру шведскаго королевича на престолъ. Пожарскій обѣщалъ немедленно послать въ Новгородъ посольство «изо всякихъ чиновъ, какъ дастъ Богъ королевичъ Карло-Филиппъ въ Великій Новгородъ прибудетъ».

Усилившееся значеніе земскаго ополченія было подмѣчено и бояриномъ Трубецкимъ. Онъ и его сподвижники начинаютъ искать случая, какъ бы опять сблизиться и соединиться съ своими соціальными антагонистами. Сначала Пожарскій и его сотоварищи были противъ союза съ казаками. Правда, они представляли собою не малую силу, и земскому ополченію рискованно было совсѣмъ оттолкнуть ихъ отъ себя, но прошлое казаковъ говорило противъ сбли-

женія съ ними. Въ то же время установленіе тѣхъ или иныхъ отношеній съ казаками было прямо-таки необходимо. Окрестности Москвы были всецѣло въ ихъ рукахъ, и они своими дѣйствіями могли создать серьезныя препятствія ополченію. Но пока ополченіе двигалось къ Москвѣ, отношенія съ казаками попрежнему оставались невыясненными. Когда ополченіе подошло къ Москвѣ, казаки уже расположились около нея станомъ. Обѣ стороны не скрывали своей непріязни и готовы были броситься другъ на друга. Во время боя подъ Москвой 22 августа казаки открыто сочувствовали полякамъ и явно ненавидѣли ополченіе, хорошо зная, что ждетъ ихъ въ случаѣ побѣды этого ополченія. Не сближаясь со всѣмъ казачествомъ Пожарскому, однако, удалось перетянуть на свою сторону вождей казачества и бывшихъ съ ними служилыхъ людей. Съ сентября Трубецкой и Пожарскій уже дѣйствуютъ солидарно, о чемъ особой грамотой были извѣщены города. Въ концѣ концовъ соединенныя усилія казаковъ и земщины увѣнчались успѣхомъ. 22 октября 1612 года Москва была взята. Дѣло, задуманное городскими мірами, было по внѣшности закончено. Москва была вырвана изъ рукъ иностранцевъ и казаковъ. Теперь ею завладѣли состоятельные консервативные классы,—и они явились господами создавшагося положенія.

III.

Ликвидація Смуты.

1. Начало новой династіи.

Рѣшительныя дѣйствія консервативныхъ круговъ общества увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Завѣтная мысль руководителей второго ополченія—отнять Москву изъ рукъ врага—была вполнѣ осуществлена. Но взятіемъ Москвы, конечно, не могла ограничиться дѣятельность торжествующихъ руководителей второго ополченія. Необходимо было немедленно приступить къ принятію радикальныхъ мѣръ, къ возстановленію государственнаго порядка. Царившая въ странѣ неурядица, ожесточенная классовая борьба требовали твердой и законной власти, опираясь на которую служило - посадскіе элементы могли подчинить себѣ общественные слои, которые своими дѣйствіями сильно подрывали ихъ матеріальное благосостояніе. Съ избраніемъ новаго государя нельзя было медлить. Шли толки о походѣ Сигизмунда на Москву; между «казачествомъ и воинствомъ» снова начались раздоры, грозившіе затянуться на продолжительное время и еще болѣе сгустить напряженную политическую атмосферу. Руководители ополченія, въ рукахъ которыхъ находилась верховная власть послѣ взятія Москвы, во главѣ съ княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, и занялись осуществле-

ніемъ земской мысли о народномъ избраніи новаго государя. Сейчасъ же послѣ очищенія Москвы были разосланы по городамъ грамоты.

Правительство приглашало новыхъ выборныхъ въ Москву «по десяти человѣкъ отъ городовъ для государственныхъ (земскихъ) дѣлъ». Съѣхавшіеся выборные должны были составить совѣтъ всей земли и избрать новаго государя. Выборные съ инструкціями своихъ избирателей стали съѣзжаться къ январю 1613 года, и несомнѣнно, въ январѣ мѣсяцѣ, земскій соборъ уже функціонировалъ. Соборъ отличался многолюдствомъ; на немъ были представлены всѣ группы населенія, не исключая и «уѣздныхъ людей», благодаря чему «совѣтъ всей Земли» превратился во всесословное представительство. Въ настоящее время трудно возстановить картину засѣданія собора, почти невозможно разобраться въ партійной группировкѣ его членовъ, но эта послѣдняя, конечно, существовала, хотя и не бросалась рѣзко въ глаза. Слишкомъ велика была противоположность интересовъ служилой массы съ одной стороны, и казачества—съ другой, чтобы она такъ или иначе не отразилась на партійной группировкѣ членовъ собора 1613 г. Помимо этого, долженъ былъ вскрыться во всей полнотѣ старый антагонизмъ между прежней аристократіей, сильно порѣдѣвшей въ эпоху «великой разрухи», и широкими слоями служилой массы, которые вступили между собой въ политическій союзъ только подъ вліяніемъ соціальнаго протеста со стороны крѣпостного крестьянства и казачества.

Конечно, это не могло не отразиться на продуктивности работы собора. Не даромъ памятники того времени говорятъ, что «многіе дни

быть собраніе людемъ, дѣла же утвердити не могутъ и веуе мятутся сѣмо и овамо», такъ какъ каждый хотѣлъ поступить по-своему: «Кійждо бо хотяще по своей мысли дѣлати». Конечно, при существовавшемъ соціальномъ антогонизмѣ и затрудненномъ внѣшнемъ положеніи было крайне трудно сговориться и прійти къ одному рѣшенію, одинаково пріемлемому для всѣхъ общественныхъ группъ. Участники собора, конечно, придумывали не мало политическихъ комбинацій, такъ или иначе разрѣшившихъ поставленную на очередь политическую задачу, но въ то же время искусно обходившихъ антагонизмъ между боярами-княжатами и средними слоями служилаго сословія.

Одной изъ такихъ мало удачныхъ комбинацій явилась кандидатура королевича Карла-Филиппа на московскій престолъ, серьезно поддерживаемая княземъ Д. М. Пожарскимъ. Средніе служилые классы выдвигали прежнюю свою неудачную кандидатуру—королевича Владислава. Но, конечно, обѣ эти кандидатуры были непріемлемы, хотя и поддерживались лицами, имѣвшими большой политическій вѣсъ и значеніе. Какъ могли члены «совѣта всей Земли» остановиться на кандидатурѣ иностраннаго принца, когда города русской земли были захвачены тѣми же иностранцами. И естественнымъ отраженіемъ предполагаемаго настроенія земскаго собора было постановленіе его о неизбраніи государемъ иностранца. Одновременно съ этимъ соборъ вынесъ резолюцію, чтобы никого «нехристіанской вѣры греческаго закона на Владимірское и Московское государство не избирать». Отпадалъ также самъ собой вопросъ о кандидатурѣ на престолъ какого-нибудь пред-

ставителя старой аристократіи. Не говоря уже о томъ, что средніе слои служилаго класса никоимъ образомъ не согласились бы на это избраніе, среди знатныхъ бояръ не было никого, кто могъ бы или рѣшился выставить свою кандидатуру. Московскіе бояре, сидѣвшіе въ Кремлѣ совмѣстно съ поляками, были удалены въ города и разсматривались, какъ измѣнники. Лучшій представитель боярства, кн. В. Голицынъ, былъ въ плѣну у поляковъ, и на земскомъ соборѣ не было никого, кто имѣлъ бы большее моральное вліяніе въ обществѣ и своимъ нравственнымъ авторитетомъ могъ бы поддержать свою кандидатуру. Впрочемъ, нѣкоторые изъ знати питали смутную надежду возсѣсть на Владимірскомъ столѣ,—не даромъ говоритъ лѣтописецъ, что «многіе же отъ вельможъ, желающи быть царемъ, подкупахуся, многимъ и дающи и обѣщающи многіе дары».

Въ концѣ концовъ выборъ собора остановился на шестнадцатилѣтнемъ Михаилѣ Романовѣ. Кажется, его кандидатура вышла изъ среды казачества, близкаго къ Романовымъ по Тушину. Тѣмъ не менѣе она являлась прекраснымъ выходомъ изъ создавшагося положенія и усмиряла взволнованныя политическія страсти. Въ пользу его говорила и принадлежность къ незнатной боярской фамиліи и отдаленное родство съ угасшей старой династіей. Съ этой стороны для среднихъ классовъ служилаго сословія кандидатура Михаила Θеодоровича была наиболѣе пріемлема: для нихъ онъ былъ своимъ человѣкомъ. Конечно, для этихъ классовъ было бы пріятнѣе видѣть на престолѣ лидера среднихъ классовъ—митрополита Филарета, но это было невозможно; за отсутствіемъ отца, останови-

лись на сынѣ. Нареченіе Михаила царемъ состоялось 7 февраля, но офиціальное объявленіе результатовъ избранія было отложено до 21 февраля, чтобы за это время могло окрѣпнуть настроеніе собора и чтобы избраніе явилось дѣйствительно «аки едины усты». Остановившись на кандидатурѣ Михаила Θеодоровича, соборъ призвалъ въ Москву бояръ съ княземъ Мстиславскимъ во главѣ «для общаго земскаго совѣта». Словно желалъ воочію убѣдиться, что Мстиславскій и его товарищи не будутъ противодѣйствовать кандидатурѣ Михаила Романова. Одновременно послали довѣренныхъ лицъ во «всѣ города московскаго царствія» для провѣрки настроенія населенія «по государево обиранье».

Но соборъ не ожидалъ возвращенія своихъ агентовъ и, убѣдившись, что избраніе будетъ «единомышленнымъ и неразратнымъ», 21 февраля торжественно провозгласилъ Михаила Θедоровича «государемъ всея Руси». Послѣ избранія земскому собору нужно было довести до свѣдѣнія самого Михаила Θедоровича о состоявшемся избраніи, а также убѣдить его принять отъ собора царскую корону, если онъ будетъ отказываться отъ нея по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Была снаряжена немедленно депутація къ новоизбранному царю. Но гдѣ находился молодой государь, въ дѣйствительности никто не зналъ. Посольство отправлялось наугадъ, «туда, гдѣ онъ, государь, будетъ» и попало въ Ярославль. Тутъ и были получены точныя свѣдѣнія о пребываніи Михаила Θедоровича съ матерью въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Изъ Ярославля посольство отправилось въ Кострому, а оттуда съ многочисленнымъ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій

монастырь. Соборное челобитье было встрѣчено Михаиломъ Θеодоровичемъ и его матерью не только безъ радости, а даже «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ». Воспитательница-мать отказывалась дать свое согласіе на челобитіе собора по разнымъ соображеніямъ, и нельзя не признать, что она имѣла основаніе въ этомъ, если только видѣть въ отказѣ отъ престола искренній шагъ, а не одно притворство. Мать молодого Михаила указывала на разореніе страны. Царская казна расхватана, и государю нечѣмъ будетъ «служилыхъ людей жаловати и свои государевы обиходы полнити и противъ недруговъ стояти». Инокиня Марθа прекрасно понимала, что новому государю, столь торжественно и въ совершенно необычной формѣ приглашаемому на престолъ, придется потратить не мало силъ и средствъ для борьбы съ врагами и для укрѣпленія своего престола. Пугала также мать Михаила и перемѣнчивость настроенія, шаткость взглядовъ, быстрый переходъ отъ одного государя къ другому. Русскіе люди,—говорила посольству старица Марθа,—«измалодушествовались» и, давъ клятву своимъ государямъ, неоднократно имъ измѣняли, хотя сами же посадили ихъ на престолъ. Вполнѣ понятно, что мать боялась, какъ бы ея сына не постигло «погубленіе», если только онъ возсядетъ на московскомъ столѣ. Указывая на «шатость» убѣжденій и быструю измѣнчивость политическаго настроенія господствующихъ круговъ, инокиня Марθа касалась самого больного вопроса. Помимо «шатости» взглядовъ мать Михаила находила невозможнымъ, чтобы онъ возсѣлъ на московскомъ престолѣ безъ благословенія отца, который находился въ плѣну.

Ми-

Инокиня Мареа опасалась, какъ бы воцареніе Михаила не вызвало какой-либо мести со стороны польскаго правительства по отношенію къ митрополиту Филарету. Соборное посольство признавало цѣлесообразными доводы инокини Мареы, но въ то же время указывало на то, что они достаточно проучены, говорили, что теперь всѣ «пришли въ соединеніе».

Послѣ долгихъ «моленій» посольству удалось получить согласіе инокини Мареы отпустить Михаила въ Москву. Свое согласіе она мотивировала только настойчивымъ желаніемъ посольства и даннымъ имъ обѣщаніемъ, что «московскаго государства всякихъ чиновъ люди ему, государю, учнутъ служити и прямити во всемъ», и что всѣ они готовы на всякія жертвы, необходимыя для спасенія государства. Давъ свое согласіе на «челобитье« собора, инокиня Мареа заняла выжидательную позицію и не торопилась съ отправкою въ Москву, словно выжидая хода дальнѣйшихъ событій въ Москвѣ и провѣряя, насколько были искренни «моленія» посольства.

Только 19 марта Михаилъ выѣхалъ изъ Костромы, а 21 уже прибылъ въ Ярославль, откуда послалъ земскому собору большое посланіе, призывая всѣхъ бояръ и всякихъ людей «на чемъ намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стоять въ крѣпости разума своего, безо всякаго позыбанія намъ служить, прямить, воровъ царскимъ именемъ не называть, ворамъ не служить, быть вамъ между собою въ единеніи и любви.... а мы васъ за вашу правду и службу рады жаловать». Въ отвѣтъ на царское посланіе собору оставалось пролить слезы «умиленія и радости» и просить царя по-

скорѣе пожаловать «въ царствующій градъ». Но Михаилъ не торопился, откладывая отвѣтъ подъ разными предлогами, очевидно, желая болѣе подробно ознакомиться съ настроеніемъ избирательнаго собора. Между соборомъ и царемъ все время велась переписка, но Михаилъ, словно не понимая ея смысла, сидѣлъ въ Ярославлѣ, не двигался въ Москву. Только 17 апрѣля царскій кортежъ отправился въ столицу «преславнаго царства», куда и прибылъ второго мая, встрѣченный торжественно при въѣздѣ въ городъ всѣмъ московскимъ населеніемъ. Новый государь былъ еще очень молодъ, ему еще не минуло 16 лѣтъ. Онъ былъ небольшого роста и никому не импонировалъ ни своимъ умомъ, ни своимъ образованіемъ. Было ясно, что избраніе Михаила—своеобразная политическая комбинація, придуманная для примиренія партійныхъ разногласій. И, дѣйствительно, личныя достоинства и качества кандидата на престолъ не имѣли никакого значенія. Былъ бы онъ только «удобнѣйшимъ» тѣмъ, кто посадилъ его на московскій престолъ.

Существуетъ цѣлый рядъ указаній на то, что царскій престолъ достался Михаилу цѣною ограниченія своей власти. Къ сожалѣнію, однако, сама «запись» не сохранилась, и это даетъ историкамъ нѣкоторое основаніе относиться вполнѣ отрицательно къ самому вопросу о возможности ограниченія царской власти. Тѣмъ не менѣе всетаки существуютъ косвенныя доказательства, говорящія объ ограничительной записи царя Михаила, и хотя эти данныя и лишаютъ возможности современнаго историка дать утвердительный отвѣтъ на вопросъ о «записи», всетаки съ ними нужно считаться.

Такъ, русскій подъячій Григорій Котошихинъ въ своемъ описаніи «Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича», указываетъ, что царь Алексѣй при вступленіи на престолъ не далъ на себя никакой записи, тогда какъ «отецъ его, блаженной памяти царь Михайло Ѳедоровичъ, хотя «самодержцемъ» писался, однако, «безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего». Другой авторъ, современникъ смуты, псковскій лѣтописецъ, также указываетъ на ограниченіе власти. По его словамъ, бояре, избравъ царя Михаила на царство, «привели его къ присягѣ, что если на комъ изъ ихъ вельможнаго и боярскаго рода будетъ вина въ преступленіи, то не казнити ихъ, но разсылати въ заточеніе». Такой образъ дѣйствій боярства не нравился современнику псковитянину, обвинявшему бояръ, что они «лестью уловили царя». Объ ограниченіи власти царя Михаила даютъ кое-какія свѣдѣнія и иностранцы, правда, жившіе въ XVIII в. По словамъ Фокердоте, члены земскаго собора рѣшили не выбирать себѣ никого въ цари, кромѣ того, «который подъ присягой обѣщается предоставить полный ходъ правосудію по старинымъ законамъ, никого не будетъ судить своей государскою властью, не будетъ вводить новыхъ законовъ безъ согласія земскаго собора, а тѣмъ менѣе отягощать подданныхъ новыми налогами или рѣшать, что бы то ни было въ дѣлахъ войны и мира». По его словамъ, всѣ эти условія были подписаны царемъ Михаиломъ.

Рѣшительнѣе всѣхъ другихъ высказался противъ «Записи царя Михаила» въ послѣднее время историкъ Платоновъ. По его мнѣнію, всѣ имѣющіяся извѣстія не могутъ быть признаны

достовѣрными и не заслуживаютъ никакого довѣрія. Всѣмъ этимъ извѣстіямъ, сколько бы ихъ ни было, рѣшительно нельзя вѣрить. Разбирая соотношеніе силъ на избирательномъ Соборѣ 1613 года и указывая на обостренія по вопросу о кандидатѣ на престолъ, Платоновъ замѣчаетъ, что боярская среда своей предшествовавшей дѣятельностью потеряла всякій кредитъ въ обществѣ, и потому всякіе разговоры объ ограниченіи должны были быть прерваны въ самомъ началѣ, а при такомъ положеніи дѣлъ самая догадка объ ограниченіи власти царя, на избраніе котораго оно не имѣло никакого вліянія, является совершенно «недопустимой». Профессору Платонову нельзя отказать въ мастерскомъ анализѣ памятниковъ, сохранившихъ скудныя извѣстія объ ограничительной записи, но едва ли можно согласиться съ категорическими выводами историка, совершенно не учитывающаго политическаго настроенія русскаго общества въ эпоху «смуты». Конечно, нѣтъ спора, извѣстія о «записи» довольно противорѣчивы, но цѣлый рядъ соображеній дѣлаетъ ее вполнѣ возможной. Вѣдь стремленіе гарантировать населенію законность въ управленіи и одновременно желаніе связать власть опредѣленными юридическими нормами проходитъ красной чертой всю «смуту» со времени выступленія на арену среднихъ и низшихъ служилыхъ чиновъ, а также городскихъ міровъ. Можно допустить, что консервативные элементы общества, избравшіе царя, желая укрѣпить власть и приблизить ее къ населенію, отобрали отъ Михаила «запись», которую впослѣдствіи было нетрудно уничтожить, когда выяснилась нежелательность ея существованія для новой династіи. Если ограни-

ченіе было дано, то, конечно, только въ пользу «совѣта всей Земли». Его генезисъ надо искать не въ настроеніи боярства на земскомъ соборѣ 1613 года, а въ Тушинскомъ лагерѣ, какъ думаетъ профес. Дьяконовъ,—въ кружкѣ сгруппировавшемся около Тушинскаго «патріарха» Филарета, откуда вышла ограничительная запись королевича Владислава. Разъ этотъ кружокъ держалъ власть въ своихъ рукахъ въ первые годы царствованія до прибытія Филарета, то изъ этой среды, по мнѣнію Дьяконова, и могла быть сдѣлана попытка къ ограниченію власти избираемаго государя. Такимъ образомъ, по предположенію профессора Дьяконова, «въ общественной средѣ, игравшей роль при избраніи государя, были налицо элементы, воспитанные въ духѣ новыхъ политическихъ взглядовъ, выработавшихся подъ вліяніемъ событій смутнаго времени. Отъ нихъ и могла исходить попытка ограничить власть избираемаго государя». Недаромъ лидеръ Тушинскаго кружка конституціоналистовъ, узнавъ о созывѣ земскаго собора и не зная, что его сынъ будетъ избранъ царемъ, давалъ дружескій совѣтъ своимъ политическимъ единомышленникамъ, «пиша изъ польскаго плѣна», что возстановить власть прежнихъ государей,—значитъ, подвергнуть отечество опасности и окончательной гибели, и онъ скорѣе готовъ умереть въ польской неволѣ, чѣмъ видѣть такое несчастье.

2. Внѣшняя политика въ XVII в.

Съ избраніемъ на престолъ Михаила былъ возстановленъ государственный порядокъ, но однимъ внѣшнимъ возстановленіемъ государственнаго правопорядка смута далеко еще не была

прекращена, и новому правительству предстояла тяжелая и упорная борьба съ ея послѣдствіями въ области внутренней и внѣшней политики. А ихъ было не мало. Въ этомъ отношеніи вся жизнь московскаго государства складывалась подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ минувшей смуты. Новая династія, вступивъ на престолъ, застала государство значительно уменьшеннымъ въ своихъ размѣрахъ. Часть его территоріи была въ рукахъ иностранцевъ. Поляки захватили Смоленскъ и оставались полными хозяевами въ Смоленской-Сѣверской землѣ. Въ рукахъ шведовъ оставалась большая часть Новгородской земли — вслѣдствіе чего Московское государство было еще дальше отрѣзано отъ давно желанныхъ береговъ Балтійскаго моря. Такое уменьшеніе территоріи, конечно, положило особый отпечатокъ на внѣшнюю политику новой династіи, и ея представители напрягали всѣ усилія, чтобы вернуть отобранныя земли, не щадя народныхъ средствъ и мало думая о томъ, какъ отражалась на родномъ хозяйствѣ и трудѣ столь интенсивная внѣшняя политика.

Династія, возведенная на престолъ въ моментъ весьма критическій для государства, своей интенсивной политикой стремилась поскорѣе ликвидировать внѣшнія послѣдствія, столь обидныя и тягостныя для національнаго самолюбія. Благодаря этому XVII вѣкъ—вѣкъ безконечныхъ войнъ, не всегда удачно кончавшихся, но очень дорого стоившихъ населенію, ибо давали иногда только отрицательные результаты; войны страшно напрягали платежныя силы населенія; истощая и разоряя его, онѣ заставляли тяглеца оставлять насиженныя

женныя мѣста и искать счастья въ вольной степи, вслѣдствіе чего правительство все время испытывало весьма серьезныя финансовыя затрудненія. Это же заставляло его съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ оно воевало, бороться съ бѣгствомъ населенія. Такъ создавалась война на два фронта—съ внѣшними и внутренними врагами.

Новое правительство довольно энергично принялось за внѣшнюю политику. Поэтому, какъ только привели въ порядокъ, хотя бы лишь отчасти, разстроенные финансы, Михаилъ послалъ противъ шведовъ для освобожденія Новгорода, боярина князя Д. Трубецкого. Но это назначеніе врядъ-ли можно признать удачнымъ. Кн. Трубецкой не отличался рѣшительно никакими военными способностями, не пользовался никакимъ авторитетомъ въ арміи и вслѣдствіе этого былъ не въ силахъ поддержать въ ней должный порядокъ. По словамъ лѣтописца—въ арміи все время царило «нестроеніе великое и грабежи отъ казаковъ и отъ всѣхъ людей».

Начало военныхъ дѣйствій было довольно неудачно. Трубецкой, окруженный Делагарди подъ Бронницами, долженъ былъ отступить къ Торжку съ значительной потерей ратныхъ людей. Сами воеводы едва убѣжали отъ преслѣдовавшаго ихъ по пятамъ непріятеля. Это происходило весной 1614 года. Неудача русской арміи побудила Густава-Адольфа къ рѣшительному выступленію противъ Московскаго государства съ цѣлью побудить новое правительство заключить выгодный для Швеціи миръ. Уже осенью 1614 года онъ овладѣлъ Гдовомъ, а въ іюлѣ 1615 года осадилъ Псковъ,

такъ какъ, несмотря на военныя неудачи, новое правительство не проявляло никакого намѣренія вступить со шведами въ мирные переговоры. Началась осада, но при весьма неблагопріятныхъ для шведовъ предзнаменованіяхъ. Первая атака была отбита. Шведы потеряли въ числѣ убитыхъ своего храбраго генерала Эверта-Гронъ. И другія атаки окончились столь же неудачно. Псковъ не сдавался и отбивалъ всѣ атаки непріятеля. Мечта Густава-Адольфа—продиктовать условія мира Москвѣ послѣ взятія Пскова—не осуществилась.

Среди разгара враждебныхъ дѣйствій англійское правительство предложило свое посредничество. Обѣ стороны устали отъ войны и желали почетнаго мира. Въ особенности онъ былъ необходимъ Москвѣ, чтобы послѣ шведской войны сосредоточить все свое вниманіе на борьбѣ съ Польшей. Съ согласія обѣихъ сторонъ были высланы уполномоченные. Но переговоры тянулись медленно. Начались безконечные споры о титулахъ; шведскіе уполномоченные рѣшительно не желали признать за Михаиломъ «царскій титулъ». Они называли его только «великимъ княземъ». Да къ тому же Михаилъ не былъ царскимъ сыномъ и наслѣдникомъ россійскому государству, такъ какъ послѣ смерти Өедора не его посадили на престолъ, а послѣ смерти Димитрія вѣнчали на царство Василія Ивановича Шуйскаго, потомъ королевича польскаго. На эту историческую ссылку русскіе уполномоченные отвѣчали, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, бранью да ссылками на священную римскую исторію, «что Богъ избралъ царей славныхъ не отъ царскаго корня», прибавляя при этомъ, что «всѣ русскіе люди отъ

мала до велика за честь государеву готову противъ шведовъ стоять и мстить». Такой отвѣтъ русскихъ уполномоченныхъ едва не привелъ къ разрыву мирныхъ переговоровъ, и англійскому уполномоченному Джону Мерину стоило большихъ усилій наладить какъ-нибудь переговоры, необходимые Англіи, такъ какъ благодаря военнымъ дѣйствіямъ сильно страдали англійскіе торговые интересы.

Въ концѣ концовъ посредническая дѣятельность англійскаго уполномоченнаго увѣнчалась успѣхомъ. 27 февраля 1617 года въ Столбовѣ былъ, наконецъ, подписанъ давно желанный мирный трактатъ. Условія договора были болѣе выгодными для Москвы, чѣмъ можно было бы ожидать: шведы обѣщали очистить Великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Ладогу съ уѣздами и Сумерскую волость. Зато за Швеціей оставлялись старинные русскіе города: Иванъ-Городъ, Ямъ, Копорье съ обязательствомъ уплатить Густаву-Адольфу — 20,000 р. деньгами, «готовыми, добрыми, ходячими, безобманными, серебряными, новогородскими» въ видѣ вознагражденія за уступку Новгорода и другихъ городовъ. Конечно, условія Столбовскаго мира не вполнѣ соотвѣтствовали первоначальнымъ планамъ правительства: далеко не всѣ русскіе города оказались возвращенными, да и отъ моря государство оказывалось дальше отрѣзаннымъ, чѣмъ раньше. Но миръ развязывалъ руки для борьбы съ Польшей. Недаромъ царь Михаилъ приказывалъ уполномоченнымъ ни подъ какимъ видомъ не разрывать переговоровъ: «Сулите и дайте чего-нибудь, чтобы они доброхотали, дѣлайте не мѣшкая для литовскаго дѣла и для истомы ратныхъ людей ни подъ

какимъ видомъ не разорвите»,—настоятельно совѣтовало московское правительство. Разъ правительство считало нужнымъ ликвидировать шведскую войну для борьбы съ поляками, то въ этомъ отношеніи условія Столбовскаго мира приходится признать довольно выгодными для московскаго правительства.

Избирательный соборъ 1613 года не считалъ возможнымъ дальнѣйшее продолженіе войны съ поляками, и 10 марта 1613 г. отправилъ въ Польшу дворянина Аладьина съ предложеніемъ перемирія и размѣна плѣнныхъ. Въ іюлѣ Аладьинъ возвратился въ Москву съ отвѣтомъ радныхъ пановъ: они говорили о своемъ желаніи склонить къ миру Сигизмунда, котораго къ тому же убѣждаетъ и нѣмецкій императоръ. Поэтому радные паны ставили условіемъ немедленное прекращеніе военныхъ дѣйствій противъ поляковъ до пріѣзда императорскихъ пословъ, при посредничествѣ которыхъ будутъ начаты мирные переговоры. Конечно, для московскаго правительства столь рѣзко выраженное требованіе являлось неприемлемымъ. Поэтому, военныя дѣйствія продолжались, хотя безъ особеннаго успѣха для русскихъ. Все вниманіе военачальниковъ было сосредоточено исключительно на Смоленскѣ, но, расположившись въ верстахъ двухъ отъ него, за отсутствіемъ войскъ, они ничего не могли подѣлать. Нельзя сказать, чтобы пограничные набѣги со стороны поляковъ были тогда особенно удачны для нихъ. И вотъ литовско-польскіе радные паны отправили въ ноябрѣ 1614 года грамоту московскимъ боярамъ съ предложеніемъ выслать уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ. Бояре не могли согласиться на предложеніе пословъ; съ

одной стороны, они учитывали ихъ слабость, разъ они сами предложили переговоры о перемиріи, съ другой стороны,—письмо было полно оскорбленій и упрековъ въ измѣнѣ Владиславу. Упреки радныхъ пановъ не были оставлены боярами безъ возраженія. Съ отвѣтной грамотой былъ посланъ дворянинъ Ѳедоръ Желябужскій, въ которой бояре оправдывались отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій и, въ свою очередь, обвиняли въ такихъ же незаконныхъ поступкахъ поляковъ. Миссія Желябужскаго нисколько не улучшила взаимныхъ отношеній Москвы и Польши, хотя и показала всю безнадежность притязаній королевича Владислава на московскій тронъ. Тѣмъ не менѣе радные паны предложили съѣздъ уполномоченныхъ для выработки условій перемирія.

Съѣхавшіеся уполномоченные не могли придти рѣшительно ни къ какому соглашенію. Представитель московскаго правительства, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, былъ извѣстенъ своей враждебностью къ полякамъ. Не питали дружественныхъ чувствъ къ Россіи и уполномоченные польскаго правительства: канулетъ Левъ Сапѣга, гетманъ Ходкевичъ и панъ Александръ Гонсѣвскій. Такой составъ непримиримыхъ уполномоченныхъ заранѣе предрѣшалъ результатъ переговоровъ. Собственно, уполномоченные даже серьезно и не разговаривали, а больше занимались перебранкой и выраженіемъ неприязни и ненависти, которыя они питали другъ къ другу. Несмотря на переговоры о мирѣ, военныя дѣйствія продолжались. и всѣ операціи, кончавшіяся, впрочемъ, неудачно для русскихъ, сосредоточились преимущественно около Смоленска. Впрочемъ, война

не велась достаточно энергично: обѣ стороны чувствовали недостатокъ въ деньгахъ и въ людяхъ. Поляки даже не вели регулярной войны, и все дѣло ограничивалось только набѣгами польскихъ наѣздниковъ, причинявшими, впрочемъ, огромный вредъ и безъ того разоренному населенію и опустошенной странѣ. Среди этихъ набѣговъ наибольшимъ по размѣрамъ является набѣгъ Лисовскаго. Онъ зашелъ въ глубь страны со своими войсками, и тѣмъ не менѣе ему удалось благополучно выбраться изъ непріятельской страны.

Чтобы скорѣе окончить военныя дѣйствія и принудить къ миру царя Михаила, королевичъ Владиславъ сталъ готовиться къ походу на Москву. Заручившись помощью донскихъ казаковъ, Владиславъ въ 1617 году выступилъ изъ Варшавы. Ко времени выступленія королевича шведская война была окончена и правительство располагало большимъ количествомъ военныхъ людей. Королевичъ двигался очень медленно, чувствуя недостатокъ въ деньгахъ, въ войскѣ и въ съѣстныхъ припасахъ. Только въ сентябрѣ 1618 года очутился онъ около Дорогобужа, который сдался ему. Взявъ безъ труда этотъ городъ, Владиславъ двинулся къ Вязьмѣ, въ которой было много всякихъ припасовъ. Приближеніе непріятеля навело на населеніе панику. Городъ покидали посадскіе люди и стрѣльцы, даже двое воеводъ позорно бѣжали, а третій, князь Гагаринъ, убѣдившись въ невозможности отстоять городъ, тоже покинулъ его и двинулся въ Москву. Положеніе московскаго правительства стало очень критическимъ. Врагъ былъ недалеко отъ Москвы, а въ ней были схвачены шпіоны королевича съ грамотами, при-

глашавшими оставаться вѣрными Владиславу, который явился теперь въ его государство и «неспокойное государство по милости Божіей покойнымъ же учинить». Правда, агенты королевича были схвачены, малодушныхъ воеводъ высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь, но положеніе дѣлъ отъ этого не стало лучше.

Зима пріостановила военныя дѣйствія обѣихъ сторонъ. Весной они снова начались. Владиславъ продолжалъ свое движеніе къ Москвѣ. Туда направлялся съ южной Украйны и казачій гетманъ Сагайдачный. Неудачная осада Можайска нѣсколько охладила военный пылъ Владислава. Въ то же время правительство царя Михаила направляло всѣ усилія на борьбу съ Владиславомъ и приняло рядъ мѣръ для предстоявшаго сидѣнія въ осадѣ. Пока правительство мобилизовало свои силы, Владиславъ уже былъ въ Звенигородѣ, а Сагайдачный — въ Бронницахъ. Приказаніе задержать казацкаго гетмана въ Бронницахъ и не допускать его къ Москвѣ не было исполнено. Сагайдачный осадилъ Москву. Однако, осада шла неудачно. Рѣшительный приступъ королевича Владислава 30 сентября былъ отбитъ москвичами. Тогда поляки пошли опять въ глубь страны, къ сѣверу отъ Москвы въ надеждѣ поживиться за счетъ Троице-Сергіевскаго монастыря.

Боязнь вторичнаго расхищенія страны и отсутствіе средствъ для борьбы заставили правительство думать о мирѣ. О томъ же думали и поляки, боясь скораго наступленія суровой московской зимы. Инициатива мирныхъ предложеній шла съ непріятельской стороны. Московское правительство, идя навстрѣчу намѣреніямъ врага, согласилось на всѣ его предложенія. Мир-

ныя условія были окончательно выработаны въ деревнѣ Деулинѣ, недалеко отъ Москвы, гдѣ состоялся съѣздъ «великихъ пословъ». Заключеніе мира произошло не безъ треній. Были моменты, когда начавшіеся переговоры могли быть прекращены. Однако, удалось выработать пріемлемыя для обѣихъ сторонъ условія мира. Согласно послѣднимъ, за поляками оставались Смоленскъ и Сѣверская земля—территорія, изъ-за которой шла вѣковая борьба между Москвой и Литвой. Съ своей стороны, поляки соглашались отпустить изъ плѣна митрополита Филарета и произвести обмѣнъ плѣнныхъ. Деулинское перемиріе было заключено на 14 съ половиной лѣтъ. Условія его были очень тяжелыми. Помимо того, что пришлось отдать полякамъ огромную территорію, московскимъ дипломатамъ не удалось добиться отказа королевича Владислава отъ своихъ правъ на московскій престолъ. Все это дѣлало перемиріе весьма непрочнымъ.

Неудивительно, что обѣ стороны сейчасъ же послѣ перемирія стали готовиться къ войнѣ, чувствуя, что эта война, конечно, будетъ имѣть рѣшающее значеніе. Поводовъ же къ ней было всегда сколько угодно. Хотя бы недоразумѣнія съ царскимъ титуломъ! На представленія московскаго правительства по этому поводу и требованіе соотвѣтствующаго удовлетворенія польское правительство отвѣчало отказомъ. Тогда было рѣшено начать войну, тѣмъ болѣе, что къ этому времени правительство вышло отчасти изъ финансовыхъ затрудненій и имѣло довольно большую армію, обученную «иноземному строю». Весной, въ апрѣлѣ 1632 года въ Польшѣ умеръ Сигизмундъ. Москва пропустила этотъ моментъ для возобновленія войны, и военныя дѣйствія нача-

лись только осенью. Москва располагала 32-тысячнымъ войскомъ при 158 орудіяхъ подъ начальствомъ Шеина, при чемъ въ составъ этой арміи входило 15 тысячъ человѣкъ, обученныхъ иноземному строю. Получивъ по дорогѣ подкрѣпленія изъ сосѣднихъ городовъ Ржева, Калуги, Сѣвска, Шеинъ направился къ Смоленску и осадилъ его. Во время осады посылались отдѣльные отряды для взятія другихъ второстепенныхъ городовъ. Города сдавались одинъ за другимъ. Самый Смоленскъ, истомленный восьмимѣсячной осадой, еле держался, и его воевода подумывалъ о сдачѣ.

Но вдругъ все измѣнилось. Кончилась въ Рѣчи Посполитой избирательная горячка. Избраннымъ на королевскій престолъ оказался королевичъ Владиславъ, который немедленно во главѣ 23-тысячнаго войска двинулся на выручку Смоленска. Одновременно съ этимъ, чтобы отвлечь русское войско отъ Смоленска, крымскіе татары должны были сдѣлать набѣгъ на Москву. Дѣйствительно, узнавъ о нападеніи татаръ и расширеніи и разореніи пограничныхъ мѣстностей, украинскіе помѣщики оставили свои полки и бросились на помощь оставшимся дома. Конечно, это значительно обезсилило войско Шеина, положеніе котораго подъ Смоленскомъ стало принимать для него довольно печальный оборотъ. Владиславу удалось обмануть бдительность русскихъ сторожевыхъ постовъ и усилить польскій гарнизонъ въ Смоленскѣ, а затѣмъ польскій король такъ удачно окружилъ русскую армію, что она была отрѣзана отъ Дорогобужа, гдѣ были собраны большіе запасы. Попытки Шеина прорвать тѣсное кольцо польской арміи кончились неудачно. Московскія войска каждый разъ

съ большимъ урономъ отбрасывались на старыя позиціи. Къ неудачнымъ военнымъ дѣйствіямъ присоединились и внутренніе безпорядки въ арміи, — паденіе дисциплины, въ особенности среди иностранцевъ.

Положеніе Шеина стало въ полномъ смыслѣ слова критическимъ. Чтобы спасти армію отъ разгрома, Шеинъ, потерявъ надежду на помощь со стороны московскаго правительства, которое только обнадеживало его, но никакихъ реальныхъ мѣръ не предпринимало, рѣшилъ вступить въ переговоры, пока русскіе были еще не въ такомъ состояніи, чтобы сдаться на волю побѣдителя. Конечно, можно было ожидать отъ поляковъ самыхъ тяжелыхъ условій и Шеину волей-неволей пришлось заключить перемиріе на всѣхъ условіяхъ, предложенныхъ польскимъ королемъ. Условія же дѣйствительно были и тяжелыя и довольно унизительныя. Шеинъ былъ обязанъ: 1) выдать всѣхъ польскихъ перебѣжчиковъ; 2) дать свободу плѣннымъ; 3) иноземцамъ дать свободу либо возвратиться на родину, либо вступить на службу къ польскому королю; при этомъ иноземцы должны дать присягу въ томъ, что никогда не будутъ воевать противъ короля и королевства польскаго или какимъ-нибудь способомъ ему вредить; 4) русскіе должны присягнуть въ томъ, что въ теченіе 4 мѣсяцевъ они не будутъ занимать никакихъ крѣпостей и остроговъ, не соединятся ни съ какими войсками, и не предпримутъ враждебныхъ дѣйствій противъ короля. Кромѣ того, русскіе должны выдать всѣ знамена, весь нарядъ и все оружіе, оставшееся послѣ убитыхъ. Оставшіеся въ живыхъ выходятъ съ тѣмъ оружіемъ, съ которымъ они служили. 19 февраля всѣ предварительные

переговоры были окончены, и русская армія со свернутыми знаменами, безъ музыки вышла изъ своего лагеря. Проходя мимо короля, знаменосцы положили всѣ знамена у ногъ короля, а самъ Шеинъ, сойдя съ лошади, долженъ былъ низко поклониться Владиславу.

Извѣстіе о капитуляціи Шеина произвело въ Москвѣ потрясающее впечатлѣніе, хотя въ этой сдачѣ была отчасти виновата медлительность, вѣрнѣе, бездѣятельность правительства. Когда Шеинъ прибылъ въ Москву съ остатками арміи, объ отчаянномъ состояніи которой неоднократно увѣдомлялъ московское правительство, онъ былъ схваченъ и совмѣстно съ своимъ товарищемъ Измайловымъ, отданъ подъ судъ, который вынесъ смертный приговоръ, совершенно не принявъ во вниманіе тѣхъ тяжелыхъ, совершенно невозможныхъ условій, въ которыхъ находилась армія Шеина. Можно, конечно, казненнаго боярина обвинять въ непредусмотрительности, можно его упрекать въ бездѣятельности, но только не въ измѣнѣ, а вѣдь именно на этомъ было построено правительственное обвиненіе.

Какъ бы то ни было, разгромъ Шеинской арміи лишилъ правительство всякой надежды на новую войну и на возвращеніе Смоленска. Тяжелое финансовое положеніе тоже указывало на невозможность продолженія военныхъ дѣйствій. Правительству оставалось только одно—поскорѣе заключить съ поляками прочный миръ. Для переговоровъ объ условіяхъ были посланы бояре В. И. Шереметевъ и князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ на рѣку Поляновку. Переговоры тянулись медленно. Каждая изъ сторонъ засыпала другую разнаго рода обви-

неніями. Наконецъ, 17 мая условія были подписаны. Москва должна была оставить за поляками захваченную территорію, но за то, съ своей стороны, польскій король отказывался отъ всякихъ притязаній на московскій престолъ и признавалъ Михаила Θеодоровича законнымъ царемъ. Помимо этого, московскій государь обязывался уплатить тайнымъ образомъ 20.000 руб. Московское правительство было довольно и этими условіями мира, въ особенности, отказомъ Владислава отъ правъ на московскій престолъ. Послѣ этого отказа родоначальникъ новой династіи чувствовалъ себя на престолѣ значительно крѣпче. Преемникъ царя Михаила—его сынъ Алексѣй, былъ болѣе счастливъ въ своей борьбѣ съ поляками. Послѣ двухъ войнъ съ ними, царь Алексѣй вернулъ обратно Москвѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю. Взятый еще въ 1654 году, Смоленскъ былъ окончательно оставленъ за Москвой по Андрусовскому перемирію 1667 года. Теперь новая династія могла смотрѣть не безъ гордости на дѣятельность своихъ двухъ представителей: вѣдь взятіемъ Смоленска ликвидировался одинъ изъ самыхъ больныхъ и острыхъ вопросовъ для національнаго самолюбія московскаго государя.

3. Внутренняя политика царя Михаила.

Новому правительству пришлось употребить всѣ силы и средства для приведенія въ порядокъ разстроеннаго и расшатаннаго государства. Вѣдь съ избраніемъ Михаила на престолъ порядокъ не возстановился—не прекратилась борьба землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ элементовъ. Никто не хотѣлъ отказываться отъ

свободы и возвращаться подъ тяжелое крѣпостное ярмо «владущихъ» людей, побѣдителей смуты. Дѣйствительно, внутреннее состоянiе государства было очень тяжелое. Страна была истощена. Мѣстности, служившiя ареной историческихъ событiй, представляли собой пустыню. Земли лежали впустѣ необработанными. Налоги не поступали правильно. Населенiе не хотѣло платить налоги, а должностныя лица, если что и успѣвали взыскать, то оставляли собранную сумму у себя. Въ распредѣленiи земельной собственности царилъ безпорядокъ. Многiе, пользуясь смутой, незаконно захватили земли и владѣли ими на правахъ «помѣстья», не имѣя однако на то рѣшительно никакихъ документовъ. Въ странѣ царила анархiя: повсюду бродили шайки поляковъ, банды казаковъ и бѣглыхъ крестьянъ, грабившихъ успѣвшее вернуться домой населенiе. Въ Астрахани засѣлъ Заруцкiй съ «Мариной» и ея сыномъ и двинулся отсюда, «добывая Маринкѣ московскiй тронъ». По всему Заволжью царилъ атаманъ Баловень, наводившiй на всѣхъ ужасъ. По словамъ современника, главари такихъ бандъ ни передъ чѣмъ не останавливались: «Людей же ломаху, на древо и въ ротъ зелье сыпаху и зажигаху, и на огнѣ жегоша безъ милости, женскому полу сосцы прорѣзова и веревки вдергиваху и вѣшаху... и иногими различными муками мучиша».

Неудивительно, что при одномъ лишь слухѣ о приближенiи такихъ бандъ пустѣли города и села.

Такое отчаянное состоянiе государства и

опредѣлило характеръ внутренней политики новаго правительства: побѣда надъ противниками соціальнаго строя въ московскомъ государствѣ должна была укрѣпить экономическое положеніе консервативныхъ классовъ общества и, только разгромивъ внутреннихъ враговъ, можно было приступить къ разрѣшенію другихъ вопросовъ, овладѣть снова «трудомъ и капиталомъ» населенія. Когда молодой царь пріѣхалъ въ Москву, чтобы возсѣсть на престолъ своихъ предковъ, около него быстро образовался кружокъ лицъ, взявшихъ на себя тяжелое бремя управленія государства. Составъ этого кружка былъ довольно неопредѣленный: тутъ были и дѣятели временнаго правительства—1612—1613 годовъ, и различныя довѣренныя лица царя съ довольно сомнительной политической и нравственной репутаціей, извѣстныя своей интимной близостью къ тушинскому вору, но тѣмъ не менѣе, пользовавшіяся неограниченнымъ довѣріемъ государя. Въ этомъ кружкѣ наряду съ крупной знатью—Шереметевыми, кн. Львовыми,—было не мало «худородныхъ обычныхъ людишекъ», въ родѣ Михаилова и др. Представителей же тѣхъ классовъ общества, которые взяли Москву и которымъ царь Михаилъ обязанъ былъ царскимъ вѣнцомъ, въ этомъ кружкѣ вовсе не было. Уже по одному этому господствующіе классы должны были отнестись къ дѣятельности кружка болѣе, чѣмъ подозрительно. Это подозрѣніе должно было лишь усилиться, когда выяснилось вполнѣ опредѣленно намѣреніе правительственнаго кружка не столько заботиться объ упорядоченіи внутренняго состоянія государства,

сколько объ удовлетвореніи своихъ собственныхъ вожделѣній. Вполнѣ понятно, что царю Михаилу при устроеніи государства приходилось находить опору не въ правительственной средѣ, его окружавшей, а въ земскомъ соборѣ, гдѣ засѣдали тѣ, кому онъ былъ обязанъ престоломъ и кто готовъ былъ поддержать правительство въ его борьбѣ съ послѣдствіями «великой разрухи». Этимъ и объясняется удивительная солидарность дѣйствій и настроенія царя и земскаго собора, солидарность, проходящая красной нитью черезъ всю дѣятельность правительства. Приступая къ борьбѣ съ антисоціальными элементами общества, не желавшими признавать стараго крѣпостного уклада московскаго государства, правительство и земскій соборъ, отъ «всѣхъ чиновъ» разослали грамоты, призывая всѣхъ отказаться отъ «воровства» и возобновить службу государству. Соборъ обѣщалъ награды и прощеніе.

Однако, ламентаціи «всѣхъ чиновъ» не произвели надлежащаго впечатлѣнія, казаки не обращали на нихъ никакого вниманія и попрежнему продолжали безчинствовать въ странѣ. Въ виду этого пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Правительство посылало воеводъ, которые вступали съ этими шайками въ настоящія сраженія, оканчивавшіяся болѣе или менѣе удачно. Мало-по-малу мѣстности около Москвы были очищены отъ бродячаго люда. Удалось также осилить Заруцкаго. Его посадили на колъ, «воренка» — повѣсили, а Марину—бросили въ тюрьму, гдѣ она и умерла. Справившись съ соціальными протестантами внутри государства, правительство могло приступить къ выполненію второй части своей

реставраціонной программы,—къ изысканію необходимыхъ финансовыхъ средствъ, на что указывалъ Михаилъ еще въ своихъ переговорахъ съ посольствомъ отъ «земскаго собора».

Финансовое положеніе государства было отчаянное. Казна была пуста, поступленій совершенно не было, да никто, въ сущности говоря, и не зналъ, каковы должны были быть размѣры этихъ поступленій. Молодой царь, не имѣвшій никакого авторитета въ странѣ, все дѣло изысканія новыхъ средствъ, какъ и способовъ собиранія въ казну старыхъ поступленій, всецѣло возложилъ на земскій соборъ, прекрасно понимая, что страна будетъ прислушиваться больше къ голосу собора, чѣмъ къ распоряженіямъ молодого, неопытнаго царя. Сборъ налоговъ представлялъ еще потому колоссальныя трудности, что не было новыхъ окладныхъ книгъ, которыя хотя бы приблизительно отражали дѣйствительное состояніе страны, истощенной многолѣтней великой разрухой и затяжнымъ экономическимъ кризисомъ.

Въ финансовой политикѣ правительства и земскаго собора нельзя усмотрѣть рѣшительно никакого плана. Они руководствовались лишь интересами минуты, не задумывались надъ будущимъ и заботились лишь объ удовлетвореніи текущихъ государственныхъ нуждъ. Пріемы, къ которымъ прибѣгало правительство и земскій соборъ для добыванія денегъ, отличались большою неразборчивостью, и эта неразборчивость дѣлала еще болѣе тяжелымъ то налоговое бремя, которое падало на населеніе. Сначала правительство разослало грамоты ко всѣмъ торговымъ людямъ о взятіи сполна

«денежныхъ доходовъ за прошлый и нынѣшній годъ» вмѣстѣ съ просьбою помочь чѣмъ кто можетъ. Такая же просьба о помощи была послана и Строгоновымъ. Правительство предлагало уменьшить свое промысловое хозяйство,— но «дать разнымъ людямъ на жалованье сколько можете». Трудно сказать, насколько успѣшны были слезныя обращенія правительства къ зажиточному населенію. Во всякомъ случаѣ они были весьма недостаточными, и только первое время могли дать средства, необходимыя для удовлетворенія неотложныхъ государственныхъ нуждъ. Приходилось обратиться къ новымъ налогамъ. На земскомъ соборѣ 1614—1615 года установили два прямыхъ налога (сборъ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ на жалованіе ратнымъ людямъ). Затѣмъ правительство обратилось къ принудительнымъ займамъ, падавшимъ на всѣхъ безъ исключенія, въ томъ числѣ и на «тарханщиковъ», свободныхъ отъ государева тягла. Такой заемъ назывался «пятиной» и падалъ на торговыхъ людей, при чемъ назначеніе этого налога сопровождалось обѣщаніемъ возвратить занятую сумму въ двойномъ размѣрѣ или зачесть ее въ недоимку или въ будущіе платежи. Въ продолженіе двухъ лѣтъ такая пятина собиралась три раза, при чемъ въ третій разъ сборъ пятинныхъ денегъ съ торгово-промышленныхъ людей соединялся съ соборомъ посошныхъ денегъ, по 120 рублей съ каждой сохи. Сошныя деньги собирались со всѣхъ людей. Уплата ихъ не исключала обязательства платить и пятую деньгу «кто сверхъ своихъ пашенъ торгуютъ». Къ подобнымъ экстреннымъ сборамъ правительство царя Михаила впослѣд-

ствіи прибѣгало еще 4 раза. Такая финансовая политика дала правительству нѣкоторыя средства, которыя употреблялись то на борьбу съ элементами, не желавшими признавать крѣпостного режима въ московскомъ государствѣ, то на цѣли внѣшней политики. Конечно, эти фискальныя мѣры укрѣпили положеніе династіи на престолѣ. Такъ консервативные круги поддержали и укрѣпили своего избранника на престолѣ.

Упорядочивая финансы страны, правительство и земскій соборъ должны были принять рядъ мѣръ для урегулированія экономическаго положенія военно-служилаго класса. Его содержаніе обезпечивалось землей и крестьянами, сидѣвшими на этой землѣ. Во время смуты перепутались права на землевладѣніе. Помѣстья расхищали со всѣхъ сторонъ, не имѣя на то рѣшительно никакихъ оправдательныхъ документовъ. Многіе владѣли «помѣстьями и вотчинами» по пожалованію тушинскаго царя и короля Сигизмунда. Въ помѣстномъ правѣ царилъ полный хаосъ. Крестьянское населеніе во время смуты оставило свои дома и земли и не имѣло ни малѣйшаго желанія возвращаться подъ старое ярмо. Правительству и земскому собору предстояла тяжелая задача — урегулировать положеніе военно-служилаго класса: обезпечить его землями, произвести радикальную провѣрку правъ на землю и опредѣлить болѣе точно отношеніе крестьянской массы къ служилому населенію. И въ земельной политикѣ правительства первыхъ лѣтъ царствованія Михаила, не было никакой системы. Она тоже отвѣчала лишь интересамъ минуты. Правительство стремилось какъ-нибудь

обезпечить военно-служилый классъ, и стало раздавать дворцовыя и черныя земли въ помѣстья. Вслѣдствіе такой политики было расхищено немало дворцовыхъ земель, и почти исчезло черносошное крестьянство, за исключеніемъ только поморскаго. Лишь впослѣдствіи правительство спохватилось и запретило дальнѣйшую раздачу дворцовыхъ земель въ помѣстья. Раздавая помѣстья, правительство продало немало земли въ вотчину, надѣясь и этой продажей поправить финансы государства.

Такъ возрождалось къ жизни военно-служилое землевладѣніе, и въ связи съ этимъ ставился на очередь вопросъ о крестьянскихъ рукахъ. Какъ быть съ ними? Разумѣется, возвратить всѣхъ ушедшихъ на мѣста: таково было настроеніе консервативныхъ круговъ общества. Но какъ возвращеніе всѣхъ ушедшихъ, такъ и полная отмѣна «урочныхъ» лѣтъ были въ то время невозможны. Такая мѣра слишкомъ задѣла бы интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, церковныхъ и свѣтскихъ, на земляхъ которыхъ сидѣло немало бѣглецовъ. Крѣпостническая политика средняго и мелкаго провинціальнаго люда, несмотря на его ропотъ и недовольство, не имѣла успѣха: крестьяне не были возвращены на старыя мѣста, урочныя лѣта продолжали сохранять свою силу; только пятилѣтняя давность для Троице-Сергіева монастыря превратилась въ 9—11-лѣтнюю, къ величайшему негодованію военно-служилаго класса.

Правительственная политика первыхъ лѣтъ царствованія новой династіи носила, какъ было уже сказано, реставраціонный характеръ, но не имѣла никакого плана и удовлетворяла лишь

потребностямъ даннаго момента. Съ возвращеніемъ Филарета изъ плѣна политика правительства стала болѣе единой и систематической. По характеру своему, она являлась продолженіемъ политики первыхъ лѣтъ, только съ большимъ уклономъ въ сторону среднихъ и мелкихъ слоевъ служилаго класса. Ставъ патріархомъ русской церкви и являясь отцомъ государя, Филаретъ оттѣснилъ отъ царя кружокъ, который былъ близокъ къ нему въ первые годы и который немало поживился при осуществленіи реставраціонной программы. Филаретъ, несомнѣнно, былъ противникомъ крупнаго поземельнаго дворянства. Его политика насквозь проникнута интересами средне- и мелко-помѣстнаго люда, но въ то же время она во многомъ нерѣшительна, полна колебаній. Такъ и чувствуется боязнь, какъ бы слишкомъ смѣлый шагъ не встрѣтилъ протеста со стороны «сильныхъ міра сего». Прежде всего, дѣятельность Филарета коснулась финансовой и поземельной политики правительства. И та и другая стала болѣе стройной. Правительство, при сборѣ старыхъ и новыхъ налоговъ, было поставлено въ очень затруднительное положеніе,—не было никакихъ окладныхъ книгъ, а потому невозможно было выяснить ни размѣра обложенія, ни общаго состоянія приходо-расходнаго бюджета. Поэтому, опредѣляя размѣры и условія поступленія доходовъ, правительство разсылало грамоты съ требованіемъ «сыска» «про всякіе доходы, про ихъ оклады, недоимки, про расходы», но это распоряженіе встрѣчало противодѣйствіе, какъ со стороны заинтересованной провинціальной администраціи, такъ и плательщиковъ налоговъ.

Въ виду непоступленія доходовъ правительство отправляло по городамъ спеціальныхъ сборщиковъ, чтобы выяснить оклады доходовъ и собрать немедленно возможно больше денегъ. Посылались также писцы для описи земель и составленія новыхъ писцовыхъ книгъ. Но и тутъ правительство потерпѣло полную неудачу: писцы исполняли работу небрежно и недобросовѣстно; за хорошую взятку писецъ сплошь и рядомъ мирволилъ богатымъ, да и само населеніе прибѣгало къ разнымъ ухищреніямъ, лишь бы только обмануть писца, благодаря чему «инымъ было тяжело, а другимъ легко» платить подати. Вопросъ о злоупотребленіяхъ при составленіи писцовыхъ книгъ разсматривался на писцовомъ соборѣ 1619 года. Въ виду злоупотребленій было рѣшено приступить къ новой переписи. Во всѣ города, которые не пострадали во время смуты, были посланы писцы, а въ остальные — дозорники. И тѣ и другіе должны были быть выбираемы изъ надежныхъ людей, съ приведеніемъ ихъ къ присягѣ, съ отобраніемъ обѣщанія описать «безъ посуловъ», льготы дать, «смотря по разоренью» и работать «вправду». Но всѣ финансовые эксперименты не достигли своей цѣли. Доходы поступали туго, недоимки увеличивались. Страна переживала затяжной экономическій кризисъ, и населеніе попрежнему бѣжало отъ гнета и финансовой эксплоатаціи. Это уже совершенно разстраивало всѣ комбинаціи правительства и земскаго собора. Все это объясняется тѣмъ, что правительство не учитывало серьезности, переживаемаго страной кризиса, и въ новыхъ условіяхъ хозяйственной жизни прибѣгало къ старымъ пріемамъ.

Обративъ свою симпатію на сторону среднихъ слоевъ военно-служилаго класса, Филаретъ рядомъ систематическихъ мѣръ объединилъ военно-служилое землевладѣніе. Особенно трудно было рѣшить вопросъ, какъ быть съ помѣстьями и вотчинами, пріобрѣтенными во время смуты. Законодательная дѣятельность правительства руководилась въ этомъ вопросѣ тѣмъ взглядомъ, что всѣ пожалованія, сдѣланныя въ Тушинѣ и подъ Смоленскомъ,—явно незаконны. Они отбираются въ казну. Но если кто-либо раньше владѣлъ помѣстьями и вотчинами и служилъ Вору и Сигизмунду, а потомъ опять добровольно вернулся въ Москву, то земельныя владѣнія остаются за нимъ. Всѣ держатели помѣстій и собственники вотчинъ должны были представить точные документы на право владѣнія, если желали сохранить ихъ за собой. Если таковыхъ документовъ не оказывалось и имъ по «сыску» не удавалось доказать свое право на владѣніе землею, то таковая конфисковалась. Наконецъ, рядомъ указовъ, помѣстіе все больше и больше сближалось съ вотчиной. Помѣстіе обычно давалось родственникамъ, законодательство признавало отдачу «вдовамъ и дѣвицамъ» такъ называемыхъ прожиточныхъ имѣній и разрѣшало въ извѣстныхъ случаяхъ отдачу помѣстія въ качествѣ приданаго, допускало сдачу и мѣну помѣстій, устанавливало прямую наслѣдственность помѣстій. Всѣ эти мѣры должны были обезпечить интересы государства и службы и поднять помѣстіе изъ того хозяйственнаго запустѣнія, въ которомъ оно находилось, такъ какъ при наслѣдственности помѣстій владѣльцы ихъ оказались бы быть болѣе дѣятельными хозяевами.

Провѣрка правъ на землевладѣніе и урегулированіе помѣстнаго права, только отчасти разрѣшали больные для военно-служилаго класса вопросы. Какое хозяйство могъ вести помѣщикъ, разъ онъ оставался безъ всякихъ рабочихъ рукъ? Развѣ при такихъ условіяхъ возможно было правильное отправленіе военно-государственныхъ повинностей? И вотъ, служилые люди начинаютъ медленную, но систематическую борьбу за отмѣну урочныхъ лѣтъ. Они настойчиво и неоднократно выступаютъ съ челобитьями по этому вопросу. Правительство долгое время колебалось и не рѣшалось удовлетворить притязанія военно-служилаго класса. Да это и вполнѣ понятно. Страна еще не оправилась отъ соціальнаго и экономическаго потрясенія, созданнаго смутой, чтобы можно было начать проводить въ жизнь крѣпостническую политику, не рискуя вызвать новыя осложненія, новый протестъ. Отсюда чрезмѣрная осторожность правительства въ соціальномъ законодательствѣ. Къ тому же, удовлетвореніе челобитій провинціальныхъ служилыхъ людей должно было затронуть интересы «владущихъ», на что правительство, чувствуя свое непрочное положеніе, конечно, не могло рѣшиться. Только въ 1642 году правительство сдѣлало уступку провинціальному служилому люду и опредѣлило урочные годы въ 10 лѣтъ. Это являлось отвѣтомъ на челобитіе служилыхъ людей разныхъ городовъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Они ссылались на то, что сильные люди собираютъ къ себѣ бѣглыхъ, берутъ съ нихъ ссудныя записи и благодаря урочнымъ лѣтамъ, не выпускаютъ изъ-за себя. Челобитчики не удовольствовались правительственной мѣрой

1642 года, и въ 1645 году было подано новое челобитіе объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Провинціальные служилые люди доводили до свѣдѣнія правительства, что «они отъ службы обѣдняли и одолжали великими долги и коими опали, а помѣстья ихъ и вотчины опустѣли и домы ихъ оскудѣли и разорены безъ остатку отъ войны и сильныхъ людей».

Послѣ этой челобитной отмѣна урочныхъ лѣтъ принципіально была рѣшена. Для этой цѣли было приступлено къ новой переписи населенія, и эта перепись должна была сдѣлаться источникомъ крестьянской крѣпости. Наконецъ, съ изданіемъ «Уложенія» желанія военно-служилаго класса были удовлетворены: урочныя лѣта отмѣнялись. Такъ совершилось въ интересахъ служилаго сословія юридическое закрѣпощеніе крестьянской массы. Впрочемъ, этого требовали также и интересы государства. Прикрѣпляя крестьянъ и отдавая ихъ въ распоряженіе землевладѣльца, правительство могло быть болѣе увѣрено въ правильномъ исполненіи обязанностей со стороны служилаго сословія,—а благодаря податной отвѣтственности помѣщика, — въ болѣе удачномъ сборѣ налоговыхъ поступленій.

Смутное время измѣнило также положеніе посадскихъ людей. Въ до-смутную эпоху, когда городъ еще не выдѣлился въ особую экономическую единицу, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ центра, не было никакой разницы между крестьяниномъ и посадскимъ человѣкомъ. Свобода промысла и выбора занятій были полные. Во время смуты много городовъ запустѣло и обѣднѣло. Населеніе было въ бѣгахъ, дворы и лавки стояли «впустѣ», забро-

шенными. Послѣ избранія царя и внѣшняго возстановленія государственнаго порядка, города какъ будто начинаютъ пополняться возвращавшимся на старое пепелище населеніемъ. Зато упадокъ торговли и промышленности, какъ слѣдствіе всеобщаго экономическаго кризиса, былъ полный. Города были бѣдны, и значеніе ихъ, какъ экономическихъ центровъ, — ничтожно. Кромѣ того, захватъ торговли и промысловъ служилыми людьми также былъ одной изъ причинъ бѣдности посадскаго населенія, не говоря ужъ объ экономической политикѣ правительства, построенной на системѣ монополіи, откуповъ и иностранной торговли, притомъ либо совсѣмъ безпошлинной, либо въ половинномъ размѣрѣ. Финансовая политика правительства всею своею тяжестью давившая посадское населеніе, только ухудшала положеніе. Посадское населеніе не выдерживало и снова бѣжало, а посады пустѣли. Бѣгство населенія и обезлюдѣніе посада били по карману и правительство, которое собирало меньше, чѣмъ надо было, и посадское населеніе, которое должно было платить за умершихъ или заложившихся за кого-нибудь людей.

Подъ вліяніемъ этого опредѣлилось настроеніе посадскаго населенія, выработалась его критическая программа, которую оно проводило на земскихъ соборахъ. Посадское населеніе жаловалось на разореніе населенія и требовало лишить иностранцевъ торговыхъ льготъ. Рядомъ съ этимъ слышатся жалобы на заполненіе посада бѣломѣстцами и на конкуренцію въ промыслахъ монастырскихъ слободъ и помѣщичьихъ, и ремесленныхъ людей, большею частью бывшихъ посадскими, но только зало-

жившимися за бѣломѣстцевъ, благодаря чему они выходили изъ посадскаго тягла. Правительство не могло не прислушиваться къ голосу посадскаго населенія, какъ элемента враждебнаго государственнымъ и хозяйственнымъ непорядкамъ. Отсюда рядъ законоположеній, въ концѣ концовъ, выдѣлившихъ посадское населеніе въ особое сословіе, занимающееся торговлей и промыслами. Всѣ разряды населенія, непосредственно не принадлежавшіе къ посаду, были лишены права заниматься городскими промыслами и торговлей: юридическое опредѣленіе положенія посадскаго населенія было выражено въ «Уложеніи» 1649 года.

Провинціальное управленіе также подвергалось существеннымъ измѣненіямъ. Замѣтна сильная наклонность къ централизаціи власти и подавленію земскаго самоуправленія и суда. Правительство окончательно подавило земскую самостоятельность, за исключеніемъ только Поморья, и превратило выборную администрацію въ своихъ агентовъ, отвѣтственныхъ передъ воеводой и ему подчиненныхъ. Хотя должность воеводы вводилась съ цѣлью приближенія населенія къ власти и большаго на него воздѣйствія, однако, слѣдуетъ отмѣтить, что ожиданія правительства не оправдались. Власть стала близкой къ населенію, но зато была очень далека отъ центра, и сама близость стала источникомъ злоупотребленія властью намѣстниковъ и волостелей XVI вѣка. Что касается центральнаго управленія, то его внѣшняя организація почти ни въ чемъ не отличалась отъ до-смутнаго періода, если не считать появленія множества новыхъ приказовъ, вызванныхъ новыми потребностями и задачами. Центральное мѣсто попрежнему занимала «Бояр-

ская Дума», хотя составъ ея значительно измѣнился. Старая аристократія была во время смуты окончательно раздавлена. Ей пришлось уступить мѣсто второстепенной знати, образовавшейся изъ незнатныхъ служилыхъ элементовъ. Эти «худые люди» и стали той правительственной средой, которая задавала тонъ всему управленію государствомъ. Организація центральнаго управленія носила довольно хаотическій характеръ. Попрежнему не было никакого порядка въ распредѣленіи дѣлъ между приказами и въ опредѣленіи границъ ихъ вѣдомства. Безпорядочная организація лишила возможность сдѣлать отвѣтственность должностныхъ лицъ не фиктивной, а реальной. Наконецъ, хаотическое состояніе законодательства и необходимость юридической нормировки новыхъ политико-соціальныхъ отношеній привели къ составленію новаго свода законовъ, именуемаго «Соборнымъ Уложеніемъ», въ которомъ новыя политико-соціальныя отношенія нашли свое юридическое утвержденіе. «Соборное Уложеніе», это—итогъ посмутной дѣятельности правительства.

Наконецъ, подъ вліяніемъ «великой разрухи», не только измѣнились политико-соціальныя отношенія, но произошли также глубокія измѣненія и въ политическихъ взглядахъ и настроеніяхъ общества. Смута заставила командующіе классы обратить вниманіе на такого рода вопросы, которыми ихъ чувства и мысли нисколько не были заинтересованы. Теперь же, послѣ смутной эпохи, когда старые политическіе навыки и привычки потеряли свою силу и значеніе, командующимъ классамъ пришлось незамѣтно выработать новое политическое міросозерцаніе на многіе вопросы жизни—дать совершенно иной отвѣтъ сравнительно съ XVI вѣкомъ. Прежде всего радикаль-

нымъ образомъ измѣнился взглядъ на власть и на ея отношеніе къ государству и народу. Раньше московскій царь былъ только «дѣдичъ, отчичъ и наслѣдникъ прародительскихъ земель». Эту власть, по образному выраженію Грознаго, государь получаетъ «Божьимъ изволеніемъ, а не многомятежнаго человѣчества хотѣніемъ». Воля государя—законъ, ибо государь повелѣваетъ хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ».. Подданные царя—только «холопы», обязанные исполнять государеву волю. Въ эпоху смуты «Государи Божіей милостью» неоднократно замѣнялись «государями многомятежнаго человѣчества хотѣніемъ». Даже Василій Шуйскій, въ избраніи котораго земскій соборъ не принималъ никакого участія, хотѣлъ присягой «земскому собору» укрѣпить свою власть. Когда же мятежники хотѣли свергнуть Шуйскаго съ престола, боярскій царь, протестуя, высказалъ мысль «что безъ бояръ и всѣхъ чиновъ людей» они не имѣютъ права дѣлать это, и «какой вся земля приговоръ поставитъ, я готовъ поступить по тому приговору»,—добавилъ Шуйскій. Тотъ же царь оправдывалъ убійство Димитрія I, указывая, что «если бы онъ даже былъ прирожденный государь, но если его на государствѣ не хотѣли, то силою ему нельзя быть на государствѣ». Такъ постепенно измѣнились взгляды командующихъ классовъ на источникъ власти.

Съ этой стороны царь Михаилъ былъ уже «не отчичъ и дѣдичъ», а государь «произволеніемъ народа». Это прекрасно сознавалъ государь. Недаромъ первое время его правительственная дѣятельность шла рука объ руку съ земскимъ соборомъ. Правда, послѣдній не былъ постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, но, несомнѣнно,

съ его голосомъ считались во всѣхъ случаяхъ, когда возникали какіе-нибудь вопросы первостепенной важности,—особенно, въ первые годы царствованія новаго государя, когда молодой царь, руководился земскимъ соборомъ, осуществляя свою правительственную дѣятельность, направленную на окончательную ликвидацію смуты. Конечно, другого отношенія власти къ командующимъ классамъ и не могло быть, разъ Михаилъ очутился на престолѣ «хотѣніемъ и соизволеніемъ» земскаго собора. Послѣдній же хотѣлъ управлять царемъ и направлять правительственную дѣятельность въ интересахъ консервативныхъ круговъ общества, сторонниковъ государственнаго и соціальнаго порядка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Московское Государство во второй половинѣ XVI вѣка.

1. Борьба за самодержавіе при Грозномъ . 3
2. Народное хозяйство въ XVI вѣкѣ . . . 22
3. Военно-служилый классъ и помѣстное землевладѣніе. 28
4. Посадское населеніе. 39
5. Сельское населеніе. 44
6. Казачество 58

II. Партійная борьба.

1. Время Θедора 61
2. Время Бориса. 67
3. Появленіе Самозванца. 76
4. Василій Шуйскій и побѣды боярства. . 86
5. Оппозиція противъ Шуйскаго 92
6. Дворянско-казацкое ополченіе. 110
7. Нижегородское ополченіе. 127

III. Ликвидація смуты.

1. Начало новой династіи 137
2. Внѣшняя политика въ XVII в. 147
3. Внутренняя политика царя Михаила . . 160

Универсальная библіотека.—Цѣна номера 10 коп.

Научно-популярная литература.

651. Э. Пименова. Наполеонъ I.
652. Т. Богдановичъ. Александръ I.
653-657. Гр. де-Сегюръ. Походъ въ Россію. Записки адъютанта Наполеона I.
658. В. Пичета. Причины Отечественной войны.
659. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. I. Природа и возникновеніе художественнаго произведенія.
660. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. II. Живопись эпохи Возрожденія въ Италіи.
661. Т. Сократова (Алабина). Наполеонъ въ Россіи.
662. Г. Швабъ. Миѳы классической древности. Походъ аргонавтовъ.
663. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. III. Живопись въ Нидерландахъ.
664. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. IV. Ваяніе въ древней Греціи.
665-666. Л. Гартманъ. Паденіе античнаго міра.
667. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. V. Идеалъ въ искусствѣ.
668. Платонъ. Апологія Сократа. Критонъ.
669. Дж. Уотсонъ. Наслѣдственность.
670—671. В. Пичета. Смутное время въ Московскомъ государствѣ.
672. В. Филатовъ. Родъ бояръ Романовыхъ.
673. Е. Богрова. Дмитрій I.
674. М. Коваленскій. Московская смута XVII вѣка.
675. Маржеретъ. Состояніе Россійской державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 г.

Справочный отдѣлъ.

Серія карманныхъ словарей.

601-604. **Французско-русскій карманный словарь съ приложеніемъ грамматики французскаго языка** (произношеніе, орѳографія, этимологія и словообразованіе). Сост. Н. Бронштейнъ и О. Румеръ. Цѣна въ переплетѣ—50 коп.

605-608. **Русско-французскій карманный словарь съ приложеніемъ французскихъ разговоровъ для русскихъ путешественниковъ.** Составилъ Н. Бронштейнъ. Цѣна въ переплетѣ—50 коп.

Вышли въ свѣтъ новыя книги

Книгоиздательства „Польза" В. Антикъ и К°.

1) „Сильный человѣкъ", романъ Станислава Пшибышевскаго. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи Витольда Ахрамовича.
2) „Молодые годы Долецкаго", романъ Марка Криницкаго.
3) „На взглядъ Запада", романъ Дж. Конрада. Переводъ съ англійскаго Э. Пименовой.
4) „Освобожденіе", вторая часть „Сильнаго человѣка". Романъ Станислава Пшибышевскаго. Переводъ съ рукописи В. Ахрамовича.

Цѣна каждой книги—75 коп. въ переплетѣ.

Универсальная библіотека—Цѣна номера 10 коп.

701. **Уайльдъ.** Герцогиня Падуанская.
702-705. **Флоберъ.** Мадамъ Бовари.
706. **Раффи.** Джалаледдинъ.
707. **Реймонтъ.** изъ дневника.
708-711. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ I.
712. **Агаронянъ.** Матери и др. разск.
713. **Мопассанъ.** Пышка и др. разск.
714. **Крагъ.** Стефанъ Іернъ. Собака.
715-716. **Деларю-Мардрюсъ.** Изступленная.
717. **Мопассанъ.** Нездѣшній и др.
718-721. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ II.
722. **Катюллъ Мендесъ.** Лесбія и др.
723. **Верга.** Исторія одной малиновки.
724-727. **Вассерманъ.** Исторія юной Ренаты Фуксъ.
728. **Мопассанъ.** Иветта.
729-731. **Дюма-сынъ.** Дама съ камеліями.
732. **Михаэлисъ.** Опасный возрастъ.
733-734. **Шиллеръ.** Разбойники.
735. **Мольеръ.** Скупой.
736-737. **Лоти.** Исландскій рыбакъ.
738. **Мелль.** Разсказъ о рабѣ-евреѣ.
739-742. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ III.
743. **Мопассанъ.** Домъ Телье и др.
744-747. **Бласко Ибаньесъ.** Мертвые повелѣваютъ.
748. **Верлэнъ.** Избранныя стихотворенія.
749-750. **Ожешко.** Меиръ Эзофовичъ. Часть I.
751-752. **Ожешко.** Меиръ Эзофовичъ. Часть II.
753. **Диккенсъ.** Рождественская пѣснь въ прозѣ.
754-757. **Реймонтъ** Мужики IV. (Лѣто).
758. **Диккенсъ.** Колокола.
759-761. **Лагерлефъ.** Домъ Лилівкроны.
762. **Михаэлисъ.** Эльзи Линдтнеръ.
763. **Мопассанъ.** Лунный свѣтъ и др.
764-766. **Пшибышевскій.** Сумерки.
767. **Кастельнуово.** Рыцари непорочной и др.
768-769. **Андрэ.** Мужскія письма.
770. **Байронъ.** Сарданапалъ.
771-773. **С. Михаэлисъ.** „1812": Вѣчный сонъ.
774. **Мопассанъ.** Напрасная красота и др. разсказы.
775-780. **Г. Манъ.** Охота за любовью.
781. **Мопассанъ.** Оливковый садъ и др. разсказы.
782-783. **Гейерстамъ.** Власть женщины.
784-785. **Ренье.** Необычайные любовники. Разсказы тринадцати.
786. **Джэкъ Лондонъ.** Лунный ликъ и др. разсказы.
787-789. **Бальзакъ.** Тридцатилѣтняя женщина.
790. **Джэкъ Лондонъ.** Богъ его отцовъ и др. разсказы.
791-793. **Тетмайеръ.** Яносикъ Нендза Литмановскій.
794. **Бальзакъ.** Любовь подъ маской.
795-798. **Стриндбергъ.** Исповѣдь безумца.
799. **Гартлебенъ.** Гостепріимный пасторъ.
800-801. **Ибсенъ.** Перъ Гюнтъ.
802-805. **Флоберъ.** Саламбо.
806. **Джэкъ Лондонъ.** Любовь къ жизни и др. разсказы.
807-809. **Майнъ-Ридъ.** Ползуны по скаламъ.
810-811. **Мопассанъ.** Сказки дня и ночи.
813-815. **Г. Бангъ.** Михаэль.
816. **Джэкъ Лондонъ.** Когда боги смѣются и др. разсказы.
817-818. **Р. Киплингъ.** Смѣлые моряки.
819. **Уйда.** Степь.
820-821. **А. Франсъ.** Подъ придорожнымъ вязомъ.
822. **Джэкъ Лондонъ.** Сила женщины и др. разсказы.
823-824. **Шатобріанъ.** Атала. Ренэ.
825. **Джэкъ Лондонъ.** Послѣдняя борьба и др. разсказы.
826-828. **Мопассанъ.** Наше сердце.
829. **Уэлльсъ.** Страна слѣпыхъ и др. разск.
830. **Янъ Порукъ.** Бѣлая одежда и др. разсказы.

Подробный каталогъ высылается безплатно.

Заказы не менѣе, чѣмъ на полтора рубля, исполняются Главной Конторой (Москва, Козицкій п., № 2) наложенн. платежомъ.

Типографія Русскаго Товарищества, Москва.

